

Убийственное Рождество. Детективные истории под ёлкой (антология)

Николай Свечин, Валерий Введенский, Андрей Добров, Иван Погонин

Аннотация
Убийственное Рождество. Детективные истории под ёлкой
Николай Свечин. Шёл по улице малютка…
Валерий Введенский. Лошадка класненькая
Андрей Добров. Чужак с внимательным взглядом
Иван Погонин. Алмазный гусь
Валерий Введенский. «Котолизатор»
Валерий Введенский. Похитители «Рождества»
Об издании

Аннотация

Рождественская пора — время чудес. Но сочельник еще и время, когда активизируются темные силы. Пока одни готовятся к празднику и покупают подарки, преступники строят свои планы и, пользуясь общей расслабленностью, проворачивают страшные дела. Противостоять им будут прославленные сыщики, созданные мастерами жанра: Николаем Свечиным, Валерием Введенским, Андреем Добровым и Иваном Погониным.

Убийственное Рождество
Детективные истории под ёлкой

Николай Свечин
Шёл по улице малютка…

Начальник Нижегородской сыскной полиции статский советник Благово сидел в кабинете и обижался. 24 декабря 1880 года, навечерие. Завтра Рождество! А из Петербурга получен приказ по МВД о наградах, и в нем сыщик отсутствует… Между тем губернатор еще месяц назад известил Павла Афанасьевича, что послал на него представление к Аннинской ленте[1]. Обошли, столичные бюрократы! Посмеялись и вычеркнули.

Из приемной донесся знакомый голос — это пришел Лыков. Титулярный советник, богатырь и помощник начальника сыскного отделения был чем-то возбужден. Благово Лыкова любил и терпеливо растил из обалдуя своего преемника. Алексей явился кстати. Нужно было выместить на ком-то раздражение за неполученную ленту, и Лыков для этого годился. Статский советник вздохнул, поднялся и вышел в приемную. Хотел

---

[1] Примечания: 1

То есть к высшей, первой степени ордену Святой Анны.

уже сказать что-то язвительное, но осекся. Посреди комнаты стоял ребенок лет пяти-шести, бледный от холода, с испуганными, затравленными глазами. Он был одет в добротную кроличью шубку с теплым башлыком и маленькие валеночки с галошами. Несколько сыскных агентов столпились вокруг него и пытались разговорить малыша, но тот косился на дверь и молчал. Алексей протянул мальчишке стакан горячего чая в бисерном подстаканнике:

— На, выпей! Замерз ведь…

Но тот отбежал в угол и стал там, готовый в любой момент зареветь.

— Кто это? — изумился Благово. — И кто его привел?

— Здравствуйте, Павел Афанасьевич! — произнес Лыков. — С наступающим вас! Вот, иду на службу, а он сидит.

— Где сидит?

— На тумбе, не доходя Варварской церкви. Один, весь иззябший и плачет тихонечко. Мимо люди проходят, крестятся и отворачиваются. Иной встанет, спросит — и отойдет.

— Зачем ты сюда-то его привел? Посмотри: хорошо одет, ухоженный. Это не подкидыш и не беспризорный. Нянька, раззява, потеряла. Сейчас,

поди, бегает вокруг храма да голосит. Надо было там остаться.

— Я тоже сначала так решил. Расспросил народ. Потом взял его за ручку — да он холодный, будто ледышка! А когда с нищим с паперти поговорил, то схватил мальца на руки и бегом сюда.

— Что такого сказал нищий? — сразу насторожился Благово.

— Уверяет, и определенно, об очень странном факте. Он видел ребенка еще ночью, тот грелся в церкви. Один.

— Один? С ночи? — Статский советник схватился за брегет. — Какая скотина ребенка из дому выставила? Доктора сюда, немедленно!

— Уже позвали, ждем с минуты на минуту. А пока хоть бы чаю попил, согрелся. Ни в какую. Он чем-то сильно напуган.

— Ты с ним разговаривал? Что он сказал?

— Ничего. Говорю, ребенок напуган. Молчит. Мне кажется, он вообще немой. Ни звука, ни всхлипа!

— Да… Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал… Не нравится мне это. Тем более накануне праздника. Ребенок из хорошей семьи, ушел из дому, перепуган до смерти — и никто его не ищет. Соображаешь?

— Да. Совершено преступление?

— Возможно. Не ищут потому, что с ними самими произошло нечто нехорошее. Ох, пропало Рождество…

Тут распахнулась дверь, и вбежал полицейский врач Милотворский.

— Где он?

— Вон, у окна прячется, — ответил Лыков. — И молчит, даже не плачет. Он, кажется, немой.

— Немой? Ну, это вряд ли!

— Точно немой, Иван Александрович! Я с ним и так и этак — ни гу-гу!

Доктор сбросил шинель, потер ладони, открыл свой чемоданчик и вынул оттуда серебряную ложечку. Сел напротив маленького человечка. Тот сжался и застыл в молчаливом ужасе. Милотворский по-доброму улыбнулся.

— Ну-ка, скажи мне: а-а-а…

И поднес ложку к лицу ребенка. Тот открыл рот и громко просипел:

— А-а-а-а…

— Очень хорошо, молодец! Тебя как зовут?

— Саша.

— А фамилию свою знаешь?

— Гущин.

— Ой! — вскрикнул вдруг агент Торсуев. — Это ж

зерноторговца Гущина сынок! С Дворянской улицы.

— Ты сын Феофилакта Ионовича Гущина? — мягко спросил доктор.

— Да, — ответил малец и задрожал мелкой дрожью.

— Что с тобой? Где твой отец, почему он тебя не ищет?

— Его убили.

— Убили? — хором воскликнули сразу несколько сыщиков.

— Да. И няньку Машу. И дядю Ваню. А я убежал.

— Когда это было? — Благово растолкал всех и опустился перед ребенком на колени.

— Не знаю. Я спал. Потом нянька Маша разбудила. Вставай, говорит, тятеньку твоего зарезали… Одела в зимнее и хотела куда-то вести. Но пришли они и убили всех.

— Как же ты спасся?

— Дядя Ваня крикнул: «Беги!» — и бросился на них. А я побежал на двор. Там калитка.

— И за тобой никто не гнался?

— Я не знаю. Испугался и не оглядывался до церкви. Мы с тятей в нее ходили…

— А кто такие они и кто — дядя Ваня?

— Дядя Ваня наш приказчик. А они…

На этих словах ребенок не выдержал и зарыдал. Он ревел на всю комнату, и слезы в два ручья лились из глаз. Даже видавшие виды сыщики дрогнули сердцем. Милотворский взял несчастного сироту на руки и сказал Благово:

— Все, на этом допрос закончен. Надо его согреть, успокоить… пожалеть, в конце концов. Дайте мне сани, я отвезу Сашу к себе домой.

Статский советник замахал руками:

— Конечно, Иван Александрович! Забирайте и побудьте с ним пока. У него есть дядя, Варлам Ионович, тоже зерноторговец. Все-таки родная душа… А мы открываем розыск. Лыков, Торсуев — за мной!

Через десять минут пошевни сыскной полиции подъехали к дому Гущина. Добротный особняк за глухим забором стоял возле Ремесленной управы. Снаружи все выглядело благополучно. Дорожка к дому почищена, нигде ни соринки. Полицейские подбежали к дверям — так и есть! Не заперто, и возле крыльца пятна крови.

Сыщики ворвались в дом и сразу наткнулись на первый труп. Крепкий мужик, похоже, белый

дворник[2], лежал в передней. В груди виднелась ножевая рана, кровь обильно залила все вокруг. Перепрыгнув через убитого, бросились дальше и в гостиной обнаружили еще два тела. Полная пожилая женщина застыла на диване. Ее удушили — веревка так и осталась на шее. Мужчина лет пятидесяти, в порванном сюртуке и с искаженным болью лицом, распластался возле трюмо. Его зарезали ударом в спину.

— Это нянька и приказчик, — догадался Лыков. — Где же хозяин? Не иначе в кабинете.

Сыщики пошли туда и действительно увидели четвертую жертву. Степенный и уже немолодой, аккуратно одетый, в ухоженной бороде, это и был купец Гущин. Лицо его выражало изумление. Напротив сердца — такая же точно рана, что и у мужика из передней. Бил профессионал.

— Приплыли, — вздохнул Благово и сел на тахту. — Четыре покойника в самое Рождество. Праздники псу под хвост, господа!

Тут послышались шаги, и в кабинет ввалился мужчина в запорошенной снегом шубе.

— Где мой брат? — с порога крикнул он. Но увидел труп и осекся.

---

[2] Примечания: 2
Белый дворник — слуга для тяжелых работ по дому.

— Гущин Варлам Ионович? — спросил для проформы Алексей, хотя по сходству лиц это было и так ясно.

Тот лишь молча кивнул. Не глядя на полицейских, он первым делом кинулся к бюро. Вынул верхний ящик, чертыхнулся и без сил опустился на стул.

— Что пропало? — поинтересовался Благово.

— Процентные бумаги на сорок тысяч. Я приехал, чтобы их забрать.

— Зачем же?

— Собирался открыть новое дело — контору в Рыбинске. Хорошее было бы дело. Теперь все…

— Ваш брат припас эти деньги? Кто еще мог знать, что в доме находится крупная сумма?

— Приказчик Зыков.

— Это тот, что в гостиной лежит?

— Он.

— Других, кто знал, не назовете?

— Дайте хоть с мыслями собраться! — вспыхнул купец. — Брата все-таки убили! А вы — кто знал, кто знал…

— Ну, собирайтесь пока, — примирительно ответил Благово. — Только в детской. Там пусто. А здесь мы будем обыск делать.

— Кстати, господин Гущин, — неприязненно

сказал титулярный советник. — В бюро-то вы сразу полезли… В первую очередь о деньгах подумали. А про племянника своего не хотите спросить?

— Да, как-то из головы вон, — спохватился зерноторговец. — Так что с Сашей? Где он? Неужели изверги и его убили?

— Нет, мальчик жив. Ему удалось убежать. Сейчас он в доме полицейского врача Милотворского, приходит в себя. Саша всю ночь просидел в Варварской церкви. Не хотите проведать племянника?

— Не сейчас, позже. Я должен видеть результаты вашего обыска. Как наследник. Кроме того, я нужен тут. От кого еще вы узнаете, что пропало из дома?

Лыков покосился на начальника. Тот встал с тахты.

— Это разумно, хотя… бессердечно. Но решать вам. Теперь идите с глаз моих. Понадобитесь — позовем.

Гущин с обиженным лицом вышел. Лыков проводил его взглядом и вздохнул:

— Вот скотина! На брата даже не взглянул, сразу полез деньги проверять. Ну и «родная душа» будет у мальчишки…

— Однако доктор нужен нам здесь, — проворчал Благово. — Торсуев! Сгоняй-ка к Милотворскому.

Вдруг из гостиной раздался едва различимый стон. Сыщики, не сговариваясь, бросились на звук. Приказчик шевелил губами, пытаясь что-то сказать.

— Лыков! Грузи раненого в пошевни и пулей в Мартыновскую больницу. Потом возвращайся сюда с двумя агентами. Торсуев! Карауль братца. Из детской не выпускать, про то, что обнаружен живой приказчик, — не говорить.

— Есть!

— А я пока осмотрю дом.

Машина розыска набирала ход. На место происшествия прибыли полицейский врач и судебный следователь, заглянули ненадолго полицмейстер и вице-губернатор. Убийство четырех человек в канун Рождества — страшное святотатство. Власти прилагали все силы для быстрейшего открытия извергов. Благово с Лыковым вертелись, как чумные, забыв про торжества. Лишь под утро, пропустив Великие часы, они едва успели в кафедральный собор к литургии.

Раскрытие преступления случилось неожиданно быстро и мало зависело от рвения сыщиков. Алексей пришел домой и попытался часик сос-

нуть, но не успел — за ним заехал Благово.

— Вставай, бездельник! Зыков очнулся и готов дать показания.

— Какой Зыков? — не понял спросонья титулярный советник.

— Приказчик, раненный в доме Гущина.

— Выжил? Когда я его отвозил — очень был плох!

— Не знаю, насколько он стал хорош. Милотворский провозился с ним всю ночь, а сейчас прислал записку. Удар сзади оказался неудачным. Клинок попал в лопатку, соскользнул и прошел ниже сердца. Зыков больше пострадал от кровопотери. Видимо, умрет — его уже соборовали. Но он хочет нам что-то рассказать. Если успеет… Так что собирайся быстрее!

Зыков лежал в одиночной палате земской больницы под наблюдением врача. Увидев полицейских, он обрадовался и прошептал бескровными губами:

— Наконец-то…

— У вас хватит сил? — наклонился над раненым Благово.

— Хватит… Я должен… должен. Исповедался, а теперь и вам расскажу… Ничего не утаю… С Богом скоро встречаться, надобно душу очистить…

Сыщики сели у кровати, Лыков достал бумагу и карандаш. Приказчик вздохнул, как перед прыжком в холодную воду, и начал свой рассказ:

— Я погубил свою душу пять лет назад. Уж позвольте с этого места излагать, а до убийств доберемся… Настоящая моя фамилия Братцов, а Зыковым стал по поддельному паспорту. Служил я тогда в Ярославле у богатого купца Чумакова. Был на хорошем счету и выбился в старшие приказчики. Хозяин мне доверял… Однажды он поехал в Ирбит на ярмарку, а мне оставил двадцать восемь тысяч рублей закончить сделку. Тут-то меня и обуял лукавый…

Зыков-Братцов прикрыл на минуту глаза, потом продолжил:

— Долго говорить сил нет, буду покороче… Одним словом, украл я эти деньги. Не смог побороть соблазн. Купец приехал, спрашивает отчета, а я говорю, что он мне никаких сумм не давал… Скандал учинился. А свидетелей-то нет! Подал Чумаков на меня в суд, ничего там не доказал и написал архиерею, просил разобрать наш спор Божьим судом… А именно — привести меня к клятве перед крестом и Святым Евангелием в том, что я денег у него не брал. Вот… Как быть? Думал я, думал и решил идти до конца. Страш-

но мне тогда сделалось, но еще больше боялся тюрьмы… Ну и… Ровно в полночь вывели меня священники из дома, босого, в саване, перепоясанном веревкой. В руки дали свечу из черного воска… Иду к собору, впереди меня несут крест с Евангелием, а по бокам другие священники, в черных ризах, но с белыми свечами. Все церкви, мимо которых прохожу, печально перезваниваются, словно священника хоронят… По обеим сторонам толпы народа — почитай весь город на улицу высыпал… Смотрят и крестятся молча. Да… Меня стала пробирать дрожь, едва ноги волочу. Как быть? Душу-то жутко терять! Еще не поздно покаяться. Так и добрался я до кафедрального собора… Там архиерей сказал мне последнюю речь, предупредил про кару Божию за клятвопреступление. Но я уж решил, что в тюрьму не пойду.

Приказчик снова закрыл глаза, словно впал в забытье, но вскоре упрямо продолжил:

— Нет уж, не помру, покуда не доскажу! Так вот… Принес я клятву *лживую*, безбожную и на другой день из города сбежал. Скитался туда-сюда… Деньги ворованные вложил, да неудачно — в Скопинский банк, где их и украл тамошний кассир. И вышло, что душу я за просто так отдал… Дела… А два года назад, купивши фальшивый

паспорт, оказался в Нижнем Новгороде. Втерся Феофилакту Ионовичу в доверие, начал обороты его вести, притом успешно… Ну, ежели по совести, хотел я и его обмишурить, когда в полную веру войду и к деньгам доступ получу. Да не успел…

Вызвал меня в трактир евойный брат. На той неделе оно случилось. Не знаю уж откуда, но прознал сей мерзкий человек про мою ярославскую историю… И говорит: помоги мне наследником дела стать, Фифку проклятущего отодвинуть. И щенка его тоже. Тебе после клятвопреступления терять-то уж нечего. Грехом больше, грехом меньше… А не то сообщу в полицию! Службы лишишься и в тюрьму сядешь — за подложный документ. Да…

Думал я недолго. Чего, действительно, терять? Если ад есть, то гореть мне там вечно и без того. А ежели нет, то в тюрьму опять неохота! Одно меня смущало: как малое дитя убить? Но Варлам, собака, успокоил. Это, говорит, не тебе делать, на то особые люди припасены. А тебе надо только двери открыть… Я спросил: как же мне убийц впустить? Ведь они меня первого и зарежут!.. А он ответил, что нет, не зарежут. Я-де ему живой нужен, чтобы дела вести. Сам-от Варлам на труд не способен, а будет только барышами поль-

зоваться… В столицы уедет, а я управляющим у него останусь и с хорошим жалованьем…

Смутил он меня совсем… И все полицией пугает, ежели не соглашусь. Еще я попытку сделал. Дитя, говорю, зачем кончать? Тебя ж к нему суд в опекуны назначит. Разворуешь незаметно… Ангельскую душу губить не придется… А Варлам ответил: нет, надобно довести до конца и Сашеньку маленького тоже удавить. Зачем делиться, коли можно все себе забрать? И засмеялся так… нехорошо… К брату старшему он давно имел счеты, завидовал его оборотистости и дитя его ненавидел. Опять же, законный наследник подрастет. Тут понял я, что ангелочка нашего убьют. А мальчишка мне нравился — вежливый, и сердце доброе, не то что у папаши. Папашу-то его мне под ножи подвести было что плюнуть, и прислугу тоже… а Сашу не хотел, не хотел…

Да… Но деваться, стало быть, некуда! Жалко мальчишку, но своя шкура дороже. Ежели разоблачат меня, то службы лишусь и нигде ее больше в вашем городе не найду. И в тюрьму неохота. Опять возраст: бежать, искать другое место, все по новой начинать тяжело… И согласился я тогда. Но выставил Варламу два условия. Первое: я ему сказал, что не верю, будто оставят меня в живых.

Действительно, зачем? Проще зарезать со всеми, как только открою дверь. И придумал я так: спрячу-де письмо в секретном месте, где будет про Варлама Ионовича. Ежели меня погубят, то письмо попадет в полицию. Очень это нанимателю не понравилось! Но деваться некуда, пришлось стерпеть.

— А второе условие?

— Второе тоже было по необходимости. Представьте, если бы я один остался в живых! Когда все мертвые лежат… Ну, связали бы, синяков наставили. Все равно подозрительно! Полиция первого меня и стала бы трясти. Начали бы копать и докопались бы до чужого паспорта… Так ведь?

— Так, — кивнул Благово.

— Вот… И я подумал… И сказал Варламу: сделаем, что я будто бы убег. Заслышал шум и убег через заднюю дверь! Сразу в полицию, сообщить. Полиция придет, а убийц уж след простыл. Пускай поторопятся!

— Все равно подозрительно, — вставил Лыков.

— Подозрительно, — согласился приказчик. — Но все ж не так!

— Кто эти люди, что с ножами пришли? — спросил статский советник.

— Одного только могу назвать… Фомка по прозвищу Живодер…

— Знаем такого, — в один голос заявили сыщики.

— Он за старшего был… Второй раз когда встречались в трактире, Гущин его мне показал…

— Ну, эту гадину мы найдем, — сказал Благово и посмотрел на Лыкова. Тот молча кивнул.

— И вот позавчерашнего дни… поздно уже… сидим мы все дома, по комнатам. Я сам не свой, но виду не подаю. Сашенька спит уже. Гляжу на няньку, на Степана, на хозяина своего и думаю: скоро вам всем помирать. Феофилакт Ионович заглянул ко мне и ушел. Веселый был такой… ничего не предчувствовал. Рождества ждал, подарки наготовил… И тут что-то меня словно бы толкнуло. Как же так — Сашеньку убьют, и это я его погубил? Поспешил я в детскую, говорю няньке: не спрашивай ни о чем, а разбуди и одень ребеночка в уличное. Хозяин-де велит. Она поверила — а чего ей не поверить? И стала собирать Сашу. А я, как стукнуло одиннадцать, тихонько открыл входную дверь. Вошел Фомка, и с ним еще один, незнакомый. Нашумели, дураки! Выбежал тут Степан, наш кухонный мужик — и мигом они его зарезали. Я дрожу, но креплюсь. Послал их в ка-

бинет хозяина, а сам в детскую вернулся. Говорю Маше: в доме грабители, Феофилакта Ионовича убили! Хватай ребенка и беги! А тут эти заходят… Лица страшные. Быстро как-то обернулись… И тогда понял я…

Зыков-Братцов замолчал, по щеке его покатилась одинокая слеза. Потом он одолел себя и продолжил:

— Вспомнил я страшный свой грех и понял: последняя сейчас у меня возможность его искупить. Душу спасти, пусть даже с запозданием, и ангелочка невинного, доброго сердцем… Одно дело — хозяйские деньги украсть, и совсем другое — ребенка умертвить! Крикнул няньке еще раз, чтоб бежала, и схватился один с двумя… Больше ничего не помню.

Наступила тягостная тишина. Через минуту приказчик слабо улыбнулся и показал глазами на доктора Милотворского:

— Вот… он мне сказал, что Саша спасся и даже не заболел. Хорошо-то как… Может, еще и увижу Царствие Небесное?..

И впал в забытье. К вечеру приказчик скончался.

Сыщики остались с предсмертным признанием на руках, но без свидетеля. Допрошенный по

горячим следам Варлам Гущин обвинения отрицал. Возмущался, грозил пожаловаться государю — все как полагается… Его посадили в острог, в дворянскую камеру. Одних признаний Братцова для суда было недостаточно. Слова против слов. Мало ли какие мотивы были у покойного? Мог оговорить со зла или из мести. Что делать — ясно: ловить непосредственных убийц.

Гущин тоже понимал, что наймиты в случае ареста утянут на каторгу и его. Смешно было ждать от арестованного подсказок, где искать Фомку Живодера. Но сыскной полиции этот персонаж был хорошо знаком. Кличку свою мещанин Баранов получил за мерзкие садистические привычки. Еще в детстве он мучил и убивал кошек, а как подрос, перешел на людей. Настоящий разбойник! В каждом крупном городе есть такие. Только ежели в Москве их полсотни, в местах навроде Нижнего — два или три. Фомка обитал в притонах, жил награбленным, иногда наведывался в столицы. Был там свой человек в кругах гайменников. И ловко скрывался от полиции. Благово сказал, что эту гадину они поймают, но то были слова. Павел Афанасьевич давно хотел засадить негодяя в тюрьму. Да все не выходило… Живодер подозревался в нескольких

ограблениях, одно из которых закончилось смертью потерпевшего. Начальник сыскной полиции допускал, что после четырех убийств Живодер с помощником кинулись прятаться в Москву. А если не уехали, то где могли укрыться?

Сыщики перерыли все известные им притоны и никого не нашли. Агентура тоже молчала. Живодер исчез. Вечером Павел Афанасьевич собрал у себя Лыкова и Титуса. Он был подозрительно спокоен.

— Ну, безобразники, какие у кого идеи?

— Кондукторов в поездах опросить, — сразу ответил Лыков. — Второй-третий классы.

— Форосков уже занимается, — отмахнулся статский советник.

— Извозопромышленников надо потрясти, — предложил Яан. — И одиночек. Особенно тех, кто ездит за город. Таких не очень много.

— Уже теплее, — одобрил Благово, и стало ясно, что он давно отыскал злодеев.

Алексей набычился. Что же придумал многоумный начальник? Он стал рассуждать вслух:

— Сейчас зима, реки стоят. Только поездом или санным ходом… Есть ямской извоз, а с недавнего времени еще и крестьянский. До Казани или Самары крестьяне возят даже быстрее.

Благово с любопытством слушал, но молчал. Воодушевленный Лыков продолжил:

— Но я бы поискал поближе.

— Где?

— Вокруг города.

— Это в Сормове, что ли? — ухмыльнулся статский советник.

— Хоть бы и так. Но лучше иметь зацепки.

— Ну-ну… И какие предлагаешь?

— У Варлама Гущина мельницы или амбары есть?

— Мельниц нет, он же перекупщик, — пояснил Титус. — Амбары имеются, в Катызах. Но мы их уже обыскали — никого. Да и холодно там прятаться.

— Хорошо, пойдем дальше, — бодро сказал Лыков, не спуская глаз с Павла Афанасьевича. — Дача есть у этого мерзавца?

— Вот этого не знаю, — развел руками Яан и тоже поглядел на Благово. Тот стукнул себя кулаком по колену:

— Горячо!

Друзья переглянулись. Алексей осторожно спросил:

— Стало быть, дача есть?

— Угу.

— И отапливаемая?

— Вполне, — ответил Благово. — Варлам иногда уезжает туда на неделю. Будто бы охотиться. И не замерзает.

— Где же это палаццо?

— На Моховых горах.

Моховые горы находятся на левом берегу Волги ниже большого села Бор. Летом там полюбили селиться дачники. Рыбалка, грибы, близость реки делали местность привлекательной. Некоторые богатеи начали строить по урезу воды летние хибары. Но теплый дом? В таком глухом месте? Летом по воде добираться легко, а по снегу каково?

— Как вы узнали? — не удержался Лыков.

— Проследили за крестником Гущина, — пояснил Благово. — Некий Павел Силков, на побегушках у хозяина, но доверенное лицо. Вчера Силков купил водки, солонины в консервах и отвез в Моховые горы.

— Надо ехать и смотреть!

— Дом стоит на опушке леса. Если явимся толпой, они убегут. В лесу мы их упустим.

— Я подъеду один, на гущинских розвальнях. Скажу, что заместо крестника. И что Варлам Ионович прислал им пожрать.

— А дальше что? — насторожился статский советник.

— Как что? — удивился Лыков. — Дальше стану их бить. Смертным боем, как полагается.

— Их там двое, а ты один, — возразил Титус. — Терять ребятам нечего… Давай я укроюсь под рогожей! Вылезу и пособлю.

— И отморозишь себе выступающие части тела? — ухмыльнулся титулярный советник. — Женись сначала!

— Яков дело говорит, — остановил помощника Благово. — Их двое, отчаянные. Фомка Живодер по приметам десяти вершков[3]!

— Да хоть двадцати! — ответил Лыков. — С него и начну. Кто не спрятался, я не виноват…

Благово с Титусом переглянулись, и Яан кивнул:

— Алексей прав. Одного они не испугаются и впустят в дом. Опять же, сани и лошадь знакомые. А так…

— Возьми с собой револьвер и кастет! — нахмурился статский советник.

— Слушаюсь! — шутовски вытянулся Лыков. — А еще ружье и батарею конной артиллерии!

---

[3] Примечания: 3
186,5 см.

— Я серьезно, орясина!

— Павел Афанасьевич, их же всего двое, — сбавил тон его помощник. — И нападу я неожиданно. В первый раз, что ли?

И сыщики принялись оговаривать детали.

Лыков прибыл на место около десяти часов утра. Ничего себе дачка! Пусть не палаццо, но добротный пятистенок. С дровяником, баней и конюшенным сараем. Обнесен высоким забором. Стоит на гриве, окнами на Волгу, а позади — заснеженный лес. Если убийцы внутри, то им нужно лишь через забор сигануть, и ищи-свищи… Вокруг больше ни одного строения. Как Варлам не боялся тут жить?

То, что в доме есть люди, Алексей понял сразу. Дернулась занавеска на окне, и следы у калитки еще не замело.

Титулярный советник сам открыл ворота, завел лошадь под уздцы и привязал к коновязи. Все это он делал, стараясь выглядеть привычным. Потом взвалил на спину мешок, а в другую руку взял четверть водки. Тут дверь распахнулась, и на крыльцо вышел мужик в наброшенном на плечи тулупе. Рыжеволосый, глаза светло-серые, ростом на пару вершков ниже Фомки Живодера… Значит, это его напарник.

— Ты кто? — спросил незнакомец, а сам глаз не сводил с бутыли. Любит, стервец, водочку! Это хорошо…

— Я Вовка. Заместо Пашки. Меня Варлам Ионыч прислали. Самому ему нельзя, за ним могут следить.

— А за тобой, значитца, нет? — сразу окрысился рыжий.

— Я нарочно плутал.

— Знаю я, как вы плутаете, дураки деревенские!

Лыков «обиделся»:

— Не хошь, так и не надо! Тута вам и хлеб, и колбаса, и водка… А они кобенятся! Больно мне надо в такой холод сюды ездить! Еще и обругали!

И повернулся к саням.

— Эй, мешок и бутылку оставь!

— Сам купишь, мазура! Тут лавка недалеко!

За спиной стукнула дверь. Алексей обернулся. Возле рыжего скандалиста появился угрюмый детина со злыми напряженными глазами. Он процедил сквозь зубы:

— Неси в дом. И не шуми.

— Он первый начал!

— Я сказал, тихо!

Лыков с обиженным лицом пошел в избу. Про-

тиснулся между громилами, из холодных сеней шагнул в горницу. Тут было натоплено, на столе теснились пустые бутылки и валялись корки хлеба. К лавке было приставлено ружье. Ого! Этого только не хватало… Сыщик начал разбирать мешок, заняв позицию между ружьем и гайменниками.

— Вот! На три дни хватит, а потом Варлам Ионыч вдругорядь меня пришлют. Велели еще передать, что в городе как метлой метут. Что энто значит, не пойму, но велели…

— Не твоего ума дело, — грубо оборвал его Живодер. А рыжий мигом схватил бутылку и начал свинчивать ей голову.

— Вот она, родимая!

Воспользовавшись этим, Лыков отошел в сторону и снял с себя тулуп. Фомка не сразу заметил маневр. А когда заметил, осерчал:

— Ты че, поселиться тут вздумал? Бери ноги в руки и прочь отсель.

Титулярный советник, не обращая на его слова никакого внимания, бросил на пол рукавицы.

— Эй, ланцепуп! Ты глухой али глупый?

— Ни то и ни другое, — ответил сыщик своим обычным голосом. — А буду я сейчас вас, тварей, лупить на обе корки…

Он сказал это так буднично, что Фомка Живодер сразу все понял. Нагнулся было к сапогу, но получил ногой в темечко и полетел кубарем. Рыжий застыл с четвертью в руках.

— Ай! Ты кто?

— Раз-два и в дамки! — ответил сыщик, двумя страшными ударами отправляя его на пол.

Фомка вскочил, но вынуть нож опять не успел. Лыков двигался быстро, словно танцевал вокруг противника. Он сместился вроде бы под левую руку и вдруг оказался под правой. Хрясь! Готов…

Через два часа арестованные стояли в кабинете Благово. Рыжий скулил, по его окровавленному лицу текли настоящие слезы.

— Ваше высокоблагородие, у меня грудь слабая, а он меня что есть силы!

— А нечего было людей убивать, — назидательно ответил статский советник. — Теперь уж что! Теперь тебе жалеть не об чем. На каторге все равно сдохнешь.

Мужик завыл.

— Молчать! — рявкнул Павел Афанасьевич. — Нагадил, так дай ответ! Если сей же час сознаешься, получишь на суде снисхождение. Это ведь Фомка кровь лил? Ты только за руки держал? Я все знаю!

— Точно так, ваше высокоблагородие! Он! Он и резал, и душил!

— А второй Гущин, который брат Феофилакта Ионовича?

— Тот деньги платил! Это рази брат? Да он хуже волка, вот какой он брат! А я спьяну да по дурости, ваше высокоблагородие… Грудь у меня слабая, пропитание добывать трудно…

— Погоди со своей грудью. Точно Варлам платил за то, что вы брата его со всей семьей убьете? Ты сам это слышал?

— Как есть! Ей-бо, сам слышал и сам от него деньги получал. Могу на суде присягнуть!

— Так и сделай. Глядишь, срок тебе убавят. А на каторге тоже лазареты есть. Будешь, вместо чем кайлом махать, на койке отлеживаться.

Фомка Живодер слушал этот разговор молча, а на последних словах злобно плюнул. И тут же охнул от боли — Лыков выбил ему чуть не все зубы…

На другой день Благово сидел у Лыковых за праздничным столом. Холостяк, сам он ничего у себя не готовил, а ходил по чужим домам. После десерта начальник отделения и его помощник развалились в креслах. Не хотелось ни говорить, ни думать. Вдруг Алексей сказал:

— Странно устроен человек. Взять Братцова. Дал ложную клятву, сгубил себя на веки вечные. Терять уже нечего после такого! И вот на лестнице в ад занес было ногу на последнюю ступеньку — и остановился. Не сумел! Ребенка пожалел. Пропащий, а что-то в душе осталось христианское… Куда он теперь, Павел Афанасьевич? В ад или в рай?

— У некоторых сектаторов есть такой постулат: не согрешишь — не раскаешься, а не раскаешься — не попадешь в Царствие Небесное, — задумчиво ответил статский советник. — Бог рассудит. Налей-ка мне лучше пендюрочку!

Валерий Введенский
Лошадка класненькая

Сочельник начался буднично: сперва чиновник по поручениям Яблочков доложил Крутилину о происшествиях, случившихся ночью, — слава богу, ни убийств, ни крупных ограблений; потом агенты по очереди отчитались по вчерашним поручениям и получили сегодняшние. Затем Иван Дмитриевич разобрал поступившие бумаги: прошения, жалобы, телеграммы, доносы, а заодно испил чай с бубликами. И немедля приступил к приему посетителей, которых каждый день в сыскное приходит не меньше десятка. И все с одним и тем же: а нельзя ли посадить в тюрьму любовницу мужа? Ну как за что? За воровство! Супруг, считай, единственная ценность, кормилец-поилец, а дрянь этакая хочет его заграбастать. Или столь же типичное: начитавшись Стивенсона, сбежал к пиратам десятилетний отпрыск почтенной семьи. Описания и фотографии всюду разосланы, но пока не найден. Нельзя ли во все концы империи агентов отправить на его поимку?

Последним на полусогнутых вошел в кабинет коллежский регистратор Петрунькин. Одет был в нечто, когда-то давно именовавшееся шинелью, в руках вертел сшитую из меховых обрезков шапку. Скулу Петрунькина украшал синяк. Присесть не решился, тихо пробормотал:

— Ограбили меня, ваше высокоблагородие.

— Когда, где, в участок заявили? — перебил его Крутилин, желая придать беседе ускорение. Иначе мямлить будет до ужина.

— Вчера у лавки Тышова…

Ай, молодец, спасибо, что напомнил… Супруга поручила Ивану Дмитриевичу съездить туда за подарком сыночку. Пятилетний Никитушка мечтал получить на Рождество деревянную лошадку со съемным седлом и подставкой-качалкой, к которой крепятся колесики. Хвост игрушки был сделан из настоящих конских волос, а фигура обтянута выкрашенной в ярко-красный цвет натуральной кожей. С такой «лошадкой класненькой» Никитушка игрался в гостях у сына присяжного поверенного Тарусова. С тех пор только о ней и говорил. Стоила игрушка недешево, четыре с полтиной, потому Крутилины решили подарить ее на самый главный после Пасхи праздник — Рождество.

Только бы не забыть о лошадке!

— … стукнул, я и упал, — продолжал тем временем делиться своей бедой Петрунькин.

— Кто, простите? — вынужден был уточнить потерявший нить разговора Крутилин.

— Вы меня не слушали? — спокойно, без гнева, почти обреченно спросил Петрунькин.

— Виноват, задумался. Так вы сходили в участок?

— А как же. Однако помощник пристава сказал, что подавать заявление не надо. Что когда деньги отыщутся, он сам меня вызовет. Всю ночь я ломал голову — а как он поймет, что эти шесть рублей мои? Я не хотел расстраивать Ивана Осиповича, но он, заметив синяк, вызвал к себе, а выслушав, направил к вам. Сказал, что поможете, непременно поможете. Просил передать, что счастию своему исключительно вам обязан.

— Иван Осипович? Это рябой такой, с рыжими усами? — почесал бакенбарды Крутилин, пытаясь вспомнить.

— Нет, что вы! У его высокоблагородия усы седые…

— …орлиный нос, выдающийся подбородок, заикается?

— Верно.

История знакомства с Иваном Осиповичем была мерзопакостной. Из его квартиры пропали драгоценности. Подозрение пало на гувернантку. Но оказалось, что Иван Осипович в нее влюблен. А его жена отчаянно ревнует и, чтобы вернуть мужа, инсценировала ограбление, сдав драгоценности в ломбард.

В результате супруги разъехались.

— Пулю бы в лоб пустил, кабы Мусенька из-за побрякушек на каторгу пошла, — сказал тогда на прощание Иван Осипович, сжимая Крутилину руку. — Век вас не забуду.

И теперь, видимо, в знак благодарности «прислал» под Рождество ограбленного подчиненного.

— Рассказывайте с самого начала, — велел Петрунькину Крутилин.

— Дочка у меня, Глашенька. Умница, красавица, вся в покойную мать. Семь лет в марте исполнится. Если доживет. Болезнь потому что смертельная. Чахнет на глазах, весит будто трехлетка. К кому ее только не возил… Однако все разводят руками. Мол, с кровью что-то не так. А что именно и как лечить, никто не знает. Вернее, каждый профессор уйму лекарств назначает, но ни одно из них не помогает. Чует мое сердце,

скоро Глашенька к моей Алене Ивановне отправится. — Петрунькин достал платочек, чтобы вытереть крохотную слезу, покатившуюся из глаза. — Попросила на Рождество швейную машинку детскую. Я бы и рад. Да только жалованья кот наплакал, все до последнего грошика уходит на лекарства и няньку. И кабы не Иван Осипович… Стоит-то машинка ого-го, шесть рублей! Но его высокоблагородие, войдя в положение, одолжил. И велел не беспокоиться. Мол, когда верну, тогда и верну. На радостях я сразу на Староневский побежал, к Тышову.

— Вчера дело было? — уточнил Крутилин.

— Верно.

— Бегу и мечтаю, вдруг скидку дадут? Вдруг царапина на машинке или скол? Солидный покупатель ни в жизнь такую не возьмет, а мне счастье. Я бы тогда и гуся купил, и мандаринов. А еще квартирохозяину заплатил хотя бы за август. А то вдруг у него терпение лопнет?

— Итак, вы пришли в лавку. — Крутилин решил вернуть Петрунькина к ограблению.

— Да, да, пришел, занял очередь. Народу, сами понимаете, тьма. Что понятно, канун сочельника, каждый родитель должен подарок ребенку купить. Наконец подошла моя очередь, я «зд-

расте», а приказчик в ответ волком смотрит, вид-то у меня не авантажный. Показываю ему на швейную машинку и спрашиваю, нет ли такой же, но со сколом? Даже ответа не удостоил, закричал «следующий». А за мной солидный господин занимал, верно, из банкиров: бобровая шуба, под нею фрак английского сукна, цепочка на пузе золотая, трость с набалдашником из слоновой кости. Этой тростью он меня от прилавка и отодвинул. Стою, ругаюсь на себя, мол, «не гонялся бы ты поп за дешевизною», а что делать, не знаю. Решил было в очередь заново встать, но сзади меня дернули за рукав:

— Эй, барин…

Я повернулся. Молодой человек, одет по-простому.

— Что вам угодно?

— В лавке про товар с изъяном спрашивать нельзя. Они-с репутацией дорожат. Вишь, какой покупатель здесь? Нам не чета. А вот ежели сзаду зайти, там пожалуйста. Хошь провожу? Всех там знаю. И машинка нужная имеется, за три рубля отдадут.

Я чуть было не расцеловал молодого человека. Вышли мы на проспект, обогнули лавку, там он меня и приложил. Словно не кулак у него, а гиря

стопудовая. Ойкнуть не успел, свалился.

— Кастетом бил, — объяснил Крутилин.

— Когда очнулся, лавка была уже закрыта. Я поплелся в участок. Что было дальше, рассказывал…

Крутилин вздохнул. Такие дела должна расследовать наружная полиция. Но народец там подобран некалиброванный: и лентяи попадаются, и такие, что за долю от мазурика глаза на преступление закроют. Эх! Конечно, хотелось домой — сочельник на носу, надо бы и отдохнуть перед Всенощной — придется повременить, Петрунькину помочь, потому что дочку его жалко до слез — последнее у девочки Рождество. И мечта последняя.

Так, так… Старшего агента Фрелиха переоденем в рваную шинель (такая в гардеробе сыскного отделения как раз имеется), будет весь день выспрашивать в лавке Тышова дорогую игрушку с изъяном. Вдруг преступник захочет снова провернуть принесшую удачу комбинацию. Авось и поймаем… А ежели нет? Иван Дмитриевич решил, что при любом исходе купит несчастной Глашеньке машинку.

— Что ж! Ступайте обратно в присутствие…

— Нет, нет! Иван Осипович отпустили насо-

всем. Потому что нянька велела прийти сегодня пораньше, ей домой надо, стол готовить. Праздник!

— Адресок свой напишите. Как поймаю мерзавца…

— Неужто поймаете?

— Обещаю!

— Всю жизнь за ваше здоровье свечку буду ставить.

Крутилин сунул в карман записку с адресом и готов был распрощаться, однако на всякий случай задал дежурный вопрос. А вдруг?

— Внешность нападавшего не разглядели? Может, особые приметы?

— Ой, простите, хотел с того начать. Но пребываю в таком волнении… У него мизинца не хватает на левой руке.

— Что ж молчали? — Крутилин два раза дернул за сонетку.

Буквально через секунду — сыскная занимала весьма скромное помещение в Адмиралтейской части — в кабинет зашел делопроизводитель.

— Дело Колударова. Живо, — велел Крутилин.

— Старшего? — уточнил подчиненный.

— Младшего, — рявкнул Иван Дмитриевич.

Поиски заняли минут десять. На подшитом

к делу фотографическом портрете Петрунькин опознал нападавшего. Крутилин снова дернул за сонетку, теперь не два, а всего лишь раз, и в кабинет зашел чиновник для поручений Яблочков.

— Пора тебе размяться, Арсений Иванович. Бери двух агентов, только обязательно с револьверами, и лети в Пески. Задержишь там сего голубчика. — Крутилин указал на фотопортрет.

— Адрес?

Крутилин пролистнул дело. Адрес почему-то не указан. Как выглядит дом, Иван Дмитриевич помнил, но вот улицу и номер, хоть убей:

— Сам покажу.

Крутилин велел агентам обогнуть старый одноэтажный домик и занять позицию на задворках — младший Колударов прыток: и с чердака способен сигануть, и через окно выбраться. Сам же в сопровождении Арсения Ивановича прошел к двери и постучал. Им открыл плешивый старик, одетый в рубаху навыпуск и старые с дырками портки.

— Никак Иван Дмитриевич? — спросил он, заслоняя ладонью яркое зимнее солнце.

— Не ждал?

— А в честь чего? Для сыскарей я ужо помер. Давно на пенсии. Только не платят ее почему-то.

Хе-хе…

Когда Минай Колударов в силе пребывал, зарабатывал на жизнь грабежом. Да столь ловко, что на каторгу так и не попал. Когда же по возрасту от лихих дел отошел, эстафету перенял его сынок.

— Поговорить надо, — заявил Крутилин.

— Ну говори, только, не обессудь, слышу плохо, через слово.

— В дом пошли…

— Не прибрано, старица моя болеет…

— А Васек вам на что?

— Кто-кто?

— Васек.

— Значит, и у тебя с памятью беда. Я-то думал, у одного меня расстройство. Ты ж, Иван Дмитриевич, Ваську в арестантские пристроил. Неужто забыл?

— Вышел уже.

— Вышел? Счастье-то какое. Феклушка, Васечку отпустили!

Тут у Крутилина терпение закончилось:

— Хватит, Минай, кончай балаган. Пошли в дом.

А Яблочков для убедительности сунул в бок Колударову револьвер.

— Сплошное нарушение правов, — пробурчал

тот, однако посторонился.

Из светлицы раздался старушечий голос:

— Кто к нам? Дохтор?

— Крутилин, — громко крикнул ей Колударов.

Супружница от такого известия раскашлялась.

— Говорю, больна, а ты не веришь. Чахотка у Феклы, — горестно посетовал хозяин дома.

Через сени прошли в светлицу. Старуха лежала на печи, из-за кашля даже не поздоровалась.

— А ну, спустись, — скомандовал ей Крутилин.

— Пожалейте умирающую, господин начальник. Али вы нехристь? — заступился за супругу Колударов.

— Ты на жалость мою не дави, — посоветовал ему Иван Дмитриевич. — Скажи лучше, где Васек, тогда от Феклы и отстану.

— Знать того не знаем, — ответил Колударов, не отводя глаз от сверлящего его взглядом Крутилина.

Яблочков подошел к печи, схватил старуху за тощую руку:

— Спускайся вниз.

Та, не переставая кашлять, спустила ноги, накинув платок на плечи.

— Возьми ухват, привстань на табурет, пошевели им поглубже, — приказал Арсению Ивановичу

Крутилин.

— Никого, — доложил Яблочков, в точности исполнив поручение.

— Что я говорил… — начал было Колударов, однако начальник сыскной его оборвал:

— Заткнись. — И на Феклу прикрикнул: — И ты, дура, заткнись со своим кашлем, не то пристрелю…

Старуха в ужасе замолкла. Зато храп, что чудился Крутилину с самого входа в дом, стал слышен отчетливей. Только вот откуда раздается?

— Подпол, — понял Яблочков.

Сыщики огляделись. Пол настелен из длинных досок. Где же лаз?

— Сундук, — догадался Арсений Иванович и ремингтоном указал на него. А Фекла неожиданно обеими руками вцепилась в его оружие. Яблочков растерялся — если бороться, так и пристрелить недолго. Или старуху, или себя.

Крутилин достал револьвер и приложил к голове Миная:

— Фекла, не дури.

— Отпусти, — вторил ему Колударов. — Видать, такая у Васьки судьба. Не успел выйти, как идти опять.

— В этот раз на каторгу его упеку, — пообещал

Крутилин. — Потому что совести у Васьки нет. Последнее отымает. Да у кого? У умирающего ребенка!

— Молодой потому что, аще без понятий, — согласился Минай.

— Отодвинь сундук и вели выходить.

Васек, пошатываясь из стороны в сторону, вылез, спьяну полез к Крутилину целоваться. Его отец сел на сундук и обхватил голову руками. Старуха принялась собирать сыночка в казенный дом. Тот, глупо улыбаясь, пытался ее успокоить:

— Не волнуйтесь, маманя, не впервой. Примут как родного.

Яблочков обыскал негодяя. Из похищенных шести рублей остался один.

Крутилин вытащил из бумажника червонец с полтинником и протянул Яблочкову:

— Я с агентами доставлю арестованного, а ты езжай на Староневский. Лавку Тышова знаешь?

— Где игрушки?

— Ага! Купишь там машинку швейную и лошадку красненькую…

— Парнокопытное Никите Ивановичу предназначено? — предположил Арсений Иванович.

— Как ты догадлив! Лошадку отвезешь на Кирочную. Только поаккуратней, чтоб Никитушка

не увидел. А машинку доставишь в сыскное, вечерком Петрунькину занесем.

Младший Колударов усмехнулся:

— Поцарапать ее не забудь. Фраерок траченую хотел.

Крутилин не сдержался, врезал так, что Васька упал.

Вечером опять бумаги, опять посетители. Последним вошел старик Колударов.

— Чего тебе?

— Хошь на колени встану?

— Что я тебе, икона? Говори, зачем пришел. Только быстрей.

— Отпусти Васечку. Клянусь, больше о нем не услышишь.

— В монахи пострижешь?

— В монастыре Васечке делать нечего, плохо у него с послушанием. Строго-настрого ему запретил шалить до отъезда. А Василию хоть плюй в глаза, все божья роса. Послал вчера за лекарством, а он решил деньжат срубить по легкой… Из-за чертовых шести рублей теперь мать угробит. Не поедет она без него.

— Куда не поедет?

— В Крым. Дохтора говорят, только там Фекла поправится. Отпусти Ваську, Иван Дмитриевич.

А я твоему терпиле тиснутые алтушки возмещу. И сверху подкину. А тебе барашка зашлю…

— Еще слово, рядом с Васькой посажу…

— Черствый ты человек, Иван Дмитриевич. А ведь и у тебя сынок подрастает, — сказал в сердцах Колударов, выходя из кабинета.

Коллежский регистратор Петрунькин тоже попытался плюхнуться на колени, но и ему Крутилин сделать этого не позволил. А уходя, сунул несчастному червонец, чтобы с долгами рассчитался — судя по обстановке в полуподвале, заложил он все, что только мог.

— Нет, не приму. Вы небось жизнью из-за меня рисковали. Это я вас должен благодарить…

— Не от меня деньги, — соврал Иван Дмитриевич. — От юнца без мизинца. Как услышал про вашу дочь, стыдно стало, попросил передать…

— Вы вернули мне веру в человечество, Иван Дмитриевич, — обрадовался Петрунькин, принимая красненькую. — До вчерашнего вечера был уверен, что все на свете люди добры и совестливы. И только ужасные обстоятельства толкают некоторых из них на преступления. Однако, пережив ограбление, озлобился и засомневался. Теперь понимаю, что был не прав…

Крутилину очень хотелось возразить. Мол,

а ваши обстоятельства разве не ужасны? Почему тогда сами не промышляете на большой дороге? Однако сдержал себя.

Петрунькин нагнал сыскарей на улице:

— Извините. Вынужден червонец вернуть. Принять его не могу. Вдруг заработан нечестно? Вдруг у такого же бедолаги стащили?

— И где мне этого бедолагу искать? А вам, вернее, вашей Глашеньке, червонец пригодится…

— Восхищаюсь я вами, Иван Дмитриевич, — признался Яблочков в трактире, куда они с Крутилиным зашли после визита к Петрунькину.

— Тебе не восхищаться, учиться надо, пример брать. Чтобы, когда кресло мое займешь, не загордился, сострадание к людям не потерял. Ну, давай, за здоровье Глашеньки!

Домой на Кирочную Иван Дмитриевич приехал поздно, Никитушка уже спал. Перед Всенощной, как и положено, подкрепились кутьей с взваром. Надели валенки, шубы, шапки — и в церковь. Из-за газовых фонарей звезд на небе было не видать, но все равно на душе царил праздник.

Вернулись под утро, усталые, Иван Дмитриевич разговелся, графинчик водочки выкушал, да и Прасковья Матвеевна от рюмочки не отка-

залась.

— Ну что, спать? — предложил захмелевший Крутилин.

— Сперва давай свечки на елке зажжем и подарки разложим. Вдруг Никитушка раньше нас проснется?

Вчера, пока отпрыск с нянькой катались на горке, дворник внес в квартиру двухсаженную ель и установил ее в гостиной на крестовину. Прасковья Матвеевна украсила ее конфектами, орешками и игрушками. Перед приходом Никитушки дверь в гостиную закрыла на ключ, и как ни крутился сынок у замочной скважины, увидеть ель не смог.

Иван Дмитриевич аккуратно, чтоб, не дай бог, не устроить пожар, зажег свечи. Супруга принялась раскладывать на столике подарки:

— Няньке отрез на платье, дочке ее тряпичную куклу. Дворника пятеркой поздравишь, его детям купила лото. Кухарке тоже отрез, а ее сынку игрушечный вагончик конной дороги.

— Ух ты! — восхитился Крутилин.

Детство начальника сыскной было тяжелым и голодным, да и подобных игрушек в его времена не делали, деревянных солдатиков за счастье почитал. Поэтому обожал играть с сыном. Осо-

бенно в пожарную команду — Никитушка на каланче поднимал флаги, Крутилин трубил в дудку, по этому сигналу из ворот выезжал брандмейстер, за ним бочка с водой, а следом на телеге команда бравых пожарных.

— А лошадка где? — уточнил Иван Дмитриевич.

— На кухне спрятана. Яблочков твой явился, когда Никитушка уже с прогулки пришел. Не стала я гостиную отпирать, чтобы раньше времени не просочился. За печкой лошадка, сходи, принеси.

Однако за печкой Иван Дмитриевич обнаружил лишь поварский нож, бесследно исчезнувший с полгода назад. Весь дом тогда обыскали, а вот, оказывается, где прятался.

— Не может быть, — воскликнула Прасковья Матвеевна, когда Крутилин вернулся с пустыми руками. — Сама за печь прятала.

Иван Дмитриевич сходил с супругой, чтоб та убедилась.

— После Яблочкова кто-нибудь приходил? — спросил он Прасковью Дмитриевну.

— Трубочист.

— Ну-ка опиши его…

— Обычный старичок. Сказал, что наш трубочист пневмонию подхватил, а он вместо него…

— На кухню заходил?

— А как же.

Крутилин в исступлении бил ногами в дверь. Потому едва не упал, когда ее открыли. Отодвинув Феклу, Иван Дмитриевич, с револьвером в руке, прыжком проскочил через сени и ворвался в светлицу. Но там лишь полная луна из окошка тускло освещала пустой стол да теплилась в красном углу лампадка.

— Где? — накинулся Крутилин на хозяйку, которая вошла за ним.

— Кто? Васечка? Неужто сбежал?

— Минай где? Говори, сволочь. — Начальник сыскной замахнулся на Феклу.

— Сына забрал, теперь за мужем явился? Меня заместо их арестуй, все одно помирать.

— Было бы за что, непременно. Но твои грехи давно не подсудны.

Фекла в юности промышляла проституцией, не брезговала и карманы у подгулявших клиентов почистить. Однако, когда сошлась с Колударовым, промысел свой забросила.

— Миная-то за что? Еле на ногах стоит…

— То-то я смотрю, его дома нет. Говори где, иначе твоему Ваське колени прострелю.

— У зятя с дочкой празднует.

— Адрес?

— Провожу, сам не найдешь.

Старуха оделась, они вместе поехали в Полюстрово.

Свет в избе не горел, однако тарабанить в дверь Фекла не позволила, «внуков разбудишь», постучала замысловатым сигналом, ей сразу открыли. Иван Дмитриевич вошел, получил подсечку и оказался на полу. Руку, в которой сжимал револьвер, придавили сапогом, выстрелить не удалось.

Диспозиция была отвратительной: сверху восседал зять Колударова Пахом, здоровенный детина с запахом чеснока изо рта, Минай расположился на лавке, направив на сыщика его же револьвер, дочка Колударовых Еликонида отпаивала чаем заходившуюся кашлем мать.

— Крутилина извозчик дожидается, — сообщила Фекла, когда приступ ее отпустил. — Надо бы и его в дом, вместе их порешить…

Крутилин, даром, что в шубе, похолодел:

— Минай, ты же не гайменник…

— Всякое случалось, Иван Дмитриевич, — загадочно произнес Колударов.

— Апостолу Петру от меня поклон, — прошипела Крутилину Фекла. — Скажи, что и сама

вскорости пожалую.

Иван Дмитриевич материл себя, как извозчик кобылу. Как глупо он попался! А все потому, что графинчик употребил, пьяному, как известно, море по колено. Трезвым бы в разбойничье логово он в одиночку не полез.

Как же ему остаться в живых?

— Минай, погоди, я ведь по делу пришел, — произнес Крутилин, глядя в ствол собственного револьвера.

— Ага, по делу, арестовать хотел, — встряла Фекла.

— Помолчи, — цыкнул на нее муж. — Говори, Иван Дмитриевич.

— Твоя взяла, Минай. Отдашь лошадку — отпущу Ваську.

— Какую лошадку? — взвилась Фекла.

— Пьян он, мамаша, — пояснил Пахом. — Несет как от матроса.

— Себя понюхай, — огрызнулся Крутилин.

— А ну, цыц, — оборвал всех старик Колударов и уточнил у сыщика: — И когда отпустишь?

— В полдень будет здесь.

— А лошадку, значит, сейчас хочешь получить?

— Так Никитушка проснется, а под елкой

пусто… Как у тебя руки-то не отсохли? У дитя игрушку украсть!

— По-твоему, Рождество лишь для твоего сынка? А мой пущай в вонючей камере клопов гоняет?

— Твой сын — грабитель.

— А твой кем станет, когда вырастет? Особливо, ежели без батьки придется расти? — Старик взвел курок.

— Ты чего, Минай? — опешил Крутилин.

— Стреляйте, папаша, — поддержала отца Еликонида. — Васька нам ни к чему, одни от него неприятности…

— Ах ты, кошка драная, — схватилась за кочергу Фекла.

— Сядьте, — гаркнул на женщин Минай. — Сядьте и заткнитесь. Ваську надо спасать.

— Так что, по рукам? — спросил Крутилин, переводя дух.

— Не совсем. Меняться по-моему будем. Васька против лошадки. Через два часа на Семеновском плацу.

— Не получится. Никак не получится. Следователь должен бумаги подписать. А он спит, точно спит, вместе на Всенощной стояли.

— Так разбуди. Что не сделаешь для счастья

ребенка?

— Иван Дмитрич, — верещал Васька, — пожалейте, причиндалы отморожу.

Крутилин заставил его спустить штаны, чтобы не сбежал. Стрелять-то в него нельзя. Мертвым он для обмена непригоден.

Где же Минай?

— Повернись, — раздалось сзади.

Ага! В сугробе прятались. У Пахома в руках лошадка, у Миная — револьвер. Его, Крутилина, револьвер. Не раз спасал ему жизнь, а вот сейчас опять нацелен на него.

— Пускай Васька идет к нам, — велел Минай.

— А лошадка ко мне, — велел в ответ Иван Дмитриевич.

Пахом понес ее на вытянутых руках. На полдороге, встретив Ваську, поставил игрушку, обнял родственника, помог надеть штаны, развязал руки. Вместе двинулись к Минаю. Когда отошли на безопасное расстояние, Крутилин подошел к лошадке.

— Револьвер-то вернуть? — крикнул ему издалека Минай.

— Буду благодарен.

Не хватало еще, чтобы с его револьвером людей грабили.

— Тогда из того, что держишь в руках, вытащи патроны и закинь куда подальше.

Крутилин выполнил требование (оружие одолжил у дежурного). А Минай в ответ бросил его собственный револьвер в снег.

После чего троица мазуриков растворилась в темноте. Иван Дмитриевич, скрывая волнение, подбежал, поднял оружие. Увы, не заряжено. Жаль, иначе бы догнал и перестрелял бы их всех…

Эх! Получается, он был вооружен, а Колударовы — нет. Знать бы…

Домой успел вовремя, за пять минут до пробуждения Никиты. Его восторгам не было конца. Всей семьей уселись за стол. Долгожданные ветчина, студень, гусь в яблоках, водочка со слезой.

Когда перешли к чаю со сладостями, с поздравлениями пришла кухарка Степанида. Ее сынок схватил игрушечный вагончик и принялся катать его по сверкавшему свежей мастикой паркету. Но затем, увидев лошадку, он бросил свою игрушку и с криком «Иго-го!» взобрался на чужую.

— Так, значит, нашли? Слава богу! — обрадовалась Степанида. — А я всю ночь маялась, вдруг не сыщете?

Крутилины посмотрели на нее недоуменно.

— Никитушка весь вечер за печку лез, хотел упаковку разорвать. Потому от греха подальше лошадку переставила. Да впопыхах забыла предупредить.

— Куда? — с замиранием сердца спросил Иван Дмитриевич.

— Меж дверьми на черной лестнице.

Крутилин рванул на кухню, дрожащими руками отодвинул засов. Вот она, лошадка «класненькая»!

Худшие опасения сыщика подтвердились. В сводке ночных происшествий первым шла запись о дерзком нападении на лавку Тышова на Староневском проспекте. Неизвестные преступники разбили мясной колодой витрину, проникли внутрь, похитили тысячу сто восемьдесят семь рублей вчерашней выручки и одну из игрушек, лошадку за четыре с полтиной. Совершавший обход околоточный попытался их задержать, но его ранили из револьвера, которым преступники были вооружены. По счастью, стрелками оказались неважнецкими, из шести выпущенных пуль цель достигла одна. Рана не смертельная, жизни бравого полицианта ничего не угрожает.

Разыскные меры результатов не принесли. Колударовы словно исчезли. Крымская полиция была предупреждена об их возможном появлении, но сообщений о задержании от нее так и не поступило.

Андрей Добров
Чужак с внимательным взглядом

— Тьфу ты, вот повалил, а? — ямщик стряхнул на колени облепленную снегом рукавицу и протер глаза. — Как нарочно!

Он оглянулся на седока. Тот все так же молчал, закутавшись в овчинную шубу и натянув шапку по самые брови. Ямщик снова повернулся к лошадям. Как будто не человека везет, а идола, ей-богу! И ведь шишка небольшая — едет на почтовых в казенных открытых санях. Куда, по какой надобности — это, конечно, его дело. Да только багажа — один сундучок. И прогонные заплатил, видать, тоже из казенных денег — ровно по три копейки за версту и ни полушкой больше.

Уже час как возница не поднимал тройку даже в рысь, лошади плелись шагом — лишь бы оставаться на тракте, не уйти ненароком в степь, где легко заплутать и замерзнуть. Места тут населены редко.

— Слышь, барин, — ямщик снова повернулся, — до станка в Кунгуре мы уж не доедем. Тут

недалече село. Давай, барин, туда? Все ж Рождество! Грех пропускать. Я у кума переночую, а ты в замке у майора. А завтра, если снег перестанет, в Кунгур птицей долетим!

Седок спросил:

— Что за замок?

— Увидишь, — хмыкнул ямщик. — Этот замок приметный!

Из пелены снега проступили четыре черных тополя. Здесь свернули с тракта направо.

Мужики работали быстро — комья земли вперемешку со снегом громко стучали о крышку гроба, потом звук стал приглушенным. Два жарких костра, в голове и ногах могилы, плавили утоптанный снег. Батюшка сложил кадило, сунул за пазуху ветхий молитвенник и, взяв плату, пошел в темноту, в село. Ему еще надо было служить литургию и стоять всенощную.

— Похоронили мы Афанасия Григорьевича да прямиком на Рождество, — печально сказал сосед Смеляков. Агнесса Яновна — теперь уже майорова вдова — посмотрела на него как всегда сурово. И Смеляков понял, что больше его уж не пригласят в замок. За спиной Агнессы из снежной завесы появилась старуха. Повалившись коленями в снег, она цапнула майоршу за рукав

и заголосила:

— Матушка! Помилуй! Отпусти Прошку моего! Не виноват он! Помилуй, матушка!

Дородная и невысокая Агнесса Яновна от неожиданности вздрогнула, вырвала руку и наотмашь ударила бабку.

— Уй ты! Стерва! Я тебе покажу подкрадываться!

Молодая женщина в старом полушубке и сером толстом платке, по виду — прислуга, бросилась к упавшей старухе и начала ее поднимать со снега, но Агнесса накинулась и на эту помощницу. Она сорвала платок с головы девчушки, другой рукой схватила ее за косу и повалила перед собой в снег:

— Мерзавка! И ты тут же! Явилась, блудная тварь!

Смеляков сделал два шага в сторону, отвернувшись от отвратительной расправы возле могилы, еще не заполненной землей. Он хотел уйти, отправиться в церковь, где уже, верно, ждут жена и племянник, а потом — за стол, в тишину и радость, прочь от крикливой бабы и остывшего тела старого товарища.

Майорша успела нанести несколько размашистых, но неумелых ударов по лицу бедной

девушки, как неподалеку послышалось конское фырканье и в свет костров въехали сани. Человек, сидевший в них, быстро выскочил наружу и крикнул:

— А ну, стой! Не сметь!

Агнесса, разгоряченная расправой, успела еще раз съездить по лицу прислуги, пустить ей кровь из носа, а потом остановилась, тяжело дыша и тревожно всматриваясь. Но не в приезжего, взгляд ее был устремлен на сани, как будто искала она кого-то, кто продолжал там сидеть. Не увидев более никого, майорша обратила внимание на человека, который вмешался в ее дела. Тот тем временем помог встать девке, протянул ей платок, а потом строго обернулся к Агнессе. Молчал, изучая ее карими глазами, темневшими под шапкой.

— Кто такой? — спросила майорша.

— Судебный следователь Скопин.

Смеляков подошел поближе.

— Вы по поводу Афанасия Григорьевича? Так уже пристав был, арестовал убийцу, если честно.

Скопин повернулся к нему.

— Убийцу?

— Ну да. Что-то новое открылось?

Скопин взглянул на могилу. Мужики, бросав-

шие землю, теперь стояли, опершись на лопаты, и вытирали пот.

— Нет, — сказал Скопин, — я из Москвы по служебной надобности. Еду в Кунгур. Он, — следователь ткнул рукавицей в ямщика, — сказал, что не успеем. Надо переночевать. В замке, он сказал. Что за замок?

Смеляков глазами указал на Агнессу.

— Был майора Тюленева. Вот теперь хозяйка.

— В село езжайте, — недовольно ответила та. — Не видите — мужа хороню.

Скопин задумчиво посмотрел на толстую женщину в собольей шубе.

— Ночевать буду в вашем доме, — сказал он строго. — Завтра утром уеду.

Агнесса Яновна молча поджала презрительно губы и пошла к своему возку.

— Забирайтесь в сани, — предложил Скопин Смелякову. — Покажете.

Потом повернулся к девушке, но ее уже не было. Ни ее, ни старухи-просительницы. Мужики вскинули лопаты на плечи и тоже ушли в снежную тьму.

Замок целиком он так и не увидел — просто надвинулась толстая каменная стена с высоким крыльцом. Рядом стояла в большой сосновой

кадке ель. Шишки были обернуты фольгой, на нижних ветвях висели старые деревянные шары, когда-то ярко раскрашенные, теперь с вытертыми боками и трещинами.

Ямщик остановил тройку, выпуская седоков, а потом повел ее к конюшне.

— Это и есть замок? — спросил Скопин, остановившись у елки.

— Он самый, — ответил Смеляков. — Прадед покойного Афанасия Григорьевича выстроил еще при Елизавете Петровне. Служил по дипломатической части, да был отставлен. Говорили — за растрату, да, если честно. Большой англоман. Имел средства. Тут у Тюленевых родовое гнездо.

Смеляков говорил быстро, стараясь угодить приезжему следователю:

— Но когда государь дал крепостным волю… В общем, на втором и третьем этажах больше не живут. Там печи плохо греют. Вся жизнь, если честно, теперь внизу. Прислуги мало осталось, не то, что прежде, когда я мальчиком был. Вы заходите, я вас в гостиную проведу. Там камин даже есть, все честь по чести! Гобелены. Наборные панели. Кресла. Поминок не будет — кому поминать-то? Я, если честно, один и был — сосед да друг Афанасия Григорьевича.

— Которого убили, — уточнил Скопин.

— Зарезали.

— Кто?

— Местный. Из села.

— Почему?

Смеляков остановился и даже снял пальцы с дверной ручки.

— Девку видели, которую Агнесса Яновна мутузила? Любаня, горничная. Парень тот, Прошка, если честно, был ее ухажером. Он с другими ребятами колядовать сюда пришел. Ну, пока дружки его пели да плясали, Прошка в дом проник. Но наперолся на майора. А майор — он строгий… был. За ружье сразу! Тот и зарезал. Приехал становой пристав Метелкин, быстро разобрался и парня увез в Кунгур, в кутузку. Вот и вся история, если честно.

Смеляков распахнул дверь.

— Вот скамеечка, валенки скидывайте. И давайте вашу шубу — мы ее тут повесим.

У Скопина под шубой оказалась еще и черная судейская шинель. Он снял и ее, достал из сундучка довольно старые туфли, обулся.

— Пойдемте!

Смеляков подбросил дров на угли, и камин быстро разгорелся. Они сели в кресла.

Над каминной полкой с непременным зеркалом и подсвечниками висел портрет майора Тюленева — написанный, вероятно, самоучкой из Кунгура или Екатеринбурга. Майор был нарисован в рост, но смотрел не прямо, а в сторону. Пока Скопин рассматривал портрет, Смеляков косился на незваного гостя. Грубо связанный морской свитер с заплатами на локтях, старые форменные брюки. Давно не стриженные темные волосы с обильной проседью курчавились, лицо не знало бритвы уже несколько дней. Но главное — глаза. Карие, сосредоточенные, как будто сыщик все время о чем-то тревожно думал. Серьезные глаза.

Скопин достал из кармана штанов маленькую черную трубочку и кисет. Неторопливо набил табаком, потом присел на корточках у камина, щипцами взял уголек и раскурил. Огляделся, приметив и готическую архитектуру большой гостиной, и ее неухоженность, и запустение.

— Что ищете? — спросил Смеляков, видя, что Скопин оглядывается.

— Хозяйка где?

— Будем надеяться, уже спать легла. Вы не беспокойтесь, Любаня вам постелит в гостевой комнате. Я сам в ней оставался. Там, если честно,

раньше дочка жила, Ирина, стало быть, Афанасьевна.

— Дочка?

— Она давно уехала. Мамаша отправила ее в Екатеринбург с глаз долой.

— Невзлюбила?

— Она никого не любит. Гордячка. Полька.

— Полька?

— Да! Майора угораздило на польке жениться. Правда, это без меня было, если честно. Я по ранению в отставку вышел и в родные места вернулся. А потом уже и Афанасия Григорьича в голову шрапнелью… Очень плох был, говорит. Да что был! Он и остался! Вернее… правда, уже — был. Выпить хотите? Помянете дружка моего?

— Конечно.

— Тут у Афанасия за горкой была бутылочка припрятана… А, вот она!

Он снял с горки пару красивых стаканов и разлил ром из бутылки.

— Не чокаясь.

Они выпили.

— Ну вот, как ранило его, жена решила привезти его сюда, в родовое гнездо.

— Почему?

Смеляков вздохнул и снова разлил ром из бу-

тылки по стаканам.

— Я так понимаю, не ради него, а скорее ради себя, если честно. Спрятала она его здесь.

— Изуродовало при ранении?

— Не то чтобы изуродовало… Нет, похудел только очень. Хуже другое. Память у него отшибло.

— Совсем?

— Поначалу, говорит, даже имени своего не помнил. Жена с ним сидела постоянно, разрывалась между мужем и дочерью. Начал Афанасий Григорьевич поправляться, вот только с памятью у него… провалы были. Ну и нервный стал очень, если честно. Я же говорю — когда парни из села пришли колядовать — сразу за ружье!

— Охотник? — спросил Скопин.

— Какое! У Тюленевых всегда в доме оружие было. Места тут довольно глухие, вы и сами по дороге видели.

— Не видел, — сказал Скопин, выпуская дым. — Снег шел.

— А, ну да! Дед его, покойник, в этом замке все Пугачевское восстание пересидел. Когда башкиры шли, все село сюда прятаться прибежало. Пустил, хоть и отговаривали его тогда — мало ли крестьян к бунтовщикам в те годы перекинулось — своих же бар вешали да жгли. Но тюленевские

мужики не сплоховали. Оно и понятно — село большое, зажиточное. Не то что наши мужики — дом моего деда спалили и с башкирами ушли. Хорошо мои тогда в Петербурге у родных гостили. Пережили вдалеке-то.

Они снова выпили.

В дверях появилась Агнесса Яновна. Она с неудовольствием посмотрела на мужчин.

— Пал Петрович, а тебе не пора ли домой? — спросила майорша. — Или ты тут Рождество проведешь?

Смеляков вздохнул и поднялся из кресла.

— Простите, заболтался. Пойду.

Агнесса пропустила его в дверь и теперь смотрела на Скопина.

— Я еще посижу тут, — сказал сыщик, не обращая внимания на ее недовольство.

— Ну, сидите.

Майорша ушла.

Скопин налил себе рому, вытянул ноги к огню и, сунув в рот свою трубочку, уставился на портрет покойного майора.

Выезжая из Москвы, он не думал, что дорога будет такой долгой и унылой. Ему советовали добираться до Сахалина морем — до Одессы, а оттуда на пароходе, но Иван Федорович решил, что

почтовыми получится быстрее.

Быстрее? А каторжане вообще шли пешком. Даром, что не зимой — отправлялись по весне, когда тракт подсыхал. Но и так говорили, что партия добиралась до места дай бог в две трети от тех, кто выходил. А ведь мог бы и сам вот так, гремя кандалами, брести, чувствуя, как ветер холодит выбритую половину головы. Да уберег начальник, прокурор Шуберт-Никольский, отправил на каторгу не ссыльным, а посыльным.

Скопин отпил из стакана. Завтра снова в путь, подумал он с раздражением, в бесконечный путь сквозь все разновидности великой русской пустыни — степной, лесной, водной, человеческой, где даже вдоль столбового тракта жизнь — только в городах и окрест, но от деревни до деревни, может, день, может, два, а то и три дня пути.

Конечно, история с зарезанным майором — хороший повод устроить привал. И завтра он никуда не поедет. И Сахалин подождет, никуда не денется. Скопин еще выпил, чувствуя, как скорлупа оцепенения трескается и он смотрит на открывшийся вид привычным внимательным взглядом. Итак, портрет…

Он просидел еще с полчаса, попивая ром и покуривая трубку, пока в полутемную гостиную не

заглянула Любаня.

— Я вам постелила, — сказала девушка. — Спать пойдете?

Ей было не больше семнадцати — как многие крестьянки, невысокая, да коренастая, крепкая, как репка. Наверное, бабка с башкиром подгуляла да оставила внучке чуть раскосые глаза на скуластом обветренном лице. Из одежды — длинная рубаха да накинутый на плечи платок — видно, девка и сама собиралась спать.

— Да. Идем. — Скопин встал, сунул трубку в карман и, прихватив с собой бутылку и стаканы, пошел за девкой по темному коридору.

Комната была небольшая, оклеенная бумажными темно-зелеными обоями, с занавешенным окном и большой железной кроватью с высокими набалдашниками. Верно, для полога летом — чтобы мошкара не мешала. У окна стоял небольшой письменный стол и стул с подушкой на сиденье. Рядом с дверью — массивный гардеробный шкаф с большим, в рост, зеркалом. В комнате было тепло. Скопин сел на кровать и посмотрел на Любаню. Она стояла у двери, опершись на косяк плечом, не уходила и смотрела прямо на него.

— Тебя Любаней зовут?

Девушка кивнула.

— Еще чего надо? — спросила она. — Грелку принести?

— Нет. Давай выпей со мной. Помяни хозяина.

— Ну, если только чуть-чуть. — В ее голосе Скопин сразу различил простонародное кокетство — так кухарки завлекали приглянувшихся дворников или мастеровых.

— Садись рядом.

Он налил в стаканы ром. Девушка приняла стакан и выпила залпом, чуть не поперхнувшись.

— Теперь расскажи.

— Что?

— Как хозяина убили.

Она отвернулась, будто поправляя краешек одеяла, потом спросила глухо:

— А что рассказывать-то?

— Правду.

Любаня махнула рукой.

— Нечто вам Пал Петрович не рассказал?

— Давай говори, — потребовал Скопин, — с чего это хозяйка на тебя набросилась — там, у могилы? Ты с майором спала?

Девка искоса посмотрела на него.

— Ладно, налей еще.

Выпив, Любаня задохнулась, зажала рот рукой, посмотрела следователю прямо в глаза.

— Ну да.

— Зачем? У тебя же парень в селе.

Девка презрительно фыркнула.

— Прошка Жмыхов? А на кой он мне? Замуж за него? Чтобы коров доить и на сенокосе граблями махать? Не, я деревенской бабой быть не хочу. Не к этому привыкла.

— Давно тут при господах?

— Мамка моя еще служила. И я сызмальства. Как хозяин раненый вернулся — в горничных. И у дочки его.

— И у хозяйки?

— Нет. Эта к себе в комнаты никого не пускает. Сама прибирает.

— Сама? — Скопин откинулся на горку подушек.

— Злая она, — вздохнула Любаня, — потому я к Афанасию Григорьичу и пристала. Чтобы защитником был.

— Защищал?

— А то!

— С головой у него, говорят, было не в порядке?

Девка кивнула.

— С головой — да.

— А с остальным?

Она усмехнулась.

— А с остальным — в порядке! Мне было четырнадцать, как хозяин меня в погребе прижал. Он говорит — ты, Любанька, никому не говори, мол. Я, говорит, со своей женой давно уже не сплю. Ты, говорит, ко мне заглядывай иногда. Будут тебе и ленты, и сережки.

— Дарил?

— Дарил! Только я прятала.

— А что в тот вечер было, когда парни из села на колядки пришли?

Любаня сгорбилась и как будто стала еще меньше ростом. Платок ее съехал на спину, открыв русые густые волосы, заплетенные в толстую косу.

— Плохо было. Хозяйка-то все про нас с Афанасием Григорьичем знала. Уже давненько знала. Поначалу вроде как и внимания не обращала, а в тот день поймала меня в зале и говорит — сама не уйдешь, я тебя вышвырну. И давай ругаться. Я послушала-послушала и к хозяину побежала в ножки кланяться. А он сидит в кабинете и пишет что-то. Раньше он все гулял, да песни слушал, или книжки читал. А тут вдруг начал писать — целые кипы бумаги исписывал…

— Что писал?

Любаня рассмеялась.

— Да мне откуда знать? Я ж грамоте не умею.

Она уже сильно опьянела, непривычная к крепкому рому.

— Дальше рассказывай, — потребовал Скопин.

— Ну… Прибежала к хозяину, он мне — отстань, мол, занят. Ах, думаю, старый хрен, я тебя растормошу! Ну, на нем халат был теплый да штаны… Вот я рядом присела, руку ему в штаны запустила — о, гляжу, он перышко-то в стаканчик бросил, на спинку стула откинулся, запыхтел да по голове меня гладит.

Скопин кивнул и налил еще рому. Любаня посмотрела в свой стакан.

— Да ты споить меня хочешь, злодей, — хихикнула она. — Что, а?

— Говори, дальше что было.

— Тут под окнами ребята сельские шуметь начали — колядовали. Хозяин вмиг разозлился да кинулся прочь. У него оружейная комната есть, там, дальше по коридору. Я было за ним…

Скопин взял у нее из руки стакан и поставил на стол. Потом сел, обхватил плотно и подтащил к себе.

— Что это ты? — с наигранным испугом пробормотала пьяная Любаня.

— Значит, хозяин побежал за ружьем…

— Ну да. Слышу — кричит им с крыльца, гонит. Я уж собралась уйти, а в окошко — тук… снежком. Выглядываю — а там Прошка мне машет, мол, зовет поговорить…

Скопин стянул с ее плеч платок и начал мять через рубашку небольшие крепкие груди. Любаня задышала чаще, голос ее начал срываться.

— А ты? — спросил Скопин как ни в чем не бывало…

— А что я… Я ему показала, иди, мол… Хозяин-то уже вернуться должен был… Да погоди ты…

Она приподнялась на кровати, ухватила за подол рубашку и быстро через голову стянула ее. Ее тело было белым, только лицо и кисти рук — темные. Скопин снова обхватил ее за талию и повалил рядом прямо на одеяло. Потом скинул свитер и начал расстегивать ремень.

— Ты давай рассказывай, — потребовал он, снимая штаны, нависая над девкой.

— Значит, жду его, жду, хозяина, то есть, а он не идет…

Сыщик хлопнул ее легонько по ноге. Любаня тут же развела колени. Скопин лег сверху, сунул руку между бедрами, примерился.

— А Прошка где был в этот момент? — спро-

сил он.

— Не знаю… — пробормотала Любаня, обхватывая руками его плечи. — Я от окошка ушла. Потом слышу… кричат…

Тут она сама коротко вскрикнула, потому что Скопин принялся за дело сразу в полную силу, изголодавшись в дороге по женщине.

— Тише ты, — прикрикнул он. — Весь дом перебудишь!

Любаня зажмурила глаза и коротко кивнула. Она старалась не шуметь и даже прикусила ладонь. Кровать предательски скрипела и скрежетала, но Скопину было уже все равно. Одеяло скомкалось под Любаней, ее голова едва не упиралась в железные прутья спинки кровати. Она кусала губы и крепко цеплялась короткими грубыми пальцами за его спину. Наконец глаза девки приоткрылись, но тут же закатились — только белки сверкнули полумесяцами. Ее бедра свело судорогой, потом снова и снова. Скопин вошел глубоко, насколько мог. С хищным выражением лица он смотрел на то, как исказилось лицо девки. Потом высвободился и лег рядом.

— Понятно, — произнес сыщик, отдышавшись.

Они лежали, укрывшись одеялом. В доме было тихо, за окном — черно. Скопин смотрел на

свечку, зажженную им минуту назад. Любаня прижималась к нему жарким размякшим телом.

— Сживет меня теперь хозяйка со свету, — сказала она.

— Иди в село, живи там.

— Нельзя. Меня Прошкины сестры убить грозятся. Они все там, Жмыховы, бешеные. Лучше ты меня забери в Кунгур.

Скопин помолчал. А потом признался:

— Я в Кунгуре не останусь, дальше поеду.

— И я с тобой!

— Я на Сахалин еду, — сказал Скопин после паузы.

Девушка приподнялась на локте.

— На Сахалин? Там же каторга.

— Надо.

Но ей на Сахалин было вовсе не надо.

— Ты что, на каторгу поедешь? Служить там будешь?

— Нет. Заберу с Сахалина одного человека — и обратно в Москву.

Немного помолчав, Любаня снова прижалась к Скопину.

— Тогда я тебя в Екатеринбурге подожду. Ты когда возвращаться будешь, меня заберешь в Москву.

Скопин закрыл глаза. Было хорошо. Давно он не лежал с женщиной, не чувствовал мягкого жара грудей, ласковые пальцы на своем животе, горячее дыхание на шее.

— Нет, — сказал он.

— Почему?

— Лишних денег нет. Я на казенные еду.

Она задумалась. Тяжело вздохнула.

— Ладно, хоть до Кунгура.

— А там что?

— Наймусь в услужение. Здесь мне все равно житья не будет.

Она погладила его по небритой щеке, вылезла из-под одеяла и быстро натянула сорочку. Скопин смотрел на нее строгим внимательным взглядом.

Любаня накинула на плечи платок и вышла.

Утром чужак должен был уехать. Агнесса Яновна слышала, как он прошел по коридору. Отодвинула немного занавеску и осторожно выглянула, держась подальше от стекла. Сыщик стоял во дворе, но его загораживала елка. Тройки во дворе не оказалось.

— Что ж ты медлишь, ирод, — пробормотала хозяйка. — Катись уже в свой Кунгур!

Чужак все медлил, будто внимательно рассмат-

ривал украшения. Потом еловая лапа дрогнула, и снежная крупа ручейками полилась вниз.

— Шишки воруешь, что ли?

Хозяйка морщила лоб. В груди начало противно ныть под сердцем.

Сыщик сделал шаг в сторону и посмотрел прямо на Агнессу Яновну. Она резко отпустила занавеску и сделала шаг назад. Учуял! Или показалось? Она снова чуть отодвинула ткань — нет, смотрит, аспид!

Агнесса Яновна сурово сжала губы. Надо гнать его, как давеча соседа Смелякова! Накинув теплую шаль, хозяйка вышла из своей комнаты и привычно заперла дверь на ключ. Потом решительно прошла по коридору, отворила тяжелую дверь на улицу и остановилась на пороге.

— Поезжайте уж! — крикнула она Скопину. Тот покачал головой.

— Завтра уеду.

— Как завтра? — сердито всполошилась Агнесса Яновна. — Как завтра? Поезжайте сейчас!

— Поеду завтра. Сегодня еще есть дела.

— Какие дела?

Не отвечая, Скопин развернулся и пошел по очищенной с утра тропинке в село. Над Тюленевкой поднимались в небо толстые белые столбы

печного дыма.

Агнесса задыхалась от ярости, глядя на удаляющуюся фигуру.

— Погоди же мне! — пробормотала она и прямо в домашних чунях пошла по снегу в конюшню, где отыскала малого Егорку и приказала тотчас гнать в Кунгур за приставом, передав на словах, что-де в замок приехал подозрительный тип, как бы не мошенник или беглый каторжный.

Скопин вернулся, когда уже начало темнеть. Зато теперь замок можно было рассмотреть еще издали. Он оказался не таким большим, как показалось вчера ночью под снегопадом. Всего в два этажа с мансардой. Серые каменные стены, кое-где почерневшие от времени, слева квадратная башня с четырьмя дымоходами. Из остроконечной крыши, среди снега торчали еще три высоких трубы — но только из одной шел дым. Там обнажилась темно-зеленая черепица. Возле крыльца стоял возок, запряженный парой лошадей.

Они ждали Скопина в гостиной, там, где вчера он выпивал со Смеляковым. Агнесса Яновна в черном траурном платье была похожа на угольную кучу. Плотный гладковыбритый мужчина в полицейском мундире сидел у стола. Перед

ним стоял дорожный сундучок Скопина с откинутой крышкой. И револьвер, взятый из этого сундучка.

— Копались в моих вещах, — сказал Скопин.

Полицейский указал на стул возле дверей.

— Сядь.

Скопин сел и положил руки на колени. Пристав постучал пальцем по револьверу.

— И как это понимать? Полицейский «Смит-Вессон».

— Не люблю стрелять, — пожал плечами сыщик, — но дорога дальняя.

— Откуда у тебя полицейский револьвер? — спросил пристав.

Агнесса Яновна нетерпеливо крикнула:

— Ясно же откуда! Убил и оружие украл! Полицейского убил!

Пристав, наклонив голову, внимательно посмотрел на Скопина. Тот усмехнулся.

— Я судебный следователь Скопин Иван Федорович. Из Москвы. Направляюсь на Сахалин по служебной надобности. Можете допросить моего ямщика. Он видел подорожную.

Пристав кивнул:

— Допросим, когда проспится. Я его знаю, к нему вопросов не имеется. А вот к тебе… Зна-

чит, судебный следователь? Из Москвы.

Скопин кивнул. Тогда гладковыбритый указал на сундучок.

— Хочешь сказать, вот с этим барахлом ездят судебные следователи? Из Москвы на Сахалин? Ты за дурака меня держишь?

— Нет, — ответил сыщик.

— Вот! — пристав взял револьвер, покрутил его в ладони. — Тяжелый. Как мой прямо. Сам посуди — майора зарезали. Хозяйка — в трауре. Тут являешься ты. Грубишь. Живешь без платы. С прислугой балуешь. А может… — он посмотрел на Скопина и пристукнул рукояткой револьвера по столу, — может, и силком взял. Вещей у тебя как у нищего на паперти. Направляешься в места каторжные. А утверждаешь, что судебный следователь. Так? Но бумаг твоих никто не видел.

Скопин сунул руку во внутренний карман и достал сложенный вдвое конверт.

— Нечего слушать! — крикнула Агнесса Яновна. — Забери его в кутузку!

— Вот, — помахал конвертом Скопин, — бумаги.

Пристав взвел «собачку» револьвера и с кряхтением встал. Ствол смотрел прямо в живот сыщика.

— Ты только не дергайся, хорошо? — попросил пристав.

— Ты тоже.

Полицейский подошел, взял конверт и, не поворачиваясь, спиной отступил к своему стулу. Только там он достал из конверта документы и внимательно их изучил.

— Бумаги поддельные! — громко сказала Агнесса Яновна.

Пристав покачал головой, осторожно вернул «собачку» на место, положил револьвер в сундучок и захлопнул крышку.

— Н-да… — сказал он.

Скопин встал, забрал у него бумаги, потом подтащил стул поближе и сел.

— Там на погосте я видел женщину.

Пристав кивнул.

— Дочка майорова. Утром приехала в Кунгур из Екатеринбурга. Отец перед смертью вызвал ее письмом, да только… Я ее с собой привез. — Он повернулся к майорше. — Замуж собирается.

Агнесса Яновна прижала ладонь ко рту. Видимо, известие ее сильно поразило.

— У меня вопрос к вам… — сказал Скопин.

— Метелкин Илья Михайлович.

— У меня вопрос к вам, Илья Михайлович. По

поводу следствия.

Пристав поморщился.

— Ну?

— Был я утром в оружейной. Там, где зарезали майора. На полу лежит ковер…

Дверь открылась, и вошла молодая женщина с опухшими от слез глазами на невыразительном удлиненном лице. Она была одета в темно-синее скромное платье с белым отложным воротничком. Подошла к майорше и неловко обняла толстуху-мать. Та ответила коротко, без поцелуя.

— Матушка, — сказала женщина.

— Потом, Ирина, потом.

Дочь майора посмотрела на пристава, перевела взгляд на Скопина.

— Здравствуйте.

Сыщик встал, поклонился.

— Ну, ковер, — ответил Метелкин. — И что?

— Следы на ковре были? Тот парень должен был войти с улицы, со снега.

Ирина обернулась к матери.

— Кто это?

Пристав раздраженно фыркнул.

— Хотите сказать, деревенский пристав схватил первого, кто под руку подвернулся?

— Нет?

Скопин посмотрел на Ирину.

— Прошу меня простить. Я судебный следователь из Москвы Скопин.

— Из Москвы? — удивилась та. — Разве дело не закрыто, Илья Михайлович?

— Нет, — буркнул тот и забарабанил пальцами по столу.

— Как нет? — воскликнула майорша. — Как нет? Ты что такое говоришь?

— Прохор Жмыхов был задержан за сопротивление полиции и попытку бегства при подозрительных обстоятельствах. Короче говоря, пьяный он был. Посидел немного в холодной, протрезвел. Я его отпускать не собираюсь, он десятнику такой «фонарь» под глаз привесил! Пойдет под суд за нападение при исполнении. Но обвинить его в убийстве я не могу — присяжные засмеют.

Агнесса Яновна схватилась за сердце и тяжело опустилась в кресло у камина.

— Почему ты молчишь? — спросила она у дочери. — Давай, добей мать. Оказывается, замуж собралась?

Ирина неловко кивнула. Скопин достал из кармана свою черную трубочку и начал прикуривать от свечки.

— А ты понимаешь хоть, что женишок твой не

на тебя целится, а на отцов дом? — язвительно спросила майорша. — Приданого-то у тебя нет!

— Хороший, кстати, человек, — подал голос пристав. — Я его знаю. Работает в Сибирском торговом банке…

Майорша прожгла его яростным взглядом, но Илья Михайлович только отмахнулся.

— И приданое у нее есть. Скажите, Ирина Афанасьевна, про приданое, которое вам батюшка отписал. Сейчас уже все едино.

— Что отписал? — всполошилась майорша.

Ирина не смотрела на мать.

— Что он мог тебе отписать? — закричала, не стесняясь посторонних, Агнесса Яновна.

Ирина что-то прошептала.

— Что? Не слышу.

Дочь вдруг зашмыгала носом, закрыла лицо руками и выскочила за дверь.

— Что? Что она сказала, Илья Михайлович? — майорша широко раскрытыми глазами уставилась на пристава.

— Дом этот.

— Что?

— Этот дом он ей подарил.

Майорша замолчала. Стало так тихо, что Скопин слышал рыдания девушки за дверью.

— Глупость! — твердым голосом сказала майорша. — Афанасий Григорьевич был не в себе. Все это знают. Он был сумасшедший!

— Я видел дарственную, — упрямо произнес пристав.

— Ну и что? Я в суд подам! Пусть признают, что это писал тронутый!

— Дарственная заверена нотариусом. Там есть и про трезвый ум, и про твердую память.

— Да это… — Агнесса Яновна задохнулась, не находя слов.

— Сдается мне, зятек у вас не дурак! — произнес пристав сочувственно.

Руки майорши упали вдоль кресла. Скопин встал и вышел. В коридоре он тронул Ирину за рукав и попросил отойти с ним в дальний конец коридора.

— Зачем? — спросила она жалобно, но пошла вслед за сыщиком.

— Хочу спросить о письме вашего отца, — сказал он тихо, — вы знаете его почерк?

— Конечно.

— Писал он? Собственноручно?

— Конечно.

— Написанный текст… — Скопин замялся. — Это был связанный текст? Логичный?

Ирина кивнула.

— Я понимаю, но если вы хотите помочь матери отобрать дарственную через суд…

— Нет.

Она вытерла глаза рукой и посмотрела в окно на украшенную к Рождеству елку.

— У батюшки было плохо с памятью. Но в последний год она начала к нему возвращаться. Так мне казалось… Я всегда любила его. Независимо от того, что он говорил или делал. Это же мой отец…

— А мать?

Ирина зло посмотрела на сыщика.

— Зачем вы задаете такие вопросы?

— Хорошо, я спрошу грубо, но прямо. Мать вас любит?

Ирина не ответила. Она развернулась и быстро пошла в сторону комнаты, где Скопин провел ночь.

Он вернулся в гостиную, где угрюмо молчали Метелкин и майорша. Иван Федорович прошел к столу и, не садясь, снова прикурил погасшую трубку от свечки.

— Плохая примета, — буркнул пристав.

Скопин кивнул.

— Значит, следствие не закончено, — сказал

он.

— Нет.

— И убийца — кто-то из домашних, так?

Он посмотрел на Агнессу Яновну. Майорша сгорбилась в своем кресле, от уже привычной ее ярости не осталось и следа.

— Ямщик мой, видно, так и не проспался, — сказал Иван Федорович громко, — а я хочу уже ехать.

Метелкин удивленно посмотрел на Скопина. Но тот покачал головой.

— Вы человек, как я вижу, опытный. Разберетесь и без меня. Отвезете в своем возке в Кунгур?

— Когда?

— Сейчас!

Пристав кивнул. Скопин подошел к майорше и выпустил дым в потолок.

— Проводите меня.

— Чего? — вяло удивилась та.

— Пойдемте в коридор. На два слова.

Агнесса Яновна грузно поднялась, недоуменно посмотрела на пристава, а потом пошла за Иваном Федоровичем. Оказавшись в коридоре, он бесцеремонно закрыл дверь гостиной, вынул изо рта трубку и тихо сказал:

— Вам угрожает опасность. Сейчас мы с при-

ставом уедем, но завтра вернемся. Думаю, с доказательством. Но эту ночь вам еще предстоит пережить. Если вы четко исполните все, что я сейчас скажу, мы встретимся к вечеру. Если нет…

Майорша побледнела. Ее глаза тревожно заблестели.

— Слушаю, — глухо сказала она.

Лошади переступили копытами, потянули, возок дернулся и заскользил по снегу. Скопин через заднее окошко смотрел на быстро удаляющийся замок. В темноте на первом этаже горели три окна. Еще можно было различить три женских силуэта — майорша, ее дочь и служанка Любаня провожали московского следователя — каждая в своей комнате.

Скопин повернулся к приставу.

— Ну, рассказывайте теперь, — сказал Метелкин.

Ирина лежала в своей комнате, укрывшись толстым стеганым одеялом. На столе одинокая свечка горела ровно, освещая книгу, которую она взяла было почитать, но так и не смогла осилить даже трех страниц. В этой комнате она прожила целых четырнадцать лет, пока матушка не отослала ее в Екатеринбург в пансион. Тогда она была рада вырваться из дома, не слышать

постоянных попреков матери, не видеть больше странностей отца. Чем старше становилась Ирина, тем больше понимала — с отцом что-то не то. Все, что с младых лет казалось ей обычным и естественным, все его чудачества, все буйство, теперь начали восприниматься совсем в другом свете. И если раньше она считала, что деревенские мальчишки просто издеваются над ней, называя дочкой сумасшедшего барина, то пришло время понять — отец действительно очень болен. Болен душевно. Екатеринбург испугал, но и очаровал одновременно — огромный город, тысячи людей, бурное кипение совершенно незнакомой жизни. Четыре года, казалось, промелькнули быстро, но она — больше не та дикая девочка из замка в степях… А потом она встретила своего жениха…

Такое странное чувство — все та же комната, но… маленькая, неуютная. Не родная. Как и весь этот дом. Что за прихоть отца — подарить ей эти развалины? И как теперь разговаривать с матерью, которая в ярости?

Пламя свечи дрогнуло и метнулось. Дверь скрипнула. Ирина испуганно натянула одеяло. Это была мать. Раньше она никогда не приходила к ней перед сном.

— Ира, спишь?

— Нет, матушка, — настороженно ответила девушка.

Агнесса Яновна вошла, держа правую руку за спиной. Указательный палец левой она приложила к губам.

— Говори тише.

— Почему?

— Тише!

Мать выглянула в коридор, быстро вошла в комнату и закрыла за собой дверь. В момент, когда Агнесса Яновна поворачивалась, Ира увидела в ее руке нож.

— Что вы? — испуганно пролепетала она. — У вас нож!

— Это я нарочно взяла, — ответила майорша, — если придется защищаться.

— Защищаться?

— От этой девки!

Она подошла к кровати и села на край — Ира только успела пододвинуться. Угрюмо посмотрела на нож в свой руке и положила его на стол.

— Какой девки? — спросила Ирина с ужа-сом.

— Любки.

— Любани? Почему?

— Помолчи, — приказала Агнесса Яновна, — тогда все поймешь. Тот следователь из Москвы

перед отъездом вызвал меня в коридор и все рассказал.

В полутьме коридора Скопин вдруг показался Агнессе Яновне выше ростом и темней лицом — как настоящий арап.

— Слушайте внимательно и не перебивайте, — сказал он. — Я почти уверен, что убийца вашего мужа — эта девка, Любаня. Вы знали, что она спала с майором?

Агнесса кивнула.

— А то, что этой ночью она была у меня, знаете?

— Уж догадалась, — проворчала майорша.

— Мы много говорили с ней, — продолжил Скопин, — и вот что я понял. Этот парень из села, Прохор, тоже был ее любовником. Она мне пыталась рассказать сказку про то, как Прохор стоял под окном кабинета, пока вашего мужа убивали. Во всем этом рассказе верно то, что как раз парень к убийству никакого отношения не имеет. Но думаю, что ваш муж, пугнув ружьем парней, которые в тот день приходили колядовать, вернулся, увидел, как Любаня знаками переговаривается с Прохором, заревновал и хотел застрелить саму девку. А та попыталась убежать. Так они попали в оружейную, где девка схватила кинжал с ковра

и зарезала майора.

Взгляд Агнессы Яновны просветлел.

— А ведь похоже… — прошептала она.

— Потому и не было никаких мокрых следов на ковре.

Майорша покачала головой.

— Я уж думала, вы меня подозревать будете.

— Вас? — удивился Скопин. — С какой стати? У вас вообще нет никакого мотива убивать мужа.

— Верно.

— Поэтому мы сейчас с приставом Метелкиным едем в Кунгур, — продолжил следователь, — где я допрошу еще раз Прохора Жмыхова. Нужно точно понять, что он видел в окне в день убийства — только одну Любаню? Или еще и Афанасия Григорьевича? Если он видел, как они ссорятся, значит, я прав.

Вдова энергично кивнула.

— Девка не должна ничего заподозрить, — сказал Скопин. — Завтра мы вернемся и арестуем ее. Но в то же время она — не так и проста. Собирается бежать. Уговаривала меня взять ее с собой в Кунгур. У такого народца нюх на опасность, как у зверей. Но бежать ей без денег или хотя бы без ценностей, которые можно будет продать,

— никак не возможно. Вы храните в доме деньги или драгоценности?

Майорша кивнула.

— Мой совет. Спрячьте их в надежное место. А сами эту ночь проведите вместе с дочкой. И возьмите что-нибудь из оружия. Вы умеете стрелять?

— Нож возьму, — твердо заявила майорша.

— Ладно. Но постарайтесь не показать вида. Ведите себя так, будто ничего не знаете. Не спугните девку. Поняли?

Казалось, сила снова вернулась в это толстое дряблое тело. Агнесса налилась привычной яростью.

— Пусть только попробует сунуться, — сказала она. — Я ей все личико-то искромсаю!

Ирина слушала, замерев. Как только матушка замолкла, ей страшно захотелось прямо сейчас бежать из этого дома, накинуть шубу, сунуть ноги в теплые сапожки и бежать!

— Мама, — прошептала девушка, — надо ехать.

— Куда ехать?

— Прочь. Вдруг она… Люба… вдруг она за дверью?

Агнесса Яновна покосилась на дочь, грузно

встала и прошла к двери. Открыла ее, осмотрела коридор и вернулась.

— Нет там никого. Не глупи. Я же с тобой. Спи, я покараулю.

— Что же, вы вот так будете всю ночь сидеть?

— Надо, так посижу.

— Нет, — сказала Ирина жалостливо, — я теперь тоже не засну.

Майорша посмотрела на нее строго. Как всегда смотрела на свою дочь, сколько та помнила себя.

— Вот уж! Лучше скажи, что он тебе тогда говорил, когда ты из гостиной убежала?

— Пустое!

— Говори!

Ирина вздохнула.

— Он спросил, любишь ли ты меня?

— А ты?

Ирина посмотрела на мать.

— А ты меня любишь? — спросила она.

— Ты дочь мне, — ответила майорша и отвернулась.

— Что? — встревожилась девушка. — Шаги?

— Нет. Просто обидно мне, — проворчала Агнесса Яновна. — За моей спиной с отцом сговорились, он тебе дом этот отписал, про меня забыл. И ты забыла.

— Да не сговаривались мы! — горячо прошептала Ирина. — Я и не знала до последнего! Получила письмо от отца — приезжай, мол. А в нем — дарственная.

— Заверенная нотариусом! Как же! — тут же съязвила майорша. — Кого ты обманываешь?

Девушка смутилась.

— Я не виновата. Показала письмо Боре… своему жениху… Он его на службу взял — сказал, чтобы изучить… А потом уже…

— Вот! — рявкнула Агнесса Яновна. — Он тебя уже обманул. Обманет и вдругорядь! Я же говорю — не ты ему нужна, а что бы такое слямзить.

— Нет, матушка, вы не правы, — тут же вспыхнула Ирина, — он о будущем нашем беспокоится. Ведь у батюшки нрав переменчивый… сегодня дарит, завтра — забудет. Может, и нехорошо получилось, да только я в Борю верю, потому что его знаю. А вы не верите, потому что не знаете, как я.

— Да-да-да! — подбоченилась майорша. — Надо же, какие умные да честные! А я так тебе скажу — умные честными не бывают. А всякий честный — дурак.

— Почему?

— Поживешь с мое — поймешь. Лучше скажи

вот что. Дом этот содержать — капитал нужен. Есть у твоего жениха такой капитал?

Ирина смутилась.

— Но мы и не собирались тут жить.

— А что?

— Продать хотели.

От неожиданности майорша всем весом рухнула на кровать.

— А я? Что же вы, ироды, собирались дом продать, а меня на улицу?

— Почему на улицу, — возразила Ирина, — ты бы жила с нами в Екатеринбурге…

— Приживалкой, что ли? — перебила ее мать.

— Да бросьте вы, матушка! — Ирина сбросила одеяло. О грозившей опасности она совсем забыла. — Что вы все с ног на голову-то ставите!

Майорша как будто оцепенела. Дочь попыталась ее обнять, присела на кровати, но тут же получила мощный удар кулаком в лицо. Охнув, она упала обратно. И тогда Агнесса Яновна сдавила ее шею, нависла над девушкой и прошипела:

— Что, сучка малолетняя, девка продажная, обмануть меня вздумала? Да не вышло.

Девушка захрипела. Ее глаза выпучились, ноги заелозили по простыне, а руками она пыталась отпихнуть мать. Но та держала крепко, одной

рукой. А второй пыталась дотянуться до ножа на столе.

— Вот так! Вот так! Сначала тебя, а потом эту гниду, Любку… Завтра пристав вернется — скажу, что она сначала тебя зарезала, а потом меня пыталась.

— Мама! — прохрипела несчастная девушка, но майорша уже нащупала деревянную рукоять ножа и примерилась ударить. Тут с грохотом распахнулись двери шкафа, и в облаке пыли наружу вывалился Скопин с револьвером в руке.

— Стой! — крикнул он и пальнул из «Смит-Вессона» прямо в потолок. Посыпалась штукатурка. Дверь комнаты отлетела к стене — это ворвался пристав Метелкин, за спиной которого маячила голова Смелякова.

— Отойди от нее! — заорал пристав. Скопин в два шага подскочил к кровати, схватил майоршу за волосы и с натугой оттащил от девушки. Та с хрипом и стоном пыталась вздохнуть. Агнесса Яновна завопила и так сильно толкнула Скопина в живот, что тот не удержал хозяйку. Майорша рванула к дочери, снова занося нож. Ирина завизжала от ужаса.

Раздался новый выстрел.

Майоршу бросило вперед, она перевалилась

через кровать и упала с другой стороны. Визг Ирины оборвался — она лишилась чувств. Пристав остановился, часто моргая, потом посмотрел на Скопина. Тот развел руками.

Скопин явился в гостиную через полчаса, когда Ирина уже пришла в себя, и теперь Любаня отпаивала ее валерьяновыми каплями. Метелкин и Смеляков сидели у камина. Оба они молчали. Иван Федорович поставил в углу какую-то картину, завернутую в дерюгу, и бросил на стол кипу бумаг.

— Есть, — сказал он.

Ирина закашлялась, вода потекла по ее подбородку. Пристав встал, подошел к столу и пальцами поворошил бумаги.

— Знаете, Иван Федорович, — сказал он задумчиво, — по-хорошему, надо бы вас арестовать и препроводить в Кунгур.

— Я спас Ирину Афанасьевну. Ведь так?

— Убив ее мать.

Скопин подошел к девушке. Та моментально съежилась на стуле, как будто он был хищным зверем.

— Она не была вашей матерью, — сказал Скопин.

Ирина смотрела на него затравленно, не пони-

мая, о чем он говорит.

Скопин достал из кармана трубку, потянулся за свечой.

— Ну-ну, — прикрикнул пристав и вынул из кармана спички.

Сыщик кивнул и раскурил трубку. Бросив обгорелую спичку в пламя камина, он перевернул стул, сел и оперся руками на спинку.

— Я расскажу вам. Только не перебивайте. И еще… Павел Петрович, я там в шкафу оставил бутылку рома… Немного еще осталось. Принесите, будьте добры.

Смеляков, не говоря ни слова, сходил за бутылкой. Скопин все это время молча попыхивал своей трубочкой. Потом взял стакан, протянутый Смеляковым.

— Первое, вот это, — Скопин указал стаканом на портрет майора над камином. — Странно, художник изобразил фигуру как бы вполоборота. Майор будто куда-то смотрит.

Смеляков вскочил с кресла, подошел к портрету поближе и вгляделся.

— Может быть, — пробормотал он, — но мне, если честно, это никогда не приходило в голову.

Пристав пожал плечами.

— Второе, — продолжал Скопин, — вы упомя-

нули, что Афанасий Григорьевич женился на польке. Но его супруга не похожа на польку. И акцента у нее не было.

— Ну, это чепуха, — парировал пристав, — польки разные бывают. Много вы их видели?

Скопин кивнул и отпил из своего стакана.

— Я тоже так подумал, — сказал он, — но вся эта история с арестом Прошки… Разве не очевидно, что убийца кто-то из домашних? Тогда я и решил задержаться здесь. Хотел сказать ямщику, что задержусь ненадолго, но его не было во дворе. У крыльца я остановился, чтобы осмотреть замок, — мы приехали ночью, в снег. Я его почти и не видел. Но тут мне попалась на глаза украшенная елка. И среди игрушек неожиданно оказалось вот это.

Он сунул руку в карман и достал небольшой медальон на цепочке. Раскрыл его и передал приставу. Тот осторожно принял вещицу. Внутри медальона были два небольших портрета. Первый — мужской, вне всякого сомнения, майор Тюленев. А второй — женщина с невыразительным длинным лицом. Тут же — крохотная прядь очень тонких светлых волос.

— Видите? — спросил Скопин. — Женщина на портрете совершенно не похожа на Агнессу

Яновну.

— Может, любовница, — предположил пристав, — или кто-то из его прошлого.

— Но волосы — детские, срезаны у младенца, — заметил Скопин, — а когда я увидел Ирину Афанасьевну, то последние сомнения развеялись.

— А они похожи, если честно! — воскликнул Смеляков, разглядывая портрет в медальоне через плечо Метелкина. Скопин забрал медальон и передал его Ирине.

— Вы когда-нибудь видели эту женщину? — спросил он мягко. — Вы помните ее?

Девушка смотрела на него затравленно.

— Как вы можете, — прошептала она, — вы же только что убили человека!

— Да, — смутился Скопин, — но иначе она бы убила вас.

Он все еще стоял, протягивая Ирине медальон. Та вздохнула и опустила глаза.

— Нет, я не помню.

— Понятно, — кивнул Иван Федорович и отошел к камину. — Вы, Пал Петрович, говорили, что до манифеста Тюленевка принадлежала здешним хозяевам…

— Так точно.

— Прошло много времени, подумал я, но, мо-

жет, там остался кто-то, кто хоть что-то помнил из прежней жизни майора? Пошел в село и начал расспрашивать. В селе живет безногий старик Потапов. Знаете его?

Пристав и Смеляков переглянулись.

— Нет, если честно, — признался Павел Петрович.

— Возможно. Он стар и очень плох. Но этот Потапов — бывший денщик майора.

— Да… у майора был денщик из местных, — закивал Смеляков, — но фамилии я его не помню, если честно… Был, был…

— Когда ранили майора, пострадал и денщик. Ему ампутировали ноги, уволили вчистую и отправили на родину. Я говорил с ним. Потапову осталось недолго, но память у старика хорошая. Он узнал женщину на портрете из медальона. Ее звали Агнесса Яновна. И она действительно родила майору дочку.

— Ого! — воскликнул Смеляков.

— Когда майор вернулся из лазарета в свой дом, Потапова в замок не пустили. И другую «Агнессу Яновну» он не видел. Потом сельчане объяснили старику, что майор от ранения повернулся рассудком и никого не узнает. Тот и махнул рукой.

— Это несправедливо, если честно, — грустно

сказал Смеляков. — Завтра же его навещу.

Скопин пожал плечами и снова протянул свой стакан.

— Тогда я описал Потапову нынешнюю супругу майора. И он вспомнил ее.

— Как? — удивился пристав.

— Так вот! После рождения дочери супруги взяли кормилицу. И хотя прошло много лет, денщик удивительно точно описал нашу «Агнессу Яновну».

— Кормилица превратилась в жену? Но как?

— Не знаю, — Скопин покосился на Ирину, — вероятно, с вашей настоящей матушкой что-то произошло. Болезнь? Или… — он помялся, — но она исчезает. Приблизительно в то же время, как ваш батюшка был ранен. Я не могу точно сказать, что произошло. Только предположить, что ваш отец из-за помешательства, вызванного ранением в голову, принял кормилицу за свою супругу. И мать своего ребенка. Так бывает. Я видел это в Туркестане — человек полностью теряет память и становится как дитя. Тут нужен тщательный и добрый уход за раненым. Но кормилица не только не разуверила его, наоборот — начала играть роль. А когда майор стал поправляться, увезла его сюда — подальше ото всех, кто мог

знать ее хозяйку. Если вы, — Скопин повернулся к Метелкину, — возьмете на себя труд запросить в военных архивах документы или разыщете врачей, лечивших майора, его друзей тех времен, то, возможно, восстановите все события точно. Но нам сейчас важно другое.

Он снова повернулся к потрясенной рассказом Ирине.

— Вы были, вероятно, слишком малы, чтобы запомнить свою настоящую мать. И все эти годы матерью для вас была кормилица. Я понимаю, бывают случаи, когда мать отказывается от своего ребенка, и тот считает родной матушкой не ту, которая родила, а ту, которая воспитала. Но в таких случаях речь идет о любви к ребенку. А у меня сложилось впечатление, что эта женщина… что она вас не любила по-настоящему. Потому я и задал тогда вам вопрос.

Ирина закрыла лицо руками.

— Да хватит уж тебе измываться над бедной, — рассердилась Любаня, — зверь ты или человек? Права она — сам только что человека убил, а теперь стоишь тут, рассуждаешь! Как будто муху прихлопнул. Вот, барыня, выпейте еще валерьяночки…

Глядя на девку, хлопотавшую вокруг Ирины,

Скопин поморщился. Любаня держалась молодцом, устраивая свое будущее.

— Нет, Ирина Афанасьевна, — сказал следователь, — я не такой бессердечный, как вам кажется. Но дело серьезное, и нам всем придется пройти через это.

В коридоре загрохотали шаги, дверь гостиной приоткрылась, и в нее зашел боком мужик, в длинном тулупе и заснеженной шапке.

— Прибыли, ваше благородие, — сказал он. — Куды здесь?

Пристав махнул рукой:

— Вторая дверь. Там за кроватью лежит. Грузите в мой возок.

Мужик кивнул и вышел. Шаги загрохотали прочь.

— Я ее потом в кунгурский морг отвезу, — пояснил Метелкин. — Продолжайте, Иван Федорович. Почему же она зарезала своего супруга?

Скопин ткнул пальцем в бумаги на столе.

— Потому что память к нему начала возвращаться. Это ясно из записей. В последнее время майор писал, восстанавливая события своего прошлого. Я не знаю точно, что именно произошло в день убийства, но, думаю, Афанасий Григорьевич, услышав, как парни поют колядки,

рассердился, взял ружье и распугал деревенских. А когда возвращался, наткнулся на свою «супругу». Та была рассержена, потому что знала… — он увидел, как Любаня, стоя за спиной молодой барыни, быстро приложила палец к губам, и решил не портить ей будущее. Поэтому быстро поправился: — Она была рассержена. Начала кричать. Тут он, вероятно, и сказал ей что-то, что окончательно взбесило бывшую кормилицу. Она схватила кинжал, висевший на ковре…

— Он вспомнил, что она — не его жена, — предположил Смеляков.

— Наверное.

Скопин подошел к камину и снял портрет майора с гвоздя. Он поставил его на каминную полку. Потом поднял картину, накрытую дерюгой.

— Я взломал комнату Агнессы Яновны, — сказал он. — Другого имени у нее не осталось, будем называть так. Любаня говорила, что она никого к себе не пускает. Да уж… Эта женщина и сама была душевнобольной. Она ничего не выбрасывала. Это не комната, а настоящий склад с тропинкой. Про запах я и не говорю. Зато там нашлись не только бумаги, но и вот что.

Он снял ткань с картины, повернул ее и поставил на камин рядом с портретом майора. Ирина

тихо ахнула.

На картине была изображена настоящая Агнесса Яновна — та самая, с портрета в медальоне. Она сидела в кресле, глядя чуть вправо. И когда обе картины оказались рядом, стало понятно, на кого с такой нежностью смотрит нарисованный молодой майор.

Ирина заплакала. И тут же заревела Любаня.

Снова пошел снег. Замок таял в ночной тьме. Пристав сидел хмурый, придерживая тело мертвой толстухи, спеленутой простынями, как саваном. Скопин напротив него, надвинул шапку на лоб и тоже молчал. Метелкин смерил Скопина тяжелым взглядом.

— И когда вы все поняли?

— Еще там, в Тюленевке, когда говорил с Потаповым. А уж когда приехали вы с Ириной Афанасьевной и я увидел ее…

— Понятно. Значит, потом вы просто спровоцировали эту… «Агнессу Яновну». Ну и методы у вас, Иван Федорович…

— Да, — кивнул Скопин, — но арестовать ее просто так, без улик, на одних предположениях… Но, когда я услышал про дарственную на дом, то подумал — вот в какой переплет попала теперь майорша. Тут можно вывести ее на чистую воду.

Получить прямое доказательство или собственное признание.

— То есть вы решили использовать Ирину Афанасьевну без ее ведома как подсадную утку, — уточнил пристав. — Это так у вас в Москве принято работать?

Скопин не ответил. Не раскрывать же душу человеку, с которым скоро расстанешься, чтобы потом не увидеться никогда в жизни. Не объяснять же…

— Ладно, — сказал Метелкин, — мне все понятно, кроме одного. Кто повесил на елку медальон? Может быть, сам майор? А что… Если его… супруга… изымала все, что он написал, то лучший способ спрятать вещичку — повесить туда, где она нипочем искать не будет.

— Не знаю, может, он, а может, и нет, — отозвался Иван Федорович, отодвинул занавеску и посмотрел в окошко.

— Ночь-то рождественская была, — сказал он задумчиво, — время подарков.

Пристав Метелкин снял шапку и перекрестился.

Скопин прислонился к стеклу головой и прикрыл глаза. Тянуло в сон.

Иван Погонин
Алмазный гусь

Описание предпраздничной суеты позаимствовано из «Рождественских рассказов» Н. А. Лейкина.

— А вы где окорок покупаете? — спросил у Тараканова околоточный Некрылов.

— Как где? В мясной лавке.

— Понятно, что не в табачной. Я интересуюсь, в какой именно?

Осип Григорьевич недоуменно пожал плечами:

— Да в любой, в той, которая первой по дороге попадается. Признаться, мне его в Питере покупать-то доводилось раза два-три от силы.

— То есть вам все равно где? Ну, батенька, тогда вы не гурман. Окорок надобно непременно у немца в колбасной лавке покупать. Я германскую нацию не люблю, но против истины грешить не буду — на свинье немец собаку съел, у немца ветчина настоящая, не то что наша… Этот дом, что ли?

Сыскной надзиратель поднял голову и посмот-

рел на табличку с номером.

— Этот! — доложил он околоточному.

Полицейские подошли к воротам. Два подручных дворника мазали тротуарные тумбы смесью масла и сажи. Увидев представителей власти, оба прекратили свое занятие, а младший из них — белобрысый парень лет двадцати пяти — даже вытянулся во фрунт.

— Где дворник? — строго спросил Некрылов.

— Дык в дворницкой. Позвать? — отозвался старший подручный.

— Не надо.

Некрылов перешагнул порог калитки, сделал несколько шагов по подворотне, распахнул дверь дворницкой и решительно шагнул внутрь.

Дворницкая — маленькая, грязная каморка — была разгорожена ситцевой занавеской на две половины. Хозяин помещения — статный мужик с окладистой бородой — сидел за столом и, слюнявя карандаш, писал что-то в большой амбарной книге.

— Фамилия? — рявкнул околоточный.

— Ефимов, ваше благородие! — отвечая, дворник вскочил.

— На каторгу захотел, каналья? Почему беспаспортные в доме живут?

— Никак нет-с, все прописанные, нешто мы порядков не знаем, вот извольте посмотреть, — Ефимов перевернул книгу, — все чин чином.

Некрылов на фолиант даже не взглянул:

— Акулька Удальцова в какой квартире стоит?

— Дык в подвале квартирует, у Митрофановны.

— А братца ее почему не прописал?

— Какого братца? Я с ее родней не знаком. Ходить ходит к ней один — из лакейского сословия, дык его прописывать закон не требует, потому как он не жилец, а приходящий. А брат он ей, кум аль сват — мне все едино.

— Что за лакей, как выглядит? — спросил доселе молчавший Тараканов.

— Приметный такой, видный. Ростом вершков десять[4], волосом черен, бороду бреет, а усищи — как у германского императора.

— Наш! — околоточный аж потер ладони от удовольствия. — Сейчас он у Акульки?

— А бес его знает! — пожал плечами дворник.

— Что же это ты не следишь, кто в дом шляется?

— Да у нас тут почти тыща народу, разве за

[4] Примечания: 4

Десять вершков (около 44 см) сверху двух аршин (около 142 см) — именно так в описываемую эпоху указывали рост человека.

всеми уследишь!.. Вроде был с утра.

— Зови своих клевретов, с нами пойдете.

— Кого позвать?

— Подручных, баран!

Когда шли по двору, Ефимов осторожно спросил:

— А вы, ваше благородие, таперича, значит, заместо Никодима Геннадьевича, царство ему небесное?

— Да. И знай: я непорядка не потерплю!

Два дня назад в генеральской квартире, расположенной на одной из центральных улиц, случилось пренеприятнейшее происшествие — лакей Родион Романов разругался с барыней, да так разошелся, что влепил ее превосходительству оплеуху, и пока генеральша лежала без сознания, а горничная и кухарка пытались привести ее в чувство, забрал из буфета дюжину серебряных ложек и был таков.

На поиски обидчика супруги видного деятеля военного министерства была брошена вся столичная полиция. Сыщики установили круг родных и знакомых супостата и стали их проверять. Сестра грабителя жила на участке Тараканова. Поэтому-то в самый что ни на есть сочельник Осип Григорьевич, вместо того чтобы ходить по

Гостиному двору и выбирать подарок для Анны Никитичны, оказался в душной, пропитанной запахом портянок, селедки и кислой капусты угловой квартире.

Романова взяли без шума и пыли — узрев погоны околоточного, он поднял руки и запричитал:

— Тока не бейте, ваше благородие, у меня почки больные!

— Ложки куда дел, ирод? — околоточный все-таки ударил задержанного. Бил, правда, не по почкам — по морде.

Злодея сдали в участок, написали рапорта, вышли на улицу и закурили.

— Интересно, будет нам награда за этого субчика? — задумчиво спросил околоточный.

Тараканов пожал плечами.

Некрылов затянулся:

— Вас, кстати, чем на Рождество пожаловали?

— Пятьюдесятью рублями…

— А меня чином наградили. Только на чин ветчины-то не купишь… И надо ж было, чтоб перед самым праздником меня в другой участок перевели! На старом-то месте вся коммерция была прикормлена, а теперь… Эх, сколько времени уйдет, пока связи наладишь. Тут как купечество, понимающее?

Осип Григорьевич опять пожал плечами:

— Я сам здесь второй месяц.

— Понятно… Слушайте, пойдем в мой бывший околоток, к знакомому немцу! У него ветчина, скажу я вам, уму помраченье, а не ветчина. А мимо рынка идти будем, так еще и по гуську прихватим. Правда, гусь нынче не тот пошел — мужицкий, сухой, — помещичьих, жирных, ноне мало.

Недалеко от рынка стояли крестьянские дровни, в которые была запряжена тощая кляча. Ее хозяин, такой же тощий мужик в драном треухе и заплатанном романовском полушубке, расставлял рядом с санями елки, вставленные в плохо оструганные деревянные кресты.

— Не на показанном месте стоишь, здесь не велено, — пробормотал околоточный, рассматривая елки. Он подергал несколько стволов, выбрал самую пушистую и вопросительно посмотрел на Тараканова:

— А вы что стоите, вам елка не нужна?

Осип Григорьевич вспомнил, что Нюра давеча заикнулась, что неплохо было бы нарядить елочку, мысленно пересчитал деньги, решил, что лишний полтинник потратить можно.

— Почем торгуешь? — спросил он мужика.

— Надо бы рубль просить, да уж с вас по шесть гривен.

— За полтинник возьму, — сказал сыскной надзиратель, доставая из кошелька мелочь.

Околоточный меж тем забрал у Осипа Григорьевича елку и кликнул мальчишку от соседней лавки:

— Снеси-ка одну елку ко мне на квартиру, а вторую… Вашу куда доставить прикажете? — спросил Некрылов у Тараканова. Сыщик назвал адрес.

— Слушаюсь, Флегонт Михайлыч… — мальчишка взвалил на каждое плечо по елке и зашагал по улице.

Околоточный посмотрел ему вслед и пошел на рынок.

— Ваше благородие! А деньги? — крикнул мужик вдогонку.

Некрылов обернулся и показал ему кулак:

— Весь проезд перегородил, да еще деньги требуешь! Я те дам деньги!

Мужик надвинул треух на лоб и почесал затылок.

Тараканов посмотрел на его рваный полушубок, на тощую клячу, вздохнул, вытащил из кошелька еще два двугривенных, сунул мужику

в руку и поспешил вслед за удаляющимся коллегой. «Ничего, на гусе и окороке отыграюсь. Уж немчуру-колбасника да купца-курятника не пожалею, с них не убудет!» — успокоил себя Осип Григорьевич.

В сыскную Тараканов прибыл в прекрасном настроении — в ювелирном магазине Гордона удалось приобрести великолепное серебряное колечко за весьма умеренную цену, да еще и получить рассрочку. А пятифунтовый окорок и замороженный гусь достались и вовсе бесплатно. Мясо и птицу он снес на квартиру, велев хозяйской кухарке елку нарядить, окорок сварить, а гуся запечь фаршированным, пообещав за труды полтину и десять аршинов ситца на платье. Потом сходил на службу к Анне Никитичне и честь честью пригласил ее к себе, намекнув на презент. Осталось отсидеть сокращенные вечерние присутственные часы, и можно было наслаждаться жизнью!

В конце совещания начальник его похвалил:

— Молодец, Тараканов, вовремя вы генеральского обидчика отыскали. Градоначальник велел передать вам свое «большое спасибо». К Новому году ждите приказ о награждении. Ну а от меня награду получите незамедлительно — до после-

завтра от обязанностей службы я вас освобождаю, можете начинать праздновать прямо сейчас. Только, хм, не здесь. Засим, господа, позвольте закончить, еще раз всех с наступающим праздником, который многие из вас, к сожалению, вынуждены будут провести на службе. Попрошу не расслабляться и пагубным страстям до окончания занятий воли не давать. Честь имею.

Все стали расходиться. В коридоре к Тараканову подошел надзиратель Гаврилов из стола находок:

— Осип Григорьевич, постойте, у меня к вам дельце есть.

— Слушаю, Леонид Петрович.

— Здесь не совсем удобно, — Гаврилов потеснился, пропуская одного из сыщиков, — давайте ко мне заглянем.

Стол находок столичной сыскной полиции занимал три комнаты в правой части коридора, у самой лестницы. Сыщики прошли через первую комнату, наполненную узлами почтенных размеров, по стенам которой были развешаны предметы мужской и дамской верхней одежды самых разных фасонов, миновали вторую, в которой помещались более мелкие находки — портфели, зонты, стопки книг, — и вошли в по-

следнюю. Здесь стояли несколько письменных столов служащих, а в углу помещался громадный сейф. Гаврилов открыл его и вытащил на свет божий кольцо-маркизу, усыпанную довольно крупными бриллиантами.

— Вы знаете, Осип Григорьевич, я поступил в сыскное отделение пятнадцать лет назад и где-то года через два сыскной службы совершенно потерял веру в человечество! Столько крови, обмана, подлости и непотребства мне пришлось повидать. В столе находок я тружусь менее полугода, а вера в человечество ко мне вернулась! Оказывается, несмотря на всю сложность жизни, в столице империи сохранились честные люди. Более того, их значительное количество! Их так много, что мы вшестером здесь едва справляемся. Каждый день нам приносят множество вещей. Большую часть того, что жители Петербурга теряют на улицах, в вагонах трамваев и конно-железных дорог, в садах или общественных учреждениях, нашедшие не присваивают, а несут нам. В этом сейфе сейчас дюжина золотых часов и несколько колечек попроще этого. Но приносят не только вещи, несут даже потерянные деньги, присвоить которые вообще никакого труда не составляет. Вот, например, — Гаврилов опять

запустил руку в сейф и достал оттуда бумажник, — месяц назад эту лопатину[5] притащил «ванька»[6]-оборванец. А там — восемь «катенек»[7]. Я его спрашиваю, чего же ты их себе-то не оставил, а он мне: «Так ведь грех, барин!» Представляете?! Он такие деньги за всю жизнь не заработает, а не взял, греха побоялся. Нет, Осип Григорьевич, жива Россия, жива еще!

— Давайте ближе к делу, Леонид Петрович, а то я еще хотел к куафюру попасть, — бесцеремонно прервал философствования Гаврилова Тараканов.

Тот немного обиделся:

— Да ну вас! Я перед вами душу изливаю, а вы мне про бритье и стрижку. Ну к делу так к делу. Это колечко, а цена ему рублей пятьсот, не меньше, нашел сегодня в рождественском гусе титулярный советник Табаричев, точнее, его кухарка. Она отдала кольцо своему барину, а он мне. Вот я и подумал, а не сыскать ли нам его

---

[5] Примечания: 5

Лопатина — бумажник (*жарг.*).

[6] Примечания: 6

Ванька — крестьянин, приехавший в столицу заниматься извозом. Самый низкооплачиваемый вид извозчиков.

[7] Примечания: 7

Катенька — сторублевая купюра. Называлась так, потому что на ней был изображен портрет императрицы Екатерины II.

владелицу непосредственно в канун праздника. Представляете картину: дамочка потеряла кольцо, убита горем, впала в истерику, портит праздник и себе, и мужу — какому-нибудь купцу, графу, генералу или, скажем, интендантскому чиновнику, ведь какой иной муж может такое кольцо позволить? В доме пахнет не рождественской елкой, а валериановыми каплями, у прислуги все валится из рук, потому как господа ее подозревают, а тут мы: вуаля, извольте принять утерянное. Как вы считаете, на катю-другую при таком раскладе можно рассчитывать?

Тараканов, у которого праздничные траты пробили огромную дыру в скромном бюджете, идею оценил с ходу:

— На другую вряд ли, а вот на одну, ну или рублей на полста — вполне.

— Займетесь?

— А вы сами отчего не попытаетесь?

— Владимир Гаврилович мне особое задание поручил. Не могут пока без меня, старика, обойтись, не могут. Прямо сейчас убываю в Терриоки. Я там еще третьего дня должен был быть, но из-за метелей поезда не ходили, об открытии движения сообщили только час назад. Когда вернусь — не знаю. А яичко, как известно, дорого ко Хри-

стову дню. А завтра владелица кольца сама к нам может явиться, тогда вообще никаких денег не видать. Надзирателя в подчинении у меня нет. Ну не писарю же мне такое дело поручать? А вас начальник на сегодняшний вечер от всех дел освободил. Ну так что, поможете?

Тараканов покачал головой:

— Заманчиво, но не могу-с. У меня вечером важная встреча.

— Господи, да успеете вы встретиться со своей барышней! Тут делов-то — сходить на Сенную, в лавку Богомолова — Табаричев у него гуся покупал, спросить у купца, откуда гусаки, съездить к хозяину птицы, узнать у дворника дома, кто из жильцов кольцо потерял, и торжественно вручить его хозяйке. Это пару часов займет, не более, если на извозчике.

— А с чего вы взяли, что гусей в Питере выкормили? Может быть, они из Тверской губернии? Я нынче тверского купил.

— Осип Григорьевич! Он такой же тверской, как и я! Сейчас в каждом доме на Петербургской и на Ваське свой птичий двор есть, да и в Адмиралтейской части не то что гусей, коров во дворах держат! Зачем птицу из Твери везти?

— Ну а ежели все-таки тверской гусь?

— Тогда плакали наши денежки. Да не тверской, не тверской, не волнуйтесь. Знаю я этого Богомолова, он птицу где-то в Суворовском участке берет, сам мне рассказывал.

Перед мясной лавкой Богомолова в больших корзинах, ящиках или так — россыпью, на рогожах, пересыпанные снегом, лежали горы мороженой провизии — здесь тебе и пудовый окорок, и окаменелая от мороза передняя часть борова, стоящая на снегу как изваяние, и молочный поросенок, и куры, и индюшки, и тетерки, и рябчики, и, наконец, лучший подарок для обремененного семейством нетребовательного чиновника — мороженый гусь. В лавку почти никто не заходит, приказчики толпятся у входа и ведут торговлю прямо на улице. Покупатели представляют все сословия. Тут и дама в собольем вороте, и баба в пестром байковом платке, и купец в енотовой шубе, и чиновник в форменном пальто, и бородач в нагольном полушубке и в валенках. Тараканов едва протиснулся через толпу и, узнав от шустрого приказчика, что хозяин в лавке, зашел в неотапливаемое помещение. Купец в мохнатой шапке и в шубе с бобровым воротником, довольный удачной торговлей, а потому находившийся в прекрасном настроении,

сидел на стуле и пил чай из стакана в серебряном подстаканнике.

— С наступающим, — поздоровался коллежский регистратор.

— И вам всего хорошего, ваше высокоблагородие, — купец сразу опознал в вошедшем чиновника. — Ветчинки желаете али индюшка?

— Мне бы гуся.

— Оченно хорошо, что ко мне пожаловали. У меня гусачок первостатейный! Из тверских экономий получаем. Помещичий, жирный, одним ячменем кормленный. И всего два рубля с гривенником!

— А Леонид Петрович говорил, что гуси у вас — с Большого проспекта.

— Это который Леонид Петрович? — нахмурился Богомолов.

— А Гаврилов. Он раньше на Петроградской стороне сыском командовал, а теперь на повышение пошел — на Офицерской служит, к самому Филиппову приближен. На Пасху обещали в чиновники перевести.

— Как же, как же, прекрасно знаком с Леонидом Петровичем, увидите его, поклон передавайте. Ну что ж, приятелю его врать не буду, с Васьки гусачки. Но хуже они от этого не сделались! Ведь

гусю-то простор не нужен, ему простор во вред только идет. Чем он больше бегает, тем тощее и жилистей становится. А коли гусь целыми днями сиднем сидит, так он жиром обрастает. Тут самое главное — питание, а кормит их мой поставщик, дай бог, чтобы так рысаков генеральских кормили.

— Адресок поставщика вашего дадите?

— А накой он вам? Он вам не продаст, потому как только оптом торгует, да и нет у него теперь гусей — я всех скупил.

— Ничего я у него покупать не собираюсь, а только есть у меня к нему разговор.

Дворник дома нумер шестнадцать по Тринадцатой линии, услышав про гусятника, сплюнул:

— Есть такой у нас, в надворном флигеле живет. Фамилия у него — Долгополов. Вот где у меня эти гуси, — дворник постучал себя по шее. — Он ведь чего делать, гад, повадился. Чтобы, значит, корму на иродов своих меньше переводить, кажное утро их во двор выпускает. Мы по утрам в яму из квартир помои выливаем, а гуси из них себе лакомствы разные выковыривать начинают. Из-за энтого промеж них драки, галдеж и крик подымается. Акромя того, гадят они везде, сор по всему двору разносят. Жильцы жалуются,

а сделать я ничего не могу, потому как господин околоточный гусятнику этому, значит, потворствует и трогать его не велит! Но, слава богу, давеча перерезал Долгополов всех своих гусаков, продал и сказал, что больше водить не будет. Сказал, что вообще апосля праздника съезжает, домой его, вишь, в Тверь потянуло, лавку он там собрался открывать. Видать, нажил на своих птицах капиталец! А вчерась шел выпимши, я ему калитку открыл, а он меня к себе позвал и полгуся подарил! «Беспокоил я тебя долго, Петя, — говорит, — так на тебе к Рождеству подарок». Раньше от него гривенника не дождешься, а нонче — полгуся. Чудеса, одним словом.

— А как вообще в доме, спокойно, не пошаливают, насчет украсть чего?

— Не без этого, — вздохнул дворник, — куда деваться — двор-то проходной, за всеми тропинками-дорогами не уследишь, вот и шастают все, кому не лень.

— А не было ль недавно какой крупной пропажи?

Дворник с опаской посмотрел на сыщика:

— Да вроде не было, никто не жаловался.

— У барыни какой драгоценности не пропадали?

— Нееет! — сказал Петр с явным облегчением. — Такого не было, коли б было, я б непременно знал!

«Тьфу ты! Зря только на извозчика разорился! — разочарованно подумал Осип Григорьевич. — Чтобы этому Гаврилову пусто было! Да и я тоже хорош: вместо того чтобы к празднику готовиться, шляюсь черт знает где!» От мыслей о празднике и предстоящей встрече с Анютой настроение сыскного надзирателя заметно улучшилось, он попрощался с дворником и пошел в сторону Большого проспекта — на остановку первой и пока единственной линии городского трамвая.

Народу в вагоне было мало — большинство жителей столицы уже вовсю готовились к празднику в своих квартирах, поэтому Алексеева он увидел сразу. Да и чиновник для поручений сразу приметил Тараканова:

— Господин надзиратель, извините, забыл, как вас звать, прошу ко мне!

Коллежский секретарь, несмотря на то что формально рождественский пост еще не кончился, был уже слегка пьян.

— Гуляете? — спросил он надзирателя.

— Да-с, ваше высокоблагородие[8].

— А я вот тружусь, несмотря на сочельник. Только что с осмотра места происшествия. Все-таки чертовски удобная эта штука — трамвай, не находите? За гривенник он меня до самого дома довезет, а извозчик бы не менее двух двугривенных слупил. Да и едет электровагон быстро, не то что конка.

— Весьма удобно. Видать, что-то серьезное случилось, коли вас дернули?

— Серьезное, голубчик, серьезное. Зарезали и ограбили жену купца первой гильдии Баймакова. Прямо в квартире, представляете? На самом Большом проспекте, в пятьдесят первом нумере. Начальства, несмотря на праздник, полна квартира, и прокурорские, и следственные власти, и сам Владимир Гаврилович. Правда, все, отметившись, тут же разъехались. Ну и я задерживаться не стал — раздал надзирателям задания и домой поехал.

— Ого! Завтра всей сыскной работа.

---

[8] Примечания: 8

Коллежского секретаря согласно Табели о рангах следовало именовать просто благородием, но в то время в госучреждениях было в обычае титуловать начальство не по классу чина, а по классу должности. Должность чиновника Санкт-Петербургской сыскной полиции находилась в штаб-офицерском, 8-м классе, которому соответствовало обращение «высокоблагородие».

— Не говорите, ох, не говорите. Не дадут мазурики Христов праздник справить. Завтра оглашу список похищенного, и пойдем мы, грешные, по ювелирам и ломбардам.

— Драгоценности утащили?

— Одни побрякушки, других вещей не брали, а денег больших в доме не было. И главное — по горячим следам не раскроем, убили ее, грешную, кажись еще вчера, а то и третьего дня.

— А что же так долго труп не обнаруживали?

— Муж ее позавчера в Выборг по делам уехал, сегодня только вернулся, он тело-то и обнаружил.

— А прислуга?

— Прислугу они на праздники отпустили — со слов купца, они Рождество всегда в гостях проводят, у жениных мамаши и папаши, так что прислуга им в эти дни не нужна.

— Да, тяжеленько будет открыть это преступление, — вздохнул Тараканов.

Чиновник и надзиратель замолчали. Каждый думал о своем: Алексеев представлял, как войдет в дом с мороза, нальет и тут же выпьет большую рюмку рябиновой, а Тараканову виделось, как он надевает на Нюшин пальчик колечко и как она вскрикивает от радости и начинает его це-

ловать.

Трамвай меж тем перетащился через Николаевский мост и стал приближаться к Благовещенской площади.

— Вам дальше? — поинтересовался Алексеев.

— Да, мне до Садовой, потом на конку пересяду.

— А мне здесь выходить. Что ж, еще раз с праздником, всего вам самого хорошего.

Сыскной надзиратель встал, пожал начальству руку и поклонился. Трамвай остановился. Алексеев открыл решетку и спрыгнул на тротуар. Вагоновожатый звякнул в колокольчик, кондуктор объявил: «Следующая — Конногвардейский бульвар». Вагон дернулся и, набирая скорость, понесся сквозь уже сгустившиеся сумерки.

Осип Григорьевич сел на свое, нагретое, место, прислонился было к окну, но через секунду вскочил и бросился к выходу.

— На ходу покидать трамвай запрещается! — закричал кондуктор, но пассажир его не послушал.

Алексеева он нагнал рядом с Новой Голландией.

— Ваше высокоблагородие, ваше высокоблагородие! — Тараканов остановился около оторопевшего чиновника и никак не мог переве-

сти дух, а едва ему это удалось, спросил:

— А не было ли среди похищенного вот этого кольца?

Он раскрыл ладонь и предъявил чиновнику «маркизу».

Долгополов сначала не признавался — вел себя дерзко, требовал постановление на обыск и понятых. Но когда понял, что его всерьез подозревают в убийстве, запричитал и выдал похищенное — достав из-под половицы узелок с драгоценностями.

— Вот и умница! — похвалил гусятника Алексеев, сверяя обнаруженные украшения со списком. — Все налицо, кроме «маркизы», «маркиза», впрочем, тоже налицо. Ну а теперь рассказывай, как купчиху резал да куда нож дел.

Долгополов упал на колени и начал истово креститься:

— Вот вам крест святой, ваше превосходительство, не убивал, не убивал я никого. Колечки, да, мой грех, спрятал, не предъявил по начальству, а убивать не убивал!

— Давай, давай, рассказывай сказки! Да пойми ты, дурья башка, сознаешься — снисхождение тебе будет, а нет — можешь и на бессрочную каторгу загреметь.

— Не виноватый я! — гусятник аж завизжал.

— Ну, ну, хватит, что ты как баба! Зарезать сумел, а ответить не можешь? Ладно, некогда мне нынче с тобой валданиться, покамест посидишь в части, а завтра после обеда, раньше не получится, я с тобой и поговорю. Авось к тому времени созреешь. Берите его, ребята! — приказал чиновник василеостровским городовым. — Да смотреть у меня, убегет — шкуру спущу.

— Позвольте прежде ему пару вопросов задать? — попросил Осип Григорьевич.

Алексеев вынул из кармана часы, отщелкнул крышку и тут же захлопнул:

— Может быть, до завтра подождем? До полуночи — четыре часа осталось.

— Уже восемь? — изумился Тараканов, но затем повторил просьбу: — Я быстро, ваше высокоблагородие.

— Ну хорошо, беседуйте.

— Господин Долгополов, — повернулся сыскной надзиратель к задержанному, — так где, вы говорите, нашли драгоценности?

— В яме помойной, вчерась поутру. Я как гусей стал загонять, так увидал, что они какой-то узелок достали и раздербанили. Посмотрел — там сверкает что-то, палочкой пошевелил — колечко

выскочило, за ним другое. Не утерпел, господа, присвоил. Лавочку хотел на родине купить, надоела мне столица, хуже горькой редьки. Простору здесь нет!

— Будет тебе на Шпалерной простор[9], — хмыкнул чиновник.

Гусятник аж задрожал.

— А куда тряпку дели, в которую драгоценности были замотаны? — задал новый вопрос Осип Григорьевич.

— Да там же, у ямы и оставил. От нее смердело очень. Я кольца-то в семи водах мыл, пока от них пахнуть перестало.

— Пойдем поищем?

— Господин надзиратель! — Алексеев аж вскочил. — Какая тряпка, вы что, хотите меня праздника лишить?

— Позвольте с вами с глазу на глаз пообщаться?

Алексеев помотал головой, но все же приказал городовым:

— Выведите его на улицу, ребята, и там нас ждите!

Из подъезда сыскной надзиратель и сыскной

---

[9] Примечания: 9

На улице Шпалерной в описываемый период размещался дом предварительного заключения, аналог современного СИЗО.

чиновник вышли через четверть часа.

— И надо же было мне вас в трамвае углядеть! Свалились на мою голову. Сейчас бы сидел в домашнем халате, пил бы коньячок, а придется… Впрочем, насчет коньячку можно и распорядиться — вроде первая звезда уже появилась. Тут рядом ресторанчик неплохой — «Белый медведь». Предлагаю перед визитом к безутешному вдовцу туда заглянуть.

— Нам надобно сначала тряпку найти.

— Ищите. Как найдете тряпку — ищите меня, я буду в «Медведе», Слюсаренко, — Алексеев указал на василеостровского сыскного надзирателя, — знает, где это.

— А с этим что делать? — спросил Тараканов, указав на Долгополова.

— Как что? Я же распорядился — в сыскную, в камеру. Пьяны вы, что ли, приказа не слышали?

Купец открыл сам — видимо, горничная еще не вернулась.

— Это опять мы, Александр Федорович, — язык у сыскного чиновника слегка заплетался, — вернулись, чтобы сообщить вам приятную новость. Вещички ваши найдены.

По лицу Баймакова пробежала едва заметная

тень. Алексеев меж тем, не спрашивая разрешения, прошел в залу, подкрутил фитиль на лампе, выложил сверток с драгоценностями на стул и развернул:

— Вот-с, извольте взглянуть.

Купец кинулся к столу, схватил в руки «маркизу» и поднес к глазам:

— Это ее, Наденьки.

Он опустился на стул и закрыл глаза руками. Несколько секунд плечи Баймакова тряслись. Потом он вскочил:

— Но если… Если вы нашли вещи, стало быть, вы нашли и убийцу?! Где он? Дайте мне посмотреть ему в глаза!

— Извольте, смотрите.

На столе стояло овальное зеркало на изящной подставке. Алексеев поднял его и поднес к лицу купца:

— Любуйтесь!

Баймаков сначала недоумевающе посмотрел в зеркало, потом — на сыщика, а потом сжал кулаки и заиграл желваками:

— Что? Да как… Да я тебя!

Тараканов и Слюсаренко среагировали вовремя — повисли на руках у купчины и повалили его на пол. Тот бешено сопротивлялся. Наконец устал

и затих. Слюсаренко вытащил из кармана пальто веревку и перетянул Баймакову руки за спиной, потом они с Осипом Григорьевичем усадили его на стул. Купец тяжело дышал:

— Ты у меня… вы все у меня… Я… куда Макар телят не гонял! У меня в градоначальстве…

— Тю, тю, тю, — Алексеев сел напротив задержанного и вытащил из кармана портсигар, — я закурю? И не дождавшись разрешения, чиркнул спичкой, положил ее в стоявшую на столе пепельницу, выпустил струю дыма.

— Гусь вас сгубил, Александр Федорович, кабы не он, мы б это преступление не открыли бы.

— Какой гусь? — заорал Баймаков. — Что за бред вы несете?!

— Гусь обыкновенный, серый, лапчатый. А бреда я никакого не несу. И чтобы вам было понятнее, я сейчас все вам объясню.

— Да, потрудитесь, пожалуйста.

— С удовольствием. Итак. Похищенные у вас ценности мы нашли у гусятника Долгополова, что живет в шестнадцатом доме по Тринадцатой линии. Это рядом с вами, а если идти не в обход, по проспекту, а напрямки, по дворам — так вообще в ста саженях. Сначала мы подумали, что Долгополов и есть убийца, но ряд деталей позво-

лил нам сделать вывод, что это не он.

— Это каких же таких деталей? Развяжите меня, даю слово — драться не буду.

Алексеев кивнул Слюсаренко, и тот распутал веревку. Купец потер кисти рук.

— Ряд очень интересных деталей. Допустим, Долгополов убил вашу жену и похитил ее украшения, потом пришел домой и спрятал их под половицу, где они нами и были обнаружены. Если дело было так, то сразу возникает вопрос, а как «маркиза» оказалась в брюхе гуся?

— Да какого гуся? Перестанете вы мне морочить голову или нет?

— Я вам головы не морочу, а про гуся уже все сказал — гусь обыкновенный. Долгополов водил гусей и поутру выпускал их на двор, кормиться из помойной ямы, зерно таким образом шельмец экономил. Гусь нашел в яме узелок, вытащил, развязал и проглотил вот это кольцо, — Алексеев взял со стола «маркизу», — если бы Долгополов утащил драгоценности, на кой ему надо было прятать в яму? Он бы сразу отнес их в свою квартиру.

— Так, может быть, он и не прятал их в яме, а просто обронил одно кольцо? — Баймаков скрестил руки на груди.

— Нет. Кольца были завязаны в носовой платок, мы этот платок нашли. От него так воняет, что никаких сомнений в том, что он полежал в помоях, не остается. Отсюда вывод — или Долгополов уронил весь узелок и оставил его в яме, дожидаясь, пока гуси его не вытащат, или узелок уронил кто-то другой. Скорее второе, чем первое, не правда ли?

— Я-то здесь при чем? — купец уже совершенно пришел в себя и был абсолютно спокоен.

— Сейчас и до вас дойдем, потерпите. Итак, узелок обронил в яму некто, нам пока неизвестный. Но вот обронил или выбросил? Помойная яма в том доме, как и всякая такая яма, не посеред двора стоит, а в углу. Чтобы туда чего-то уронить, к ней нарочно надо идти. Из этого мы имеем второй вывод: лиходей случайно туда ничего не ронял, он узелок с колечками да сережками специально туда бросил. Третий вывод — утащил он эту бижутерию не из корысти, а для отвода глаз, чтобы убийство, совершенное по иным мотивам, представить убийством ради ограбления. Ну и четвертый вывод — убили вы!

Александр Федорович усмехнулся:

— Угостите папироской.

— Пожалуйте, — Алексеев раскрыл портсигар.

— Благодарю, — купец закурил. — Если до третьего вывода в ваших словах была хотя бы капля логики, то к четвертому она исчезла напрочь. Какая связь между вашими выводами и мной? Зачем мне убивать свою жену? Зачем мне грабить свою квартиру? И как я мог это сделать, коли меня не было в Петербурге?

— А где ж вы были? — удивленно спросил Алексеев.

— Я же вам и следователю давеча говорил — в Выборг я ездил. Это и в протоколе указано!

— Слыхали? — обратился Алексеев к сыскным надзирателям, городовым и понятым — дворнику с подручным. — Все слыхали?

Присутствующие дружно закивали. Чиновник довольно улыбнулся:

— Вот вы себе приговор и подписали. Из-за метели движение по финляндской линии два дня было закрыто. Только не говорите мне, Александр Федорович, что вы извозчика до Выборга брали, в это вообще никто не поверит.

Купец про извозчика ничего не сказал, он молчал.

Алексеев затушил окурок в пепельнице.

— Кроме того, вы в прошлом на бойне работали, с ножом обращаться умеете. Ну и последний

аргумент — платок, в коем украшения были завязаны. Во-первых, он ваш, во всяком случае на нем ваши инициалы, я думаю, прачка и горничная платок опознают. Ну а во-вторых, — чиновник достал из кармана платок, — видите? В углу платка имеется прекрасный оттиск пальца. Я думаю, что этот след оставлен вами. Вам известна такая наука — дактилоскопия?

Купец помотал головой.

— Научно доказано, что у каждого человека свои, неповторимые отпечатки пальцев и нет в свете двух людей с одинаковыми отпечатками. Не доводилось читать в «Журнале министерства юстиции»? Нет? Эта наука широко применяется за границей для установления преступников, а с этого года и у нас, тюремное ведомство в прошлом декабре издало соответствующий циркуляр. Ну-с, будем сознаваться?

Купец истово закивал головой.

— Все старо как мир. Муж узнал об измене жены, устроил скандал и зарезал. Чтобы имитировать ограбление, забрал ее драгоценности, которые выкинул в выгребную яму в соседнем доме. Переночевал на постоялом дворе, вернулся и разыграл безутешного вдовца. Сказал, что был в Выборге, потому что у него там друг детства,

который подтвердил бы инобытие Баймакова под любой присягой. Если бы не метель да не находка кухарки титулярного советника Табаричева, все бы у него сложилось. Ну ничего, теперь не отвертится — при свидетелях все рассказал, да еще показал, как женушку резал. А вы молодец, Тараканов! — Алексеев открыл портсигар. — Послушайте, нет ли у вас папироски? Мои все вышли.

— Есть, ваше высокоблагородие, только будете ли вы мои? У меня простенькие, пять копеек за два десятка.

— А я такие и курю!

Сыщики закурили.

— Вы, голубчик, не переживайте, в рапорте я про ваше участие в этом раскрытии всю правду напишу. Глядишь, получим чего-нибудь вкусненького к Новому году.

— Да мне уже Филиппов обещал за другое дело… Скажите, а вы про эту науку, дак… дык… ну, которая про оттиски пальцев, правду говорили или так, на пушку купца брали?

— Ну разумеется, правду! Почитайте «Журнал министерства юстиции» за минувший сентябрь, там великолепная статейка есть. Да и Трегубов наш известный недавно про это печатал, вот

только где, не упомню. Только вот применяет их пока одно лишь Тюремное ведомство для регистрации преступного элемента вместо антропометрии. В суде, к сожалению, это не пройдет.

В это время со стороны собора Андрея Первозванного донесся перезвон колоколов, который немедленно подхватили другие церкви.

— Батюшки! — воскликнул чиновник. — К поздней всенощной звонят, одиннадцать! Ох и попадет мне от супруги! Тараканов, а ну, найдите мне извозчика!

Осип Григорьевич вошел в прихожую без пяти двенадцать и посмотрел на дверь своей комнаты — щель между дверным полотном и полом была темна. Из кухни вышла прислуга:

— Вернулись? Ой не дает вам начальство отдохнуть, никак не дает! А я все исполнила: гуся изжарила, окорок сварила, елку нарядила. И это, Осип Григорьевич, находка у меня!

— Какая находка? — спросил Тараканов без всякого интереса.

— Я, когда гуся потрошила, знаете, что у него в зобу обнаружила?

— Кольцо с бриллиантами? — сыскному надзирателю сделалось плохо.

— Шутить изволите, хорошо бы, да такое только

в сказках бывает. Я у него вот что нашла, — кухарка достала из кармана фартука гривенник, — раз гусь ваш, то и денежка ваша.

— Оставь себе, Дарья, на Рождество.

— Вот спасибо так спасибо! Ой, чего же это мы все разговариваем? Вас же барышня дожидается! — Кухарка посмотрела на комнату Тараканова. — Ой! Свет не горит, видать, уснула, умаявшись. Мы же с ней вместе гуся жарили, а елку она вообще, можно сказать, одна наряжала.

Осип Григорьевич улыбнулся, зажал в кулаке коробку с колечком и направился в комнату.

Валерий Введенский
«Котолизатор»

— Папа, папочка, я песенку придумал к Рождеству. Хочешь, спою? — спросил после завтрака Никитушка.

Начальник сыскной полиции Крутилин, отложив в сторону газету, улыбнулся:

— Конечно.

Никитушка забрался на табурет и жалостливо затянул тоненьким голоском:

— Еще чего! — возмутилась Прасковья Матвеевна, жена Ивана Дмитриевича. — Даже не мечтай о таком подарке. Только через мой труп.

У Никитушки навернулись слезы, он спрыгнул с табуретки и выбежал из столовой.

— Как же не стыдно, — накинулся на жену Крутилин. — Ребенок порадовать нас хотел, песенку сочинил.

— На Рождество положено Господа славить, а не зверье безмозглое.

Прасковья Матвеевна происходила из купцов, по этой причине мировоззрение ее было дремучим. Обычно Иван Дмитриевич старался с ней не

спорить. Но сейчас из-за сына полез на абордаж. Что плохого в том, что малыш хочет кошечку? Наоборот, значит, сердце его добротой наполнено.

— А почему в Рождество и зверью почести не отдать? Господь-то наш где родился? В хлеву, среди коз и ослов, — напомнил жене Крутилин.

— Но кошек там не было. Потому что кошки — дьявольское отродье.

— Придется подарить осла, — пошутил Крутилин.

Супруга наградила его взглядом, исполненным ненависти, и вышла вон.

Иван Дмитриевич снова взялся за газету, но слова от возмущения прыгали и смысл ускользал. Потом вдруг спохватился, что на службу опаздывает. Подскочив к зеркалу, он наспех расчесал бакенбарды и выбежал в прихо-жую.

Там, спрятавшись за шубами, его дожидался Никитушка:

— Папенька, папенька, а когда маменька уйдет, мы кошку заведем?

— Куда уйдет? Что ты говоришь?

— Что слышал. Вчера она весь день Серафиме Борисовне плакалась: «Уйду я от него, Симушка, уйду. Сил больше нет измены терпеть».

Иван Дмитриевич верность супруге не хранил,

но считал, что она о том не догадывается. А вот оно как оказывается!

— Так заведем или нет? — повторил вопрос Никитушка.

Крутилин вздохнул:

— Посмотрим.

Агенты уже разбежались — когда Крутилин задерживался, задания им вместо него раздавал чиновник для поручений Арсений Иванович Яблочков. Выслушав его доклад, Иван Дмитриевич испил чаю и приступил к приему посетителей. Их каждый день приходило немало, и каждый со своей бедой. Всех надо было выслушать и по возможности помочь.

За окном уже темнело, когда в кабинет вошел последний, почтенного вида старичок. Уставший Иван Дмитриевич слушал его вполуха.

— …с чертями водится.

— Кто? — чуть не подскочил очнувшийся от упоминания нечистой Крутилин.

— Как кто? Сосед мой, кассир Венцель.

— С кем он водится? — переспросил начальник сыскной.

Вдруг послышалось?

— С чертями.

Ивану Дмитриевичу очень хотелось гаркнуть:

«Пшел вон!» Как же надоели ему сумасшедшие! Что весной, что осенью дня без них не проходит. Вроде и зима давно, а все идут и идут.

Однако свой порыв начальник сыскной сдержал: орать на сумасшедших себе дороже — могут и пресс-папье запустить в голову. А могут крепко обидеться и закидать кляузами начальство. Кинув взгляд в листок, на котором черкнул имя-отчество посетителя, уважительно спросил:

— Надеюсь, Петр Петрович, вы понимаете, сколь серьезны подобные обвинения?

— Понимаю. Потому в сыскную и явился. Наружной-то полиции с чертями не совладать. Только на вас надежда.

— Благодарю за доверие. Но сперва давайте-ка уточним факты. Раз утверждаете, что сосед якшается с чертями, значит, видели их. Когда, где?

Петр Петрович испуганно перекрестился:

— Что вы? Бог миловал.

— Неужто сам сосед в этаком знакомстве признался? — попробовал зайти с другого бока Крутилин.

Если окажется прав, значит, не посетитель, а сосед его умом тронулся. Или пошутил неудачно.

— Держи карман шире. Как же, признается он, сарделька немецкая. Учуял я их, — признался

старик и дотронулся скрюченным пальцем до переносицы. — Собственным носом учуял.

Значит, не сосед, а сам Петр Петрович с катушек съехал. Теперь надобно понять: буйный он или тихий?

Старик о размышлениях Крутилина не подозревал и продолжал доверительно рассказывать:

— В первый раз учуял я чертовщину с месяц назад, в предпразднество Введения во храм Пресвятой Богородицы[10]. Пришел тогда с вечерней службы, в коридоре столкнулся с Венцелем. И чуть не задохнулся от ужасной вони, которую тот источал…

Иван Дмитриевич открыл табель-календарь:

— В субботу дело было?

— Да. И в другие разы тоже. От Венцеля исключительно по субботам чертями воняет.

Крутилин, кажется, понял причину этому явлению и от радости даже хлопнул себя по лбу:

— Помилуйте, Петр Петрович. От кого же по субботам чертями не несет? Каюсь, даже от меня. Грех это перед выходным не выпить. Небось и сами закладываете? — Начальник сыскной указал на трясущиеся руки посетителя.

---

[10] Примечания: 10

Отмечается 20 ноября, в 1871 году пришлось на субботу.

Старик вскочил:

— Да как смеете? Я сорок лет в экспедиции ценных бумаг… без единого замечания… Его высокопревосходительство самолично прослезились на прощание. Вообще в рот не беру, печень не дозволяет. А что до рук… Доживете до моих лет…

Еще и не пьет. Точно сумасшедший. Но, увы, тихий. Был бы буйным, схватил бы за лацканы или укусил. А значит, не судьба сдать Петра Петровича в лечебницу для душевнобольных. Там и для буйных коек не хватает.

— Простите. Обидеть не хотел, — примирительно сказал Крутилин. — Но поймите, Петр Петрович, запах перегара, пусть и неприятен, преступлением не является…

— При чем тут перегар? От Венцеля не перегаром, паленой шерстью разит.

— Паленой шерстью? — удивился Крутилин.

— Поняли, наконец?

— Не совсем…

— Черти чем покрыты? Шерстью. А в аду чем заняты?

Крутилин пожал плечами.

— Грешников они жарят, — объяснил ему Петр Петрович. — Потому то и дело подпаливаются. От того и запах.

— Хорошо, допустим. А Венцель тут при чем?

— Как известно, Создатель наш по субботам отдыхает.

Крутилин согласно кивнул, Прасковья Матвеевна не раз про то говорила.

— Потому по субботам за нечистью пригляд отсутствует. Пользуясь случаем, черти спускаются на землю, чтобы задания приспешникам раздать. Немцы первые из них.

— Почему так считаете?

— Вы в кирху хоть раз заходили?

— Было дело.

— Заметили, что там нет икон? Даже лик Господний отсутствует. Почему, спрашивается? Потому что Сатане немцы поклоняются.

Тех же взглядов придерживалась и Прасковья Матвеевна. Однако душевнобольной она не была, просто ее так воспитали, в ненависти к иноверцам. А вдруг и Петр Петрович из того же теста калач? Потому и ищет повод придраться к соседу-немцу. Кто его знает, почему он пахнет горелой шерстью по субботам? Может, по делам службы скотопригонный двор посещает или кожевенный завод?

— А ваша квартирохозяйка? Она тоже запашок ощущает? — уточнил на всякий случай началь-

ник сыскной.

— Нет. Потому что вдова.

— И шо? — не понял его мысль Крутилин.

— Замуж ей невтерпеж. А Венцель — мужчина видный, вот она перед ним и выплясывает. И на запах закрывает глаза. Вернее, затыкает нос.

— А другие жильцы? Прислуга, дворники?

— Других жильцов у нас нет. У кухарки вечно насморк. А дворники все татары, которые, как всем известно, тоже слуги дьявола. Один лишь я на страже веры православной, ибо Люциферу не по зубам, потому что два раза в день в церковь хожу, каждую неделю исповедуюсь и причащаюсь.

— Духовнику своему про Венцеля рассказали?

— А как же. Он-то к вам меня и направил.

— Вот спасибо, — пробормотал в сердцах Иван Дмитриевич.

— Сказал, коль в сыскной не поверят, к обер-полицмейстеру вместе пойдем.

Еще чего не хватало!

Что ж, ради спасения начальства от душевнобольных придется-таки Венцеля обнюхать. Как раз завтра суббота. И если запашок не подтвердится, нанести визит священнику. Чтоб больше в присутственные места полоумных не отправлял, а лечил их сам, добрым словом и молитвой.

Старший агент Фрелих будто подслушивал, зашел, как только Крутилин дернул за сонетку.

— Проводишь Петра Петровича домой?..

— Не надо, сам сюда, сам и обратно, — запротестовал старичок.

— Проводишь Петра Петровича домой, — перекричал его Крутилин. — Хорошенько запомнишь его соседа. Потому что завтра весь день топаешь за ним. Задача — выяснить, почему от него по вечерам пахнет жженой шерстью. Все понятно?

Фрелих гаркнул:

— Так точно, — но сам не спускал с начальника глаз, надеясь, что тот подмигнет. Ведь с первого взгляда ясно, что старичок не в ладах с головой.

Но Крутилин подмигивать не стал, напротив, протянул сбрендившему руку:

— О результатах расследования, Петр Петрович, непременно сообщу.

Старик от счастья попытался руку облобызать, но начальник сыскной не позволил.

В субботу Фрелих появился лишь в восемь вечера:

— Иван Дмитриевич, вы знаете, я в нечистую не верю, — затараторил он с порога. — Вернее, не верил. Но теперь… Спаси Господи мою душу…

— Шо случилось? Да ты садись, садись.

Сам Крутилин, наоборот, встал, подошел к несгораемому шкафу, где держал спиртное. Нет, пьяницей он не был, но иногда требовалось успокоить нервы: и себе, и подчиненным, иной раз допрашиваемым. Иван Дмитриевич достал из шкафа начатый полуштоф[11]. В стакан, предназначавшийся подчиненному, налил щедро, себе плеснул на до-нышко.

— Рассказывай.

— Благодарствую. — Фрелих жадно выпил, занюхав воротником. — Согласно вашему поручению, с утра вел кассира от дома на Моховой. Венцель пешком дошел до банка. Внутрь за ним я не рискнул, чтобы не приметил. Ждал его весь день на набережной.

— На набережной? — усомнился Крутилин.

Чай, не лето на дворе, зимушка-зима.

— Ну почти… Там трактир…

— Понятно.

— Нет, такого-сякого… — Фрелих указал на стоявший перед ним стакан, — ни-ни. Только чай.

Даже если и выпил агент рюмку-другую, беда не велика. Но на всякий случай Крутилин погрозил Фрелиху пальцем. Тот продолжил доклад:

---

[11] Примечания: 11
0,6 литра.

— Ровно в пять пополудни Венцель вышел из банка, держа в руках большой бумажный пакет. В такие в лавках овощи кладут. Опять пошел пешком. Я снова за ним. На Пантелеймоновской[12] свернули во дворы. Кассир подошел к одному из дровяных сараев, открыл ключом замок и зашел внутрь. Я огляделся — во дворе никого. Подбежав к сараю, нашел меж досками щель и прильнул.

— И шо увидел?

— Луженую лохань из котельного железа. В нее кассир бросил бумажный пакет, что принес с собой, плеснул на него из бутылки и чиркнул серником[13]. Сарай тут же заполнился дымом, едким-преедким, будто шуба горит. Я не выдержал, отпрянул, чтобы не закашляться. И вовремя, потому что Венцель выскочил наружу.

— Тебя он не приметил?

— Нет. Только он закурил, из сарая раздался кошачий крик. Страшный, истошный, душераздирающий. Кассир ему очень обрадовался, аж разулыбался от счастья, видимо, предсмертные вопли ему слаще всякой музыки.

— Предсмертные? Думаешь, он кошку сжег?

---

[12] Примечания: 12
Ныне улица Пестеля.

[13] Примечания: 13
Спичка.

— Не думаю, уверен. Потому что запах жженой шерсти и этот крик…

— А где он кошку взял? В какой момент? Ты ведь не упускал его из виду…

— Как где? С собой принес, в пакете.

— В пакете? Он что, шевелился по дороге? Ты не говорил.

Фрелих задумался. Потом решительно заявил:

— Нет. Точно нет. Не шевелился. Я бы заметил.

— Но кошка не кукла. Она бы пакет в клочья изодрала.

Фрелих снова задумался:

— Понял. Венцель ей снотворного дал.

— Кошке? — с ехидством уточнил Крути-лин.

— Значит, хлороформом усыпил. Помните кота княгини Тарусовой[14]…

— Помню, — пробурчал Иван Дмитриевич. — Дальше-то что было?

— Самое страшное. Позвольте, еще налью. Чес-слово, страшно вспоминать.

Крутилин плеснул агенту сам. Немного, чтобы не развезло.

— Когда животное замолкло навсегда, кассир обратно в сарай зашел. И тут я услышал дьяво-

---

[14] Примечания: 14

См. роман В. Введенского «Мертвый час».

ла…

— Кого?

— Голос его на змеиный похож. Так же шипит, только громко, очень громко, слышно на весь квартал.

— И что дьявол говорил?

— Я от страху не разобрал. Стоял, не в силах пошевелиться, будто гвоздями меня к земле прибило. Счет времени сразу потерял, казалось, что я туточки уже день, а может, всю неделю стою. Очнулся, только когда кассир из сарая вышел. На физии его читалось, как он доволен собой. Я проводил его до парадной, потом вернулся на Пантелеймоновскую, отыскал старшего дворника, показал удостоверение и опросил. Выяснил, что Венцель арендует сарай с середины ноября.

— Для каких целей?

— Для научных опытов.

— Значит, так… Завтра снова топаешь за Венцелем…

— Нет, Иван Дмитриевич, нет.

— Что значит нет? Это приказ.

— Умоляю, отпустите ради Христа. Брата перед концом света хочу повидать. Помните, о нем рассказывал? В Екатеринбурге служит в золотосплавильной лаборатории. Двадцать лет не

виделись. Дозвольте обнять напоследок…

— Какой такой конец света? С ума, что ли, сошел?

— Наоборот — прозрел. И вас заклинаю прозреть. Я ведь и сам вчера счел Петра Петровича душевнобольным, хихикал над ним, когда домой провожал и слушал его рассказ. А сегодня убедился: прав он, прав. В одном только Петр Петрович ошибся: Венцель не с чертями, с самим Сатаной знается. А кошек сжигает, чтобы знак Сатане подать. Мол, прибыл на место, готов к злодеяниям. Умоляю вас, отпустите к брату. И сами тоже хватайте семью в охапку и бегите куда глаза глядят.

— Думаешь, конец света в одном Петербурге случится? Думаешь, до Урала твоего Сатана не доберется? Да как тебе не стыдно слюни-то распускать. Сколько раз спасала нас вера православная? Спасет и ныне. А мы, полицейские, прятаться в трудный час прав не имеем. Если и погибнем, то за святое дело.

Мудрые слова начальника и приободрили, и пристыдили Фрелиха:

— Вы не так меня поняли, Иван Дмитриевич. Я не дезертир. Просто по брату соскучился.

— Как Сатану обезвредим, сразу к нему и поедешь. Обещаю. А пока не спускай с Венцеля

глаз. Вдруг не только по субботам он нечистую вызывает? Как увидишь, что вышел из банка с бумажным пакетом, отправь ко мне городового с известием, а сам следуй за ним.

Версию Фрелиха Иван Дмитриевич расценил как глупое суеверие. Но вопрос — зачем Венцель сжигает кошек? — его не отпускал. Что еще за опыты такие живодерские? Потому в воскресенье Крутилин пошел к князю Тарусову посоветоваться. Дмитрий Данилович — человек умный, образованный и, что самое для этого дела важное, к вере и суеверьям относится скептически. Вдруг версию какую подскажет правдоподобную?

Князь принял начальника сыскной радушно, а выслушав, прочел краткую лекцию:

— Ослы упомянуты в Библии сотню раз, собаки — восемнадцать, а вот кошка — ни разу. Почему? Ответ ранних христиан был прост — раз кошкам не нашлось места в священной книге, значит, они служат дьяволу и их следует уничтожить. В наш просвещенный девятнадцатый век подобная логика кажется абсурдной. Мало ли о чем не говорится в Библии? Например, из всех существующих в природе металлов в ней упомянуты лишь шесть: золото, серебро, медь, железо, олово и свинец. Означает ли это, что латунь, к примеру,

тоже служит дьяволу? И что ее надо уничтожить заодно с кошками? Только вот как? Металл уничтожить невозможно. Зато кошек… Полтора тысячелетия по всей Европе их сжигали, топили, забрасывали камнями, шпарили кипятком, сбрасывали с колоколен. Каждый добропорядочный человек, встретив по дороге кошку, обязан был ее убить. Сие истребление несчастных, ни в чем не повинных животных закончилось для человечества весьма печально. Эпидемии чумы, раз за разом накатывавшие на континент и унесшие в могилу миллионы людей, случались как раз из-за нехватки кошек — некому было противостоять крысам, которые переносят эту заразу.

— Погодите, Дмитрий Данилович, — перебил князя Крутилин. — Правильно ли я вас понял? Кошек убивали, чтобы дьявола изгнать? Не наоборот?

— Вы про версию вашего агента? — уточнил Тарусов, поглаживая любимца, рыжего кота Обормота. — Простите, но это чушь.

— Может, выдвинете свою?

— Охотно. Даже две. Согласно первой, Венцель такой же шибко верующий, как и достопочтенный Петр Петрович. И хотя избиения кошек давно канули в Лету, отдельные фанатики по-

прежнему их продолжают. Венцель — один из них.

— А по второй?

— Венцель проводит опыты по сожжению тел. Слыхали про кремацию? Дело в том, что народонаселение на планете увеличивается с каждым годом и в крупных городах давно уже все кладбища переполнены. И близится тот день, когда земель для новых уже не останется. Тогда, по примеру индусов, нам придется трупы сжигать. Некоторые ученые даже приступили к опытам — ведь надо подобрать оптимальную температуру. Возможно, Венцель — энтузиаст кремации и проводит опыты на животных.

— Но почему на живых? Неужели дохлых ему не хватает? — возмутился Крутилин.

— У него и спросите.

— Обязательно. Только сперва поймаю с поличным.

В воскресенье Венцель квартиру не покидал, с понедельника по четверг перемещался туда-сюда подобно конке: утром в банк, вечером обратно; пакетов со службы не выносил, сарай на Пантелеймоновской не посещал.

Агент Фрелих был уверен, что и в пятницу кассир отправится домой — ведь свои ритуалы

приспешники Сатаны совершают по субботам, когда Создатель спит. Однако ровно в пять вечера Венцель вышел из банка с пакетом под мышкой. Следуя полученным указаниям, Фрелих бросился к городовому:

— Дуй в сыскное к Ивану Дмитриевичу, скажи, кассир снова с пакетом.

А сам, перекрестившись, отправился за ним.

Крутилин уже домой собирался — выспаться хотел перед всенощной, да, видно, была не судьба. Выслушав запыхавшегося городового, тоже удивился:

— Так ведь пятница.

И только в санях, летя по Миллионной, сообразил, что завтра неприсутственный день[15]. И сделал важный вывод: посещение Венцелем сарая связано с окончанием рабочей недели.

Но почему?

Фрелиха Иван Дмитриевич нагнал у Летнего сада, тот пальцем указал на шедшего впереди кассира. Крутилин приказал извозчику их обогнать, вылез из саней и пошел навстречу, чтобы внимательно Венцеля разглядеть. Возраст — около сорока, худой, сутулый, цвет волос из-за шапки

---

[15] Примечания: 15
Выходной.

не разобрать, шинель «горохового» цвета, в руках бумажный пакет. Признаков, что внутри его кот или кошка, не заметил.

Поравнявшись с Фрелихом, Иван Дмитриевич развернулся и пошел рядом с ним. Не доходя до Моховой, кассир свернул во дворы, сыщики последовали за ним. Когда Венцель остановился у сарая, Иван Дмитриевич сделал агенту знак, мол, прячемся. Кассир открыл замок, вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

Как и в предыдущую субботу, через минуту из сарая повалил едкий дым, за ним раздался кошачий крик, Венцель тут же вышел и закурил.

— Пошли, — толкнул Крутилин старшего агента.

— Нет, Иван Дмитриевич, — взмолился тот, — жить хочу.

— Да ты шо? Всегда первым под пули лез.

— То под пули. А здесь Сатана. Вдруг в козла превратит?

— Да ну тебя.

Крутилин, достав револьвер, двинулся к сараю, который, как в Крыму, весь был в дыму.

— Сыскная полиция. Руки вверх, — скомандо-вал он.

Опрос пришлось проводить в трактире на Га-

гаринской — у Фрелиха то ли из-за страха, то ли из-за того, что весь день проторчал на морозе, зуб на зуб не попадал.

— Ну-с, ждем от вас объяснений: где кошку взяли, чем усыпили и, наконец, зачем сожгли? — взял быка за рога Крутилин.

Венцель захлопал глазами:

— Вы о чем?

Фрелих в ответ расстегнул воротник, вытащил нательный крестик и вытянул его в сторону кассира:

— Не юли! Говори, зачем тебе Сатана понадобился?

— Вы точно из сыскной? — спросил Венцель, оглядываясь по сторонам, не придет ли кто на помощь? Ведь явно сумасшедшие. И оба с револьверами.

— Из сыскной, — заверил его Иван Дмитриевич. — Надворный советник Крутилин.

— Слышал о вас.

— Ну-с, повторяю вопрос, зачем сожгли кошку?

— Я этого не делал.

— А как же крик? Мы его слышали.

— И не раз, — поддакнул начальству Фрелих. — В прошлую субботу уж так орала…

— А-а! Понял! Вы про Котолизатора.

— Кото… кото чего?

— Я так прозвал котенка, что поселился в моем сарае. Игра слов. Катализаторами называют вещества, которые ускоряют химические процессы. Дело в том, что котенок всегда вопит во время моих опытов, вот я и решил, в шутку, конечно, что эти крики их уско-ряют.

— Что за опыты? — строго уточнил Крутилин.

— По долгу службы я учитываю и обмениваю на рубли золотые монеты, — стал рассказывать Венцель. — Сами понимаете, среди них попадаются фальшивые, я обязан их выявить. В начале ноября клиент принес в банк два австрийских дуката чеканки 1852 года с портретами Франца-Иосифа Первого. Как и полагается, первым делом я их взвесил. И что вы думаете? Один из них оказался легче другого. Всего на чуть-чуть, на половину аптекарского грана[16]. Неужели фальшивый? Я осмотрел монеты в восьмикратную лупу, однако портреты на аверсах, гербы на реверсах и гурты[17] были абсолютно одинаковы. Однако отличия все же имелись: «тяжелый» дукат блестел, будто отчеканен вчера, «легкий»

---

[16] Примечания: 16
32 мг.

[17] Примечания: 17
Ребра.

же был тусклым. Как думаете, какой я сделал вывод?

— Вопросы здесь задаю я, — напомнил Крутилин.

— Простите. Привычка. Раньше в реальном училище химию преподавал. Потому и смог разобраться в данном казусе, с разницей в весе. Надеюсь, понятно, что «тяжелая» монета хранилась в чулке или в банке?

Крутилин с Фрелихом кивнули.

— «Легкая» же ходила по рукам, испытав за девятнадцать лет жизни множество трений. Как вы уже знаете, все предметы сотканы из мельчайших частиц, именуемых атомами. Их не различить в микроскоп, вес их настолько ничтожен, что ни один самый совершенный прибор пока не в силах его определить. При каждом трении предметов, ну, например, когда вы кладете монету в карман или достаете ее оттуда, один или даже несколько атомов неизбежно «отрываются» от нее. И за девятнадцать лет от «легкого» дуката их «оторвалось» столько, что я сумел определить их суммарный вес. Конечно же, оба дуката я признал подлинными и обменял их на рубли. Однако меня стала мучить мысль — ведь об мою конторку каждый день трутся сотни, иногда тысячи

золотых монет. Но оторвавшиеся от них атомы по вечерам безжалостно сметает уборщица. А что, если застелить конторку шерстяной тканью? В ее ворсинках атомы неизбежно застрянут. Сказано — сделано. Теперь каждый понедельник я приношу на службу кусок шерстяной ткани и стелю его на конторку. В субботу его забираю, якобы постирать. На самом деле прихожу в сарай, кладу его в лоханку, обливаю керосином и поджигаю. Под воздействием высокой температуры атомы золота «слипаются» в кристалл. Но как его найти среди груды пепла?

Венцель обвел вопросительным взглядом обоих сыщиков. Спохватился, что не на уроке, и продолжил:

— Получившийся пепел я аккуратно переношу в стеклянный кувшин, в который наливаю концентрированную серную кислоту. В результате реакции с продуктами горения образуется газ, ну как при добавлении уксуса в соду.

— Так вот откуда шипение, — догадался Фрелих.

— Полученный после добавления кислоты раствор я фильтрую сквозь промокательную бумагу. И всегда нахожу на ней крупинку золота.

— А шо, золото в серной кислоте не растворяет-

ся? — удивился Крутилин.

Венцель строго на него посмотрел и сурово вынес вердикт:

— Двойка. Тьфу! — тут же поправился он. — Извините, привычка, никак не могу избавиться. Нет, господин надворный советник, золото в обычных кислотах не растворяется, только в «царской» водке.

Крутилин нехорошо прищурился. Неужели его разыгрывают? Ну держись, сосиска немецкая, теперь я тебе спуску не дам!

— В водке, говоришь? — Иван Дмитриевич схватил графин, который заказал Фрелиху для сугреву, налил из него в рюмку и, сняв с пальца обручальное кольцо, бросил в водку. — Чего ж не растворяется?

Фрелих деликатно кашлянул:

— Иван Дмитриевич, простите. «Царская» водка — это вам не столовое вино[18], а смесь соляной и азотной кислот.

Венцель одобрительно кивнул. А Крутилин покраснел. Мало ему, что учителишка поганый в невежестве его уличил, так теперь и собственный подчиненный туда же.

---

[18] Примечания: 18
Так тогда называлась водка.

— А ты откуда знаешь? — накинулся он на Фрелиха.

— Так брат по химической части. Я же говорил…

— Надеюсь, мои объяснения исчерпывающи? Я могу быть свободен? — спросил, поднимаясь, Венцель.

— Это уж как суд решит, — огорошил его Иван Дмитриевич.

— Какой суд? За что? — Кассир схватился за сердце и опустился обратно на табурет. — Я ничего не сделал.

— Тайное добывание золота, — объяснил Крутилин. — Глава восьмая, статья 629-я. Каторга или поселение в Сибирь.

— Да вы сперва взгляните на результат этого добывания. — Венцель трясущимися руками достал из шинели сложенный носовой платок и развернул его. На ткани, если сильно присмотреться, можно было заметить несколько крохотных песчинок. — Вот итог моих опытов за целый месяц.

Крутилин почесал затылок. И снова прав кассир. В суде, если дело туда дойдет, только лишь посмеются. Над ним, над Крутилиным.

Венцель тем временем продолжал защищаться:

— Сие не добывание, а научный эксперимент, который в будущем принесет большую выгоду государству. Представьте только, сколько золота можно будет собрать в казну, если каждый кассир в каждом банке станет считать золотые монеты не на столе, а на шерстяной ткани? И почему вы решили, что я действую тайно? Нет! Опыты я произвожу с позволения начальства. Правление банка даже выделило финансирование.

— А казначейство извещено? — строгим голосом спросил Крутилин.

Ну не мог он просто так отпустить Венцеля. Столько времени из-за него потерял. Опять же перед всенощной не выспался. А кассир еще и уязвить его умудрился. И не раз!

— А я почем знаю? Я кассир, в казначейство не вхож, спросите у начальства.

— Где проживает?

— На Малой Морской. Однако именно сейчас в отъезде-с. И до окончания Святок не вернется.

Иван Дмитриевич призадумался. Ох, как ему хотелось, чтобы Венцель провел ночку-другую в камере для задержанных. Но посадить его туда на десять дней? То явный перебор. Как ни крути, кассир этакого наказания не заслуживает.

— Хорошо, ступайте, — сказал он со вздохом.

Венцель откланялся.

— Завтра навестишь Петра Петровича, все ему растолкуешь, — выдал задание Фрелиху Крутилин.

— Извините, но придется вам самим, Иван Дмитриевич, — возразил ему старший агент. — Помните, отпуск обещали?

— Помню, — буркнул Крутилин.

— Значится, завтра уезжаю. С Рождеством вас.

— И тебя. Но чтоб к Крещению вернулся. Сам знаешь, самая у нас горячая пора — пока честной народ в проруби окунается, карманники чистят шубы от кошельков. Каждый человек на счету.

Фрелих заверил, что вернется непременно, и ушел.

А Иван Дмитриевич заказал себе водки. В голове вертелась песенка, что Никитушка сочинил:

Кисоньке-кисоньке,
кисоньке-мурысоньке
Тяжко жить зимой
На улице одной.

Он подозвал полового:

— Молочко найдется?

— Для вас, Иван Дмитриевич, даже сало в пост.

— Сало тоже тащи.

Взяв узелок со снедью, Крутилин отправился

обратно на Пантелеймоновскую. Сарай в темноте отыскал не сразу.

— Кис-кис-кис, — позвал он. — Кис-кис-кис.

В темноте сверкнули медовым цветом два глаза.

Иван Дмитриевич разложил на снегу еду, налил в прихваченное из трактира блюдце молочка. Глаза внимательно за ним наблюдали, но их обладатель подойти не решался. Иван Дмитриевич попятился назад:

— Ну же, не бойся.

И увидел маленького черного котенка, дрожавшего от холода. Убедившись, что Крутилин отошел на безопасное расстояние, тот подбежал и жадно начал есть. Дав ему насытиться, Иван Дмитриевич подошел, взял на руки и понес домой.

Открыла ему Прасковья Матвеевна:

— Так я и знала, что блохастого притащишь, — сказала она, перегораживая путь в квартиру.

— Дай-ка пройти, — попытался оттеснить ее Иван Дмитриевич.

— Лучше уходи. Совсем. Навсегда. Долго я терпела. Но то, — Прасковья Матвеевна указала на котенка, — последняя капля.

— Никитушка просил…

— Хочешь, чтобы я этому коту брюхо вспорола на его глазах? Уходи, Иван Дмитриевич. А если развода желаешь, я только за.

Прасковья Матвеевна захлопнула дверь. Крутилин уселся на ступеньки. По его лицу потекли слезы. Котенок стал их слизывать.

— А ты и впрямь Котолизатор. И слезы лижешь, и процессы ускоряешь. Сколько лет тянулось, все решиться не мог, а пришел с тобой — и все разрешилось. Никитушку только жалко. Буду надеяться, что поймет, когда вырастет. Ну шо? Поехали к Ангелине?

Через пару месяцев правление банка, заслушав доклад кассира Венцеля о произведенных им химических опытах и сравнив расходы с возможными доходами, велело эксперимент прекратить.

— Овчинка выделки не стоит, — так объяснили решение Венцелю.

А Фрелих на Крещение не вернулся. Вместо этого прислал телеграмму, что более служить в сыскной не намерен. Иван Дмитриевич, конечно, расстроился, но что поделать? Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше.

В конце лета ограбили лейб-дантиста Рохворга.

Среди прочего украли десять лотов[19] золота.

— Зачем вам так много? — спросил у него Крутилин.

— Так по дешевке, — пояснил Рохворг и почему-то подмигнул.

Иван Дмитриевич расценил фамильярность по-своему и строго спросил:

— Шо? И ворованным не брезгуете? Тоже мне, лейб-дантист.

— Откуда мне знать, что ваш помощник торгует краденым? — делано пожал плечами Рохворг.

— Что? — схватился за сонетку Крутилин.

Но чиновник по поручениям Арсений Иванович Яблочков оказался ни при чем. Выяснилось, что золото дантисту продал Фрелих. В адресном столе Крутилин выяснил, что тот обитает в престижных меблирашках на углу Невского и Садовой.

Фрелих за полгода преобразился — благоухал дорогим одеколоном, одет был в костюм с иголочки, в руках трость с серебряным набалдашником:

— А, Иван Дмитриевич! Какими судьбами? Честно признаться, сам к вам собирался. Ко-

---

[19] Примечания: 19
Примерно 128 граммов.

ньячку?

— Ты шо, наследство получил?

— Можно сказать и так.

— А хочешь, обыск учиню?

— С какой такой стати? — удивился Фрелих.

— Говорят, золотишком торгуешь…

Бывший агент улыбнулся:

— Есть такой грех.

— Где взял? Краденное с приисков скупаешь? Так вот зачем на Урал подался…

— Сядьте, Иван Дмитриевич. Сядьте и выслушайте. Помните Венцеля? Последнее наше дело? Всю дорогу в Екатеринбург не давало оно мне покоя. Это что ж получается? Золото вокруг нас летает, а мы его даже не замечаем. Приехал я к брату. Погостил как положено, с племянниками поиграл. Стал назад собираться. Говорю: «Приезжай-ка, брат, на белые ночи». А он в ответ: «В этом году не смогу. Начальство задумало крышу менять над лабораторией. Больно уж старая, с самого основания лежит». Тут меня и осенило. При плавлении золото нагревается и, стало быть, атомы, о которых нам Венцель толковал, отрываются, смешиваются с дымом и уносятся в трубу. А затем оседают на крыше. Я поделился идейкой с братом. Он тут же взобрался на крышу,

счистил снег и соскоблил с кровельного железа краску. Немного, всего золотник[20]. Этот кусочек мы сожгли, потом растворили в серной кислоте, отфильтровали и сколько, думаете, обнаружили золота? Ползолотника, не меньше. Брат договорился с начальством, что старые стропила ему продадут на дрова. Вместе с ними отдали и железо. Конечно, пришлось потратиться на кислоту, но то копейки по сравнению с суммой, что выручили от продажи золота, хотя и продавали за полцены. Потом я сбил артель и перекрыл крыши всех зданий вокруг лаборатории — их хозяевам ремонт обошелся чуть ли не задарма, потому никто не отказывался…

— Незаконная добыча золота…

— Иван Дмитриевич, да поймите, я ведь его не крал. Это железо выкинули бы на по-мойку.

— Не знаю, как и поступить…

— Зато я знаю. В следующем году собираюсь с артелью в Барнаул. Золотосплавильная лаборатория там основана еще раньше екатеринбургской. В долю хотите?

---

[20] Примечания: 20
4,26 грамма.

Валерий Введенский
Похитители «Рождества»

В сочельник сыскное опустело раньше обычного: доложив скороговоркой Крутилину о ходе порученных дел, классные чины, надзиратели и агенты поспешили домой, чтобы успеть вздремнуть перед Всенощной. В отделении оставался лишь Иван Дмитриевич, хотя и ему следовало бы поспешить. Ведь сегодняшний день был для них с Ангелиной особенным — ровно год назад он решил разойтись с Прасковьей Матвеевной.

— Слава богу, — пробурчала опостылевшая супруга, когда сообщил ей об этом, — наконец-то. А то я чуть грех на душу не взяла. Уже и кислоту купила.

— Кислоту? — опешил Крутилин. — Какую кислоту?

— Серную. Чтобы Геле твоей в морду плеснуть. Всю жизнь она мне испортила.

— То не она. Я во всем виноват.

— Тебе тоже бы плеснула, да только Никитушка не простит. Любит он тебя, окаянного.

— Откуда ты вообще про Гелю знаешь? — спро-

сил Иван Дмитриевич, искренне считавший, что очень ловко скрывает свою связь на стороне.

— Думаешь, один ты на свете сыщик? То духами от тебя разит, то пудра на сюртуке… А проследить, куда со службы заместо дома заворачиваешь, считаешь, сложно? Ну, да ладно, дело прошлое. Раз бросить решил, слушай условия…

— Какие условия? Разъедемся, и с концами. Естественно, буду помогать…

— Конечно, будешь! Зимой квартиру оплачивать, летом — дачу. И тысячу рубликов в год на одежу и прожитье…

— Прасковья, это слишком…

— Я тебя не прогоняю. Не нравятся условия — оставайся. Но запомни, еще раз к Гельке сбегаешь — оболью ее кислотой.

— Семьсот.

— Тыща, Иван, и ни копейкой меньше.

— Тогда с дачей и квартирой. Где я столько денег наберу? У меня вместе со столовыми всего две тысячи двести в год.

— Неправда. Тебе еще шестьсот на разъезды положены.

— Так я на них и разъезжаю.

— А ты пешком ходи. Говорят, для здоровья полезно.

— Ладно! Согласен на тыщу.

— Погоди, не дослушал, я еще не все условия огласила.

— Не все? Тебе тыщи мало?

— Приданое верни.

— Наволочки с перинами тут, в этой квартире. Неужели думаешь, к Геле их заберу?

— С тебя станется. Но я не про наволочки. Покойный батюшка десять тысяч за меня дал.

— Прасковья, послушай, ты же совершенно не умеешь обращаться с деньгами. Клянусь, все до копейки отдам Никитушке, когда вырастет.

— Клялась ворона дерьма не клевать… Ты, кажется, обратил их в билеты государственного займа?

— Так и есть.

— Вот и отлично. Купоны стричь не хуже тебя умею.

— Тогда скости ежегодное содержание. Ну как я без купонов тысячу в год наскребу?

— Думаешь, про твои безгрешные доходы не знаю? Я и про грешные осведомлена…

— Хорошо, завтра привезу облигации.

— На развод сам подашь?

— На какой развод? Совсем с ума сошла? Мы просто разъедемся. Так все поступают. Выпишу

тебе отдельный вид…

— Ну уж нет! Сам знаешь, о монашестве мечтаю. И как только Никитушку поставлю на ноги, приму постриг. Но ежели замужней останусь, в монастырь не возьмут. Так что, Иван, развод и никак иначе.

— Ты хоть понимаешь, чего требуешь?

— Отлично понимаю. Чтобы ты на духовном суде признался в прелюбодеянии. А Гелька твоя чтоб подтвердила. А то, говорят, собственного признания недостаточно.

— Меня со службы попрут…

— Ты ведь хвастался, что незаменим…

Пришлось докладывать Треплову. Обер-полицмейстер слушал ласково, а потом встал, обнял и расплакался:

— Кто из нас не мечтает об избавлении от этих чертовых уз? Но решились пока лишь вы. Искренне завидую! Ей-богу, завидую.

— А Государь как отнесется?

Треплов перешел на шепот:

— Его Величество даже в худшей ситуации, чем мы с вами. При его положении ни развестись, ни разъехаться. А барышня-то его на сносях. Только тсс! Государственная тайна!

Про многолетний роман императора с юной

княгиней Долгорукой судачили давно, но вот про ее беременность Крутилин еще не слыхал.

— Что вы говорите… — покачал он головой.

— Слава богу, что не я министр двора, — порадовался за себя обер-полицмейстер. — Вот кому не позавидуешь. И с императрицей вынужден ладить, и Долгорукой угождать. Конечно, у наших монархов и раньше случались сердечные привязанности. И бастарды, бывало, рождались. Но чтоб вторая семья… Так что, Иван Дмитриевич, будьте уверены, император будет к вам милостив…

— Раз так, хотелось бы избежать последствий развода. Ангелина моя под венец хочет…

— Увы, dura lex sed lex…[21]

— Простите, ваше высокопревосходительство, греческий позабыл…

— То латынь: закон есть закон. Хоть и суров, ничего не попишешь[22]. Но вы не расстраивайтесь, Иван Дмитриевич. Если хорошенько вдуматься,

---

[21] Примечания: 21

Закон суров, но это закон (*лат.*).

[22] Примечания: 22

Тогдашнее законодательство допускало расторжение брака; а) когда один из супругов приговаривался к лишению всех прав состояния или ссылке в Сибирь; б) при безвестном отсутствии супруга; в) при неспособности одного из супругов к брачному сожитию; г) при доказанном прелюбодеянии. В последнем случае виновник развода лишался права повторного вступления в брак.

в каждой неприятности прячется своя изюминка — когда вы и с Ангелиной захотите разойтись, достаточно будет выставить ее за дверь.

Но покамест Крутилин с Гелей жили душа в душу. И лишь казенное жилье несколько омрачало счастье Ивана Дмитриевича. Поэтому и домой не спешил, хотел насладиться одиночеством.

Согласно штату, квартирные деньги начальнику сыскной полиции не полагались. Жилье ему предоставлялось натурой в том же здании Адмиралтейской части на Большой Морской, 24, где размещалось отделение. Однако здесь же содержались и преступники, которых ловил Иван Дмитриевич. Поэтому шесть лет назад, когда сыскная полиция только создавалась, Прасковья Матвеевна наотрез отказалась тут проживать. А вот Ангелина с радостью согласилась:

— Зато целый день будем вместе.

Вроде и удобно: позавтракал, поднялся по внутренней лесенке и уже в кабинете. А на разъездах какая экономия! Однако, если раньше семья и служба сосуществовали отдельно и дважды в день меж ними был перерыв на дорогу, то теперь у Ивана Дмитриевича они сплелись в единый клубок. Ангелина могла прийти в его кабинет в любое время — просто потому, что

соскучилась или «кухарка приготовила нечто сногсшибательное, тебе надо срочно попробовать, пока не остыло». Подчиненные также могли заявиться к Крутилину и днем, и ночью по любому пустяку. Да и в трактир по дороге домой теперь не заскочишь…

Из-за невозможности уединиться Иван Дмитриевич стал раздражителен и часто срывался то на сожительницу, то на подчиненных. Иногда даже коту попадало, хотя тот точно был невиновен — куда принесли, там и жил. Котолизатор считал сыскное продолжением квартиры и, научившись открывать двери, шастал целыми днями туда-сюда. И не только в кабинет к Крутилину. Мог и у Яблочкова на столе подремать, и к делопроизводителю заглянуть. А уж когда заявлялся на допрос «кота»[23], веселье в сыскном было не унять.

Вот и сейчас Котолизатор (так его, конечно, никто не звал, именовали сокращенно Котом) пробрался в кабинет хозяина и запрыгнул на «Разыскную папку», которую Иван Дмитриевич, наслаждаясь редкими минутами одиночества, лениво разбирал.

---

[23] Примечания: 23

Подручный хипесницы — проститутки, обирающей клиентов.

— Не мешай, — попытался отодвинуть любимца Крутилин.

Кот недоуменно мяукнул: мол, раз я осчастливил тебя посещением, изволь погладить. Иван Дмитриевич со вздохом подчинился, а потом, бережно взяв Котолизатора под брюшко, переложил его на дальний край стола и снова принялся за папку.

Каждую неделю агенты должны были ее просматривать и запоминать описания украденных вещей, чтобы при случае (в ломбарде, у тряпичников, на вещевых толкучках) суметь их опознать. Однако преступлений в городе случалось слишком много. По этой причине папка быстро распухала и агенты начинали роптать: мол, не то что запомнить, пролистнуть не успевают. Поэтому Ивану Дмитриевичу приходилось периодически удалять из нее старые кражи. Так, так… Часы настольные красного дерева с бронзовой фигуркой обнаженной нимфы, украдены перед Масленицей у помощника председателя этнографического отделения Императорского географического общества господина Миллера. Сей ученый муж катался с семьей по Петровскому острову на оленях, а потом зазвал к себе домой

их владельца — самоеда[24], чтобы зарисовать его одежду и внешность для статьи в иллюстрированном журнале. Но пока искал карандаши, дикарь схватил часы и был таков. По горячим следам агенты сыскной задержали с десяток самоедов, но опознать в них преступника ученый муж не смог. Видимо, потому что все они на одно лицо. За одиннадцать месяцев, прошедших с кражи, в ломбардах часы с нимфой так и не появились. Наверно, тикают себе у самоеда в чуме. И их уже не вернешь. Потому их описание полетело в мусорное ведро.

Что у нас дальше? Пять икон в золотых окладах и с большим количеством драгоценных привесов внутри каждой. Украдены полгода назад в церкви Рождества села Булатово Боровичского уезда Новгородской губернии. С какого, интересно, бодуна губернская полиция решила, что грабители прибыли к ним из столицы? И их иконы следует искать питерской сыскной?

«Ну почему? Почему все пытаются свалить с больной своей головы на мою здоровую?» — размышлял Крутилин. «Такое количество драгоценностей, попади оно в Петербург, непременно бы

[24] Примечания: 24

Тогдашнее общее название малочисленных народов Севера — ненцев, энцев, нганасан и т. д.

открылось — на привесы люди жертвуют самое дорогое, самое ценное, оттого сильно приметное. Часто ли встретишь нитку розового жемчуга? Или золотое кольцо с голубым бриллиантом в четыре карата, украшенное гравировкой «Любимой супруге на день ангела»? Нет, пусть губернские сыщики дальше ищут сами. В ведро!»

— Только не сегодня. У нее ведь тоже праздник, — воскликнула Геля.

Оказалось, что тихонько вошла вслед за котом и стояла позади Ивана Дмитриевича, читая вместе с ним бумаги.

— У кого праздник? — не понял Крутилин.

— У украденной иконы «Рождество Христово».

— Хорошо, пускай еще полежит, — усмехнулся Иван Дмитриевич, доставая листок с описанием икон из ведра.

— И у нас с тобой тоже праздник, — напомнила Геля. — Надеюсь, помнишь?

— Как не помнить?

Ангелина обошла кресло, наклонилась к губам. Иван Дмитриевич нежно ее поцеловал. Задрав юбки, любимая уселась ему на колени.

— Что ты делаешь? — испуганно спросил он.

— Что обычно, — игриво ответила Геля, расстегивая Крутилину штаны. — Надеюсь, не против?

Здесь мы еще ни разу…

— Но тут…

— Все давно ушли. А входную дверь с парадной лестницы я заперла. Ванечка, я так тебя люблю.

— А теперь давай наряжать елку, — предложила Ангелина, когда спустились к себе.

— Елку? Но я ее не купил…

— Что? — повернулась Геля и, дурачась, сжала кулачки. — И подарок мне не купил?

— Подарок купил. А про елку не подумал.

— И правильно сделал. Иначе пришлось бы наряжать две. Потому что я сама о ней позаботилась. Дворник с час назад ее принес и установил. Пойдем-ка в гостиную наряжать.

— Но для кого? У нас нет детей.

— А Рождество исключительно для детей? Я тоже хочу праздник. Хлопушек, игрушек, конфетти… Всю неделю до самого Нового года будем зажигать на елке свечи, а потом сидеть и любоваться, вдыхая аромат хвои и смолы.

— Вдвоем?

— Если хочешь, можем чиновников твоих позвать. Накроем стол, устроим праздничный ужин.

— Идея хорошая, надо обдумать.

Первым делом на макушку водрузили рож-

дественскую звезду из золотой бумаги, потом развесили вокруг нее картонных ангелов.

— А «бомбы» куда? — спросила Ангелина, слезая со стремянки.

— Что еще за бомбы? — испугался Иван Дмитриевич.

Прасковья Матвеевна елку наряжала строго лаконично: десяток кукол на разноцветных шерстяных нитках, пяток орешков, парочка бонбоньерок с конфетами.

— Радость должна от молитв проистекать, а не от баловства, — внушала она сыну Никитушке.

Геля же в бумажной лавке купца Чернохвостова накупила все без исключений рождественские украшения: шоколадные «бомбы» с сюрпризами внутри (брошками и колечками), хлопушки с конфетти, дюжину посеребренных грецких орехов, новогодние фигурки из стекла, гипса и фарфора. А в милютинских лавках приобрела огромную корзину с желтовато-зелеными мандаринами и ароматно-румяными крымскими яблоками, которые также решила повесить на елку.

— А крестовину давай обложим «рождественской ватой», — предложила она Крутилину. — Смотри, она обсыпана блестками и будет ис-

криться, словно снег под фонарем.

— Хорошо, — согласился Иван Дмитриевич.

— К Никитушке когда поедешь?

— Завтра.

— И что подаришь?

— Паровоз с заводной пружиной купил, а к нему дюжину вагонов. Хочешь покажу?

— Потом. А что Прасковье Матвеевне?

— Ничего. Хватит с нее. Тысячу в год ей отдаю.

— Не ей. Вашему сыну. Я как чувствовала, что ничего ей не купишь. Потому позаботилась сама. — Геля достала из комода книжку в красном шагреневом переплете с золотым тиснением «Календарь для всех сословий на 1873 год». — Очень ей пригодится. Тут и месяцеслов, и все праздники переходящие по датам указаны.

— Да ее ночью разбуди, она их без всякого календаря назовет. Зря только деньги потратила.

— Виновата я перед ней. Счастье у нее украла.

Из дома вышли в одиннадцать — Иван Дмитриевич повернул было налево, к Исакию[25], но Ангелина потянула его вправо:

— В Казанский пошли, туда император должен приехать.

---

[25] Примечания: 25
Исаакиевский собор.

Как всякая бывшая провинциалка, Ангелина не упускала возможности увидеть венценосных особ, которые по торжественным случаям посещали богослужения в Казанском со-боре.

— Так туда далеко, а на улице мороз, — попытался возразить Крутилин. — А извозчиков в рождественскую ночь не сыщешь — тоже празднуют. А императором, коли хошь, хоть каждый день любуйся…

— Как? Где? — удивилась Геля.

— Он под нашими окнами со своей… — Крутилин запнулся, поняв, что едва не сболтнул лишнее.

Для княгини Долгорукой император снял дом рядом с Зимним дворцом на Миллионной улице. Но посещать ее так часто, как хотел, не мог, лишь раз или два в неделю ему удавалось незаметно покинуть дворец на пару часов. Поэтому ежедневно во время утренних прогулок государя Долгорукая ждала его на Большой Морской. Заметив издалека ее сани, император осаживал лошадь, чтобы перешла на шаг, влюбленные встречались взглядом, кивали друг другу, будто случайные знакомые, и разъезжались.

Крутилин был осведомлен об этих встречах, потому что по приказу Треплова выставлял во

время них на Большой Морской своих агентов, — за императором охотились нигилисты, и такие ежедневные свидания в одном и том же месте в одно и то же время были крайне опасны.

— Его Величество во время утренней прогулки обычно проезжает по Большой Морской, — неуклюже закончил начатую фразу Иван Дмитриевич.

— Разве разглядишь его? Пронесется мимо за секунду.

— А все нигилисты проклятые. Его покойного батюшку запросто можно было встретить на улице, — увел разговор подальше от Долгорукой Крутилин.

— Как же было здорово!

— Ничего здорового. Строг был Николай Павлович. Если хоть одна пуговица не застегнута, отправлял на гауптвахту.

Однако венценосная чета в Казанский не прибыла.

— Государыне стало хуже, потому их величества с их высочествами решили отстоять всенощную в придворном соборе, — сообщил Крутилину Треплов, к которому он подошел с поздравлениями.

Представить начальству невенчанную супругу

было никак нельзя, однако обер-полицмейстер ухитрился кивнуть Ангелине украдкой.

— Хороша! Ух и хороша! Искренне завидую, — шепотом одобрил выбор Крутилина Треплов.

Подчиненные Ивана Дмитриевича подобными фанабериями не страдали, потому те из них, что пришли на рождественскую службу в Казанский собор, по окончании ее поздравили начальника и его спутницу.

— Какая хорошенькая! — наклонилась Ангелина к спящей на руках у матери трехмесячной Даше Новоселовой, дочери одного из агентов.

— А какая спокойная. Всю службу проспала как мышка, — похвастался Сергей Новоселов, тридцатилетний русоволосый красавец.

— Вся в тебя. Ты ведь тоже всю службу проспал, — хохотнула его жена Евдокия.

— Ну что ты придумываешь? — возмутился Сергей. — Я не спал, я молился, как и положено, закрыв глаза. Разве можно спать стоя?

— Ну лошади-то спят. А ты чем хуже? — хлопнул его по-приятельски подошедший Демьян Корытов.

Хотя ни Демьян, ни его брат Козьма в полиции не служили, оба были для сыскной не чужими людьми.

Большая Морская — самая фешенебельная улица столицы. Самые модные магазины и первоклассные рестораны расположены именно здесь. Тысячи людей посещают их ежедневно. Но далеко не у всех из них собственный выезд. Потому и возникла на Большой Морской «биржа»[26] извозчиков. Кого попало в нее не пускают — клиент здесь особый, на задрипанной колымаге и полудохлой кляче домой не поедет.

А у Корытовых и сани с колясками новенькие, и лошадки резвые. До поры до времени они возили сыщиков неохотно, потому что те платят лишь то, что положено. Но однажды Козьма заехал в трактир на Разъезжей попить чайку, через полчаса вышел — ни лошадки, ни коляски, а Сергей Новоселов в тот же вечер поймал абротников[27] и вернул Козьме пропажу. С тех пор Корытовы возили его бесплатно, а остальных чинов и агентов с большой скидкой.

— С Рождеством! — поздравил Новоселова Демьян.

— С Рождеством, Серега! — вторил брату Козьма. — С Рождеством, Иван Дмитриевич!

---

[26] Примечания: 26
Стоянка.

[27] Примечания: 27
Конокрадов.

— С Рождеством! — пожал им обоим руки Крутилин.

— А почему сюда приехали? — спросил у братьев Новоселов. — Неужто в Семенцах церквей нет?

— Как нет? Мироний[28] так вообще под боком. Но женам с детишками на царя захотелось поглазеть, — объяснил Демьян, кивая на закутанных в дорогие платки дородных крестьянок, вокруг которых толпилась свора ребятишек.

— С Рождеством! — закричали дети.

Ангелина угостила их конфектами, которые на всякий случай прихватила с собой.

Домой вернулись около пяти. Зажгли на елке разноцветные парафиновые свечи, сели за заранее накрытый кухаркой стол, выпили, разговелись, обменялись подарками: Крутилин подарил Ангелине флакон духов «Виолет де Парм», она ему кожаный бювар[29] для бумаг.

— Хорошо-то как, — признался Иван Дмитриевич. — А ведь ты права, Гелюшка, радость надо

---

[28] Примечания: 28

Церковь во имя Святого великомученика Мирония лейб-гвардии Егерского полка на Обводном канале. Была построена в 1850–1855 гг. архитектором К. Тоном. Снесена в 1934 году.

[29] Примечания: 29

Настольная папка с листами промокательной бумаги внутри для осушения чернил на корреспонденции.

и для самих себя устраивать.

Проснулись поздно. Только сели за стол, пришел с поздравлениями дворник Ферапонт, а если выражаться точнее, явился за праздничной данью. Такой уж в Петербурге обычай — на Масленицу и на Рождество благодарить дворников и околоточных. Околоточный само собой к Крутилину сунуться не посмел. А вот разодетый в праздничную красную рубаху Ферапонт явился. И остался подношением недоволен:

— У других дворников в домах по десять, а то и по двадцать квартир. А в нашем только две: ваша и господина пристава первого участка Адмиралтейской части. А работы-то никак не меньше. А вы одной синенькой[30] наградили. Маловато будет.

— Так еще водки налил, — напомнил наглецу Крутилин.

— Водку готов сейчас же в лавке купить и вернуть. За еще одну синенькую мне целое ведро[31] нальют. А то и два.

Пришлось уступить. Не то бы еще час околачивался в гостиной.

---

[30] Примечания: 30
Кредитный билет достоинством в пять рублей.

[31] Примечания: 31
Тогдашняя мера емкости, равняется 12,3 литра.

Выпроводив Ферапонта, Иван Дмитриевич поднялся наверх, в сыскное. Там дежуривший сегодня чиновник Яблочков резался в карты с тремя агентами. Кроме карт на столе лежали пироги и нарезанная кружками колбаса, в центре красовалась ополовиненная осьмуха[32]. Увидев Крутилина, подчиненные подскочили и словно по команде придали лицам виноватое выражение. Иван Дмитриевич шутливо нахмурился и погрозил им пальцем:

— Ах вы, мазурики.

— Так точно, мазурики, — улыбнулся Яблочков.

— Докладывай обстановку, — велел Крутилин, усаживаясь. — И стакан начальству налей.

— Рождественская ночь прошла на удивление спокойно: пара пьяных драк, но без поножовщины, зачинщики храпят по камерам. С десяток карманных краж в храмах. Один из воришек пойман на месте самим пострадавшим. Не местный, гастролер из Костромы. Уже сфотографирован для картотеки.

— За Рождество! — поднял стакан Иван Дмитриевич.

---

[32] Примечания: 32
Тогдашняя мера емкости, равняется 1,55 литра.

— Долго у Прасковьи Матвеевны не задерживайся. Мы вечером на бенефис Монахова идем, — напомнила Ангелина, смахивая с сюртука Крутилина последнюю пылинку.

— Куда-куда? — удивился Иван Дмитриевич.

Готов был поклясться, что про Монахова слышит впервые. И само слово «бенефис» тоже.

— В Александринку. Еще месяц назад это решили. Ты ведь не расстроишься, если пьеса будет другой? Представляешь, автор в последний момент запретил ее ставить. Потому будут давать надоевшее всем «Горе от ума». Ты, верно, наизусть его знаешь?

Крутилин кивнул. Про «Горе от ума» он уже где-то слышал. Кажется, Пушкин написал. А может, Гоголь. Кто их, писак, разберет? Развелось их, как тараканов на постоялом дворе. Но как же Иван Дмитриевич умудрился про билеты в театр забыть? Видимо, Геля согласовывала их покупку в неудачный момент, когда Крутилин о служебных делах размышлял. Есть у него такая привычка — вроде бы с домашними разговаривает, а на самом деле план допроса обдумывает или докладную градоначальнику. Кивнет механически в ответ, а потом вдруг выясняется, что согласился на новый шкаф или вот пойти

в театр.

— И от меня Никитушке подарок передай, — Геля протянула маленький деревянный ящик, окрашенный в красный цвет.

— Нет, Прасковья твои подарки приносить запретила, — замотал головой Крутилин. — На Пасху такой скандал закатила.

— А ты не говори, что от меня.

— А что там внутри? — уточнил Иван Дмитриевич. — Если дарить, надобно знать.

— Подвижные буквы и знаки препинания. Это азбучный ящик для обучения грамоте. Из букв можно составлять слова и предложе-ния.

— Никитушке вряд ли понравится…

— Пускай обучается. Володя Тарусов в пять лет научился читать. А нашему уже семь, а он еще букв не знает.

Крутилина больно резануло слово «нашему» — Ангелина очень хотела детей, а он, как мог, сопротивлялся:

— Знаешь, как тяжело незаконнорожденным? — уверял он ее. — Все в них пальцем тычут.

— Так что, из-за предрассудков мне детей не рожать? — возмущалась любимая.

— Ну… мы что-нибудь придумаем. Как только во Франции волнения успокоятся, туда поедем.

Говорят, там венчают не в церкви…

— А где?

— В полиции. Приходишь и говоришь: запишите нас мужем и женой. И все!

— А в России такой брак призна́ют?

— Не знаю, — честно ответил Иван Дмитриевич. — Надо у князя Тарусова спросить. Он юрист, должен знать.

Кухарка Степанида, служившая еще при Крутилине, от радости разве что на шею не бросилась:

— С Рождеством, Иван Дмитриевич!

Хорошо, что предусмотрительная Геля и для нее подарочек купила — клубок шерсти для вязания. Следом выбежал Никитушка:

— С Рождеством! С Рождеством!

Скинув Степаниде шубу, Иван Дмитриевич подхватил сына и подкинул к потолку.

— Осторожно, зашибешь, — прошипела вместо поздравлений Прасковья Матвеевна.

— А подарки принес? — спросил у отца Никитушка, тут же поставленный на ноги.

— А как же! Это тебе, это снова тебе, — Иван Дмитриевич доставал подарки из бумажного пакета, — а это маме.

— Опять от Гельки? — спросила сквозь зубы Прасковья Матвеевна, брезгливо оглядывая шаг-

реневый календарь.

— Что ты? Самолично покупал.

— Икону в том поцелуешь? — усмехнулась бывшая супруга.

— Конечно, — вздохнул Иван Дмитриевич, решив, что грех в том невелик.

Иван Дмитриевич подошел к киоту и застыл как вкопанный.

— Что? Никак передумал? — снова усмехнулась Прасковья.

Крутилин, не отрываясь, смотрел на полку, на которой стояла икона «Рождества Христова». Судя по потрескавшемуся лаку, старинная. А согласно описанию, едва не выкинутому вчера в ведро, похожая на украденную в Булатово — в центре на красном ложе Богоматерь в черном одеянии, прямо над ней в окружении ангелов вол и ослик, смахивающий на коня; в левом верхнем углу спешат в Вифлеем волхвы с дарами; в правом — ангелы сообщают пастухам Благую весть; внизу под Богоматерью ее муж Иосиф Обручник и две служанки — у одной на руках младенец, вторая наливает воду в купель для его омовения.

— Так будешь целовать или передумал? — вопросила бывшая жена.

Иван Дмитриевич, перекрестившись на икону,

прошептал молитву:

— Господи Боже, славься тот день, когда случилось Рождение Твое! Обращаемся мы, грешные, к Тебе за помощью и просим избавить нас от трудностей повседневных. Услышь молитвы наши и помоги обрести душевный покой и мир. Явись же к нам да помоги нам, к Тебе, Великому Спасителю, обращающимся. Аминь.

Взяв икону в руки, троекратно ее расцеловал, а затем повернул, чтобы осмотреть обратную сторону. Ведь главная примета расположена там — след от пожара в виде крупной груши. Есть груша! Значит, точно та самая, похищенная в Булатово икона. Но как она попала к его бывшей жене? Как бы поаккуратней ее расспросить?

— Маменька, маменька, я правильно сложил? — неожиданно для Крутилина Никитушка очень обрадовался азбучному ящику — вывалив на пол буквы, сразу начал собирать какое-то слово.

Неужели читать научился?

— На лавках так пишут? — спросил Никитушка, закончив труд.

Иван Дмитриевич повернул голову, поглядел на выложенное слово «ЛАВКА» и хлопнул в ладоши:

— Неужели грамоту знаешь?

— Нет! Просто запомнил рисунок.

— Надо ему учителя нанять, Прасковья…

— Рано. Пусть сперва молитвы заучит. А ты, верно, очень спешишь, Иван? Никита, что надо сказать на прощание?

— До свидания, Иван Дмитриевич.

— Какой я тебе Иван Дмитриевич? — улыбнулся, будто шутке, Крутилин, но про себя решил, что надо бы почаще бывать в прежней семье. Иначе сын его скоро позабудет. — Иван Дмитриевич я только для подчиненных. А для тебе — папенька.

— Так что у меня теперь два папеньки? — удивился мальчик.

— Как сие понимать?

— Модест Митрич тоже велит папенькой называть.

— Какой такой Модест Митрич? — обернулся к бывшей супруге Крутилин и только сейчас заметил, что и платье на ней новое из модного кашемира, и волосы убраны не под гребенку, как прежде, а в прическу, и легкий флер «Виолет де парм» в комнате витает.

— Один знакомый, — отвела глаза Прасковья Матвеевна.

В первый раз в жизни Крутилин видел ее сму-

щенной.

— Ах, знакомый! И почему какой-то знакомый велит моему сыну именовать его папенькой?

— Модест Митрич предложение мне сделал. Я его приняла.

— Ты же Христовой невестой собиралась стать…

— И стану, когда время придет. Модест Митрич, в отличие от тебя, человек набожный, вместе с ним и пострижемся. Видишь, какую икону подарил? Старинная, очень ценная, семейная его реликвия.

— Познакомишь нас? — тут же спросил Иван Дмитриевич.

— В другой раз. Он… он в лавку ушел.

И опять смущение на лице.

— Врешь. Что ему там делать? Сегодня все лавки закрыты.

— Сказал, замки надо проверить.

— Маменька, вы же говорили, врать — большой грех, — напомнил Прасковье Никитушка. — А сами врете.

Иван Дмитриевич выскочил из гостиной и, не говоря ни слова, прошелся по квартире, распахивая двери и заглядывая в комнаты. Прасковья Матвеевна семенила следом:

— Что ты делаешь, Иван? Прекрати. Ты тут не хозяин.

— Вот когда квартиру будет оплачивать твой Митрич, я тут хозяйничать перестану.

Прасковья Матвеевна заняла оборону перед дверью в столовую.

— Ну-ка отойди. Отойди, — рявкнул на нее Крутилин.

Дверь открылась изнутри. Мужчины долго разглядывали друг друга. Модесту Митричу было под сорок, одет он был по-купечески, в короткий кафтан и плисовые[33] шаровары, заправленные в высокие сапоги. Волосы у него были редкие, каштановые с легкой проседью, борода, хоть и до груди, но аккуратно стрижена.

— Прасковья, представь-ка нас, — произнес, строго глядя Модесту в глаза, Иван Дмитриевич.

Ему, конечно, очень хотелось новоявленного «папеньку» задержать, доставить в сыскное и допросить не без пристрастия. Но пришлось сие желание сдерживать. Слишком уж пикантной была ситуация. Арестуешь, а потом в газетах пропечатают: «Начальник сыскной из ревности арестовал будущего мужа бывшей супруги». Да

---

[33] Примечания: 33

Хлопчатобумажная или шерстяная ткань с длинным, до 6 мм, ворсом.

и злополучный Модест вполне может оказаться не скупщиком краденого, а введенным в заблуждение добросовестным покупателем.

— Модест Дмитриевич Верейкин, Иван Дмитриевич Крутилин, — выдавила из себя Прасковья.

Верейкин протянул руку, начальник сыскной ее пожал.

— Я вижу, — Крутилин указал на сервированный стол, — вы обедать собрались. А я как раз очень проголодался…

Прасковья наградила его гневным взглядом, Модест вымученно улыбнулся:

— Прошу к столу.

Все чувствовали себя неловко. Но если Прасковья Матвеевна помалкивала, то Модест Митрич, напротив, верещал без умолку. Ивану Дмитриевичу оставалось лишь направлять его в нужное русло, чтобы не про североамериканского президента рассуждал, а про себя самого и про икону. За кислыми с телятиной щами Верейкин повторил версию будущей супруги про семейное происхождение реликвии, а под баранью котлетку поведал о трагической судьбе родителей, сгоревших двадцать пять лет назад в избе вместе со всем имуществом. Сам он чудом спасся, заночевав в ту ночь у родни в соседней деревне. После

этой трагедии помещик отдал его в сидельцы[34] купцу второй гильдии Цыкину. Став впоследствии старшим приказчиком в его лавке, Митрич женился на его дочке, однако та шесть лет назад умерла от холеры, а сам Цыкин, не выдержав горя, скончался вслед за ней.

— Так и жил с тех пор бобылем. Но вот в сентябре Прасковья Матвеевна ко мне за отрезом зашла. Хотела бархат купить, а я ей присоветовал сей кашемир. Правда, ей идет? Потом в театр пригласил… Так и сладилось у нас. Вы ведь не против?

От подобной глупости Прасковья Матвеевна хмыкнула, однако Иван Дмитриевич ответил серьезно:

— Напротив, очень рад. Только попрошу, чтобы Никитушка вас больше «папенькой» не называл.

— Иван Дмитриевич, я ведь не со зла, а от избытков чувств. Люблю Никитушку как сына. Своих-то Бог не дал…

— Рад, что сына моего любите. Но это мой сын! Курите?

— Я? — Верейкин почему-то смутился и посмотрел на Прасковью Матвеевну.

— Уже нет, — ответила она за него. — И тебе,

---

[34] Примечания: 34

Мальчишки в купеческих лавках, в обязанности которых входило помогать приказчикам и зазывать покупателей в лавку.

Иван, в моей квартире дымить больше не позволю.

— Повторяю для непонятливых: покамест я квартиру оплачиваю, делаю в ней, что хочу. Степанида, подай-ка кофий и коньяк в мой кабинет. Пойдемте, Модест Матвеевич, в честь праздника там покурим.

В бывшем кабинете Ивана Дмитриевича уже ничего не напоминало о прежнем владельце, только два глубоких кожаных кресла по-прежнему стояли у изразцовой печи.

Модест Митрич с удовольствием затянулся:

— Привык, знаете ли. А она, — он кивнул на дверь в столовую, — запрещает.

— А вы поменьше ее слушайтесь. Иначе быстро превратитесь в коврик, об который при входе вытирают ноги. Впрочем, дело ваше. Я вот о чем хотел вас спросить. Икону-то вы у кого купили?

Верейкин побледнел:

— Я же сказал, семейная.

— Ой, не стоит врать начальнику сыскной полиции, — погрозил ему пальцем Крутилин. — Сами же проговорились, что ваши родители сгорели со всем своим скарбом.

— То не моих. Родителей покойной жены икона, — быстро нашелся с ответом Верейкин.

— Не в Перинной ли линии ваш тесть лавку держал?

— Да. На его месте теперь я торгую.

— Так я его знал, и знал преотлично. Из кантонистов[35], крещеный еврей. А жена его была лютеранкой.

— Верно.

— Ну и откуда в подобной семье могла взяться новгородская икона шестнадцатого века? Повторяю вопрос: у кого купили?

— Неужто краденая?

— Нет, ну что вы, — соврал Иван Дмитриевич.

Если Верейкин соучастник, ниточка тотчас оборвется. Соврет, что на улице нашел, поди, докажи обратное. А бить и пытать его не позволит Прасковья — до царя дойдет с жалобой на бывшего мужа. Но если Верейкин добросовестный покупатель и был введен в заблуждение скупщиком краденого, знать правду ему пока рановато.

---

[35] Примечания: 35

Кантонисты — несовершеннолетние мальчики, «принадлежавшие» военному министерству. Сыновья нижних воинских чинов (солдат, унтер-офицеров) в возрасте 10–14 лет обязаны были поступать в кантонистские школы, где их готовили к военной службе: муштровали, обучали грамоте и ремеслам. Некоторые школы были специализированными — в них готовили фельдшеров, топографов, аудиторов (военных юристов). Еврейских мальчиков призывали в армию (10 рекрутов с тысячи мужчин ежегодно) в возрасте 12 лет, они тоже учились в кантонистских школах. Там подкупом и угрозами их стремились обратить в православную веру.

— Дело в том, что моя Ангелина тоже очень набожная… — опять соврал Крутилин.

— Набожная? — удивился Верейкин. — Прасковья Матвеевна ее ведьмой считает.

— То ревность. Обычная бабья ревность. И по причине набожности Ангелины я бы тоже хотел прикупить нечто подобное, древнее. Вдруг у вашего продавца и другие старинные иконы в наличии?

— Да, кроме «Рождества» он торговал еще Богоматерь «Знамение», «Битву новгородцев с суздальцами», лик святого Пантелеймона и еще…

Крутилин от радости чуть не ляпнул, что пятой украденной иконой была «Обрезание Господне». Теперь последние сомнения, что «Рождество», подаренное Прасковье Модестом Митричем, похищено в Булатово, исчезли. Все перечисленные Верейкиным иконы были оттуда.

— …«Обрезание Господне», — вспомнил купец. — Я бы их все купил, но Геркулан Сигизмундович цену заломил несусветную. Десять тысяч. Пришлось ограничиться «Рождеством». Просил он за него четыре, сторговались на две с половиной.

— Ого!

— Так дорого, потому что охотник его цену

иконам знает.

— Охотник? Что за охотник?

— Позвольте рассказать по порядку. Как вы уже знаете, я намеревался в первый день Святок, то бишь сегодня, просить у Прасковьи Матвеевны руку с сердцем. И потому решил подарить ей ценный подарок — икону в золотом окладе. Купил ее не абы где, а в Лавре, и прямо оттуда отправился к ювелиру Змеевскому, он там рядом на Староневском лавку держит. И оклады, скажу я вам, делает великолепные.

— Когда дело было?

— С месяц назад.

Иван Дмитриевич про себя чертыхнулся. За это время Змеевский мог уже все иконы распродать.

— Однако Геркулан Сигизмундович сделал мне встречное предложение. Мол, имеется у него приятель, страстный охотник, который прошлым летом ездил стрелять дичь куда-то на Урал или даже за Урал. В общем, куда Иван Грозный мятежных новгородцев переселил. Те перебрались туда со всеми пожитками, в том числе с иконами. А в никоновские времена их потомки сделались раскольниками и во время гонений удалились в дремучие леса. Жили там уединенно, женились на близких родственницах. Но не зря ведь

в Писании сказано: «никто ни к какой родственнице по плоти не должен приближаться с тем, чтобы открыть наготу»[36]. Из-за этого все давно вымерли. В тех дремучих лесах и наткнулся охотник на обезлюдевшее село и сколько мог на себе унести икон из церкви, столько и привез. Продает их задорого, а Геркулан Сигизмундович один из его комиссионеров. В общем, спросил меня Змеевский, не желаю ли осмотреть эти иконы? Я заинтересовался. Одно дело современную икону невесте подарить, совсем другое древнюю, намоленную. Геркулан велел зайти на следующий день, мол, надо найти охотника и забрать иконы у него. Назавтра вечером, окончив торговлю, я отправился к Змеевскому в лавку. И как уже рассказал, купил одно лишь «Рождество». Больно уж дорого.

— Я могу отрекомендоваться Геркулану Сигизмундовичу от вашего имени?

— Ну конечно. Хотите письмо ему напишу?

— Будьте так любезны. Только обзовите меня в нем купцом первой гильдии Провоторовым Иваном Кузьмичем.

— Зачем? — округлились глаза у Модеста Мит-

---

[36] Примечания: 36
Левит 18.6.

рича.

— Сами понимаете, ни ему, ни охотнику иконы не принадлежат. Однако они их продают. И тут вдруг является начальник сыскной полиции… Геркулан Сигизмундович может испугаться и икону тогда мне не продаст. А я Ангелину порадовать хочу.

— Понял вас, Иван Дмитриевич. Напишу, как скажете.

Домой Крутилин летел окрыленным: такое дело раскрыть — большая удача, начальство будет довольно. Да и самому, черт побери, приятно в очередной раз всем доказать, что не зря его называют русским Видоком.

— А я уже волноваться стала, что в театр опоздаем, — заявила с порога Ангелина.

Одета была в платье из того же кашемира, что и Прасковья Матвеевна.

— У Верейкина ткань брала? — спросил на ходу Крутилин.

— Откуда знаешь?

— Только что видел платье из этого же кашемира на Прасковье. Кстати, Верейкин сделал ей предложение.

— Неужели? Зачем за мной тогда увивался? В театр пытался пригласить…

— Наверно, у него был брачный период. Прости, дорогая, но в театр мы сегодня не идем.

— Почему?

— Дело! Архиважное! Как-нибудь в другой раз, — и Иван Дмитриевич поскакал через ступеньки в сыскное.

Агенты уже ушли, а Яблочков спал, положив голову на стол.

— Эй, подъем! — крикнул ему Крутилин.

Арсений Иванович разлепил глаза, посмотрел мутным взглядом в окно. В Петербурге никогда не поймешь, день на дворе или ночь? Летом целые сутки светло, зимой — темно.

— Который час? — спросил он у начальника, который рылся в гардеробе.

Чтобы сотрудники могли менять при необходимости внешность, в сыскной имелся чемодан с театральным гримом, а также наборы одежды для всех сословий, даже полковником-гвардейцем можно было обрядиться.

Иван Дмитриевич примерил на себя долгополый суконный кафтан.

— Похож я на купца первой гильдии Провоторова?

Купец Провоторов был придуман исключительно для подобных маскарадов. Для большей

убедительности Крутилин даже напечатал в типографии обер-полицмейстера (благо, в том же здании на Большой Морской оно находится) визитки Провоторова и бланки.

— Нет, — покачал головой боровшийся со сном и похмельем Яблочков. — Бакенбарды мешают…

— Ты пьян.

— Не спорю. Однако купцы такой фасон баков не носят.

— Приведи-ка себя в порядок. Дело такое, что орден можно получить.

Иван Дмитриевич вкратце рассказал суть.

— Судя по всему, Змеевский — барыга умный, иконы в лавке не держит. А значит, за незнакомым покупателем может пустить «хвост», — предположил Крутилин.

— Эка вы завернули…

— Поэтому поступим так: я предъявлю Змеевскому письмо от Верейкина, помашу перед его носом «куклой»[37], скажу, что вечером уезжаю из города и потому иконы могу купить исключительно сегодня. Змеевский попросит дать ему время, я удалюсь. Скорей всего, за мной отправят соглядатая, кого-нибудь из приказчиков. Поэтому

---

[37] Примечания: 37

Пачка нарезанной газетной бумаги, с несколькими настоящими кредитными билетами сверху и снизу.

проследить, куда сам Змеевский отправится, не смогу. Придется тебе.

— Арсений Иванович, — раздался голос Гели. Она тоже поднялась в сыскное. — У меня лишний билет в Александринку, на бенефис Монахова. Составьте мне компанию. Иван Дмитриевич сильно занят.

— Арсений тоже занят, — заявил Крутилин.

— Что ж, придется пригласить Ферапонта. Представляю, как удивится Треплов, увидев меня под ручку с дворником.

— А что, и Федор Федорович будет? — удивился Крутилин.

— Все будут. Как не быть? Бенефис Монахова! — пояснил Крутилину Яблочков.

— Боже, Иван! — вскинула руками Ангелина, увидев, во что одет Иван Дмитриевич. — Что с тобой?

— Позволь представиться, купец первой гильдии Провоторов.

— Пугало ты огородное, а не купец.

Крутилин подошел к зеркалу. И впрямь, пугало.

— И что мне делать?

— Давайте купца сыграю я, — предложил Арсений Иванович. — Но не в зипуне и шароварах,

а современного. Дома у меня отличный фрак.

— А я тогда прослежу за Змеевским.

— С вашими-то больными ногами? Ступайте лучше в театр. А я по дороге заскочу на Большую Мещанскую[38] за Новоселовым…

Агент приходу Яблочкова очень обрадовался:

— Как я благодарен, Арсений Иваныч, что вытащили меня из этого Содома, — сказал он, когда вышли на Большую Мещанскую. — Дети, конечно, счастье великое, но как же дочка кричит! Ни минуты покоя. Хоть обратно в церковь ее неси.

— Зачем?

— Представьте, за всю всенощную ни разу не пискнула.

— Неужели я зря не верю в Бога?

— Вы не верите в Бога? — испугался агент.

— Шучу, шучу. Ты все понял?

— А что непонятного? Проследить за ювелиром…

— Он может не сам отправиться за иконами, может послать кого-то…

— …Провести до дома «охотника», потом в Рож-

---

[38] Примечания: 38
Ныне Казанская улица.

дественскую часть за подчасками[39], вместе с ними окружить дом ювелира.

— А затем идти мыть шею. Крутилин орден мне пообещал. Ну а тебе медаль.

— Мне бы лучше деньгами. А еще лучше, чтоб взяли в штат[40]...

Яблочков долго звонил в колокольчик, притоптывая ногами от холода.

— Чего угодно? — спросила открывшая дверь прислуга.

— Ювелира Змеевского.

— Закрыто. Святки.

— Вот рекомендательное письмо, — Яблочков протянул конверт.

Прислуга взяла его грязными руками:

— Хорошо, доложу.

---

[39] Примечания: 39

После шести часов на посту, следующие шесть часов городовые проводили в участке: участвовали в задержаниях и обысках и т. п. В эти часы их называли подчасками. Потом они шесть часов отдыхали и снова заступали на пост.

[40] Примечания: 40

В описываемое время в Санкт-Петербургской сыскной полиции, кроме девяти классных чинов (начальник, четыре чиновника для поручений, делопроизводитель, два его помощника) и двенадцати надзирателей, трудились вольнонаемные агенты. Они не состояли в штате и не имели права на пенсию. Жалованье им выплачивали сдельно из особого фонда размером в 8 тысяч рублей, которым распоряжался начальник сыскной полиции. Количество таких агентов составляло около двадцати человек.

Опять пришлось притоптывать на морозе. Минут через пять дверь открыли повторно:

— Подымайтесь. Примут.

Змеевский жил над лавкой, на втором этаже. Яблочкова он принял в мастерской, уставленной микроскопами, тиглями и прочими ювелирными инструментами.

— Верейкин сказал, что иконы древние имеете на продажу.

Геркулан Сигизмундович внимательно разглядывал нежданного гостя: белый фрак, шуба из стриженой норки, трость с серебряным набалдашником.

— Простите, с кем имею честь?

— В письме же указано: купец Провоторов, торговля скобяными товарами, — и Яблочков для убедительности бросил на стол визитку.

Змеевский покрутил ее так и сяк:

— И зачем торговцу скобяными изделиями древние иконы? Что-то вы не похожи на раскольника…

— Так икона не мне, а моему партнеру из Зарайска. Очень до них охоч.

— А средства на покупку имеются?

— Обижаете…

Яблочков кинул на стол пачку кредиток. Не

«куклу», а настоящую — захватил из собственной квартиры. И правильно сделал — ювелир изучал ее дотошно. Была бы внутри газетная бумага, раскрылся бы маскарад.

— Что ж, убедили. Верейкин описал оставшиеся иконы?

— Конечно.

— Какую из них желаете?

— Все! А ежели и другие имеются, мечтал бы взглянуть.

— Нет, пока только четыре. Однако охотник снова в те края собирается, так что через месяцок будут новые. А имеющиеся сможете купить завтра. В полдень устроит?

— Мне до зарезу надо сегодня. Машина[41] в Москву отходит в одиннадцать вечера.

Змеевский достал из кармана сюртука часы:

— Не знаю, не знаю. Попробую, конечно, но могу не застать охотника дома. Дайте-ка мне три часа.

— Два!

— Хорошо, договорились.

Сергей Новоселов заранее нанял извозчика и ожидал выхода Яблочкова в санях, хорошо укрытый пледом. Арсений Иванович пробыл

---

[41] Примечания: 41
Курьерский поезд.

у Змеевского недолго. Выйдя из лавки, запрыгнул в ожидавшие его сани (не стал отпускать те, на которых приехали) и укатил. Сергей отметил, что, вопреки предположению Крутилина, слежку за Арсением Ивановичем не отправили.

Минут через десять после Яблочкова на Староневский проспект вышел господин в енотовой шубе, огляделся по сторонам, и, не найдя дворников (те тоже праздновали), сам свистнул проезжавшему мимо извозчику. Тот притормозил, мужчина залез в сани и покатил в сторону Знаменской площади.

— За ним, — велел Новоселов своему «ваньке».

— Ты из Третьего отделения? — уточнил тот.

— Нет, из сыскной.

— Ладно, тады поехали. Был бы из Третьего, высадил бы.

— Почему? Неужто нигилистам сочувствуешь?

— Себе сочувствую — и днем, и ночью тружусь на холоде. А тут села этакая тварь: я, мол, из Третьего отделения, следуй за теми санями. Битый час возил. А потом тот, за кем следил, из саней своих выпрыгнул да шмыг в подворотню. А мой пассажир вприпрыжку за ним. А деньги кто будет

платить? Пришлось ехать на Фонтанку[42]. А там сказали: фамилию чиновника назови. А я ее откуда знаю?

За разговором пролетели Староневский, со Знаменской площади свернули влево на набережную Лиговского канала, потом по Кузнечному переулку выскочили на Загородный проспект. Мостовая там была ужасной, даже снежный наст не спасал сани от ухабов. Новоселов с извозчиком то и дело матерились, подпрыгивая. Когда переехали через Введенский канал, Сергей решил, что ювелир направляется за город, и стал гадать, по какому шоссе предстоит прокатиться: Московскому или Петергофскому? Но впереди идущие сани неожиданно свернули влево. «Подольская улица» — прочел Новоселов вывеску на угловом с Загородным проспектом доме.

— Теперь помедленней, — велел агент извозчику.

Господин в енотовой шубе не доехал до Малого Царскосельского проспекта[43] примерно пять-

---

[42] Примечания: 42

Третье отделение и штаб корпуса жандармов размещались по адресу Фонтанка, 16.

[43] Примечания: 43

Ныне Малодетскосельский проспект.

десят саженей[44]. Расплатившись с возницей, стукнул в дверь двухэтажного деревянного дома, его тотчас впустили.

Проехав до перекрестка, извозчик спросил Новоселова:

— Теперь куда?

Агент вылез, оглядел Подольскую — улица была пустынна, ни прохожих, ни саней. И судя по следам полозьев на мостовой, проезжают они здесь не часто. А значит, сидящий в санях человек сразу бросится в глаза и неминуемо вызовет подозрения у господина в шубе, когда тот покинет двухэтажный деревянный дом. Интересно, долго он там пробудет? Прикинем… Яблочков, выходя от ювелира, украдкой показал Новоселову два пальца. Что означало, что повторную встречу Змеевский назначил через два часа. Сорок минут ушло на дорогу на Подольскую, значит, столько же уйдет на обратную. Стало быть, господин в енотовой шубе пробудет в доме минут десять-двадцать. «Ничего, не замерзну, в крайнем случае согреюсь из фляги».

— Езжай по соседней улице до Загородного, сверни и жди меня там, — велел агент извоз-

---

[44] Примечания: 44

1 сажень равна 2,13 метра.

чику.

— Сперва надобно рассчитаться.

— Сдача есть? У меня только пятерка, — признался Новоселов, который впопыхах забыл дома мелочь.

Извозчик помотал головой.

— На Староневском куча трактиров, там и разменяем.

— Так и здесь трактиры имеются.

— Сейчас не до того. Преступника боюсь упустить.

— А ты точно из сыскной?

— Хочешь, удостоверение покажу?

— Мы неграмотные.

— Моя фамилия…

— Не надо! Голова моя дырявая. Все равно не запомню. Побожись, что не обманешь.

Агент перекрестился, и извозчик укатил. Новоселов, хлебнув из фляги, пошел обратно по Подольской — хотел и дом получше рассмотреть, и в его окна заглянуть — вдруг что-то важное увидит? А чтобы не вызывать у здешних мещан подозрений, придал походке заплетающийся вид, вдобавок песенку стал насвистывать. Сергей очень медленно прошелся вдоль дома. Но что происходило внутри, разглядеть ему не удалось

— слишком уж плотными оказались занавески. Дойдя до конца дома, Новоселов перешел на противоположную сторону и спрятался за деревом.

Что же за «охотник» живет напротив? Зачем он ездит охотиться аж на Урал? Неужели в наших лесах ему зверья с дичью не хватает? Может, он богатый бездельник и охота для него очередная блажь? Нет, люди состоятельные на Подольской улице не селятся. Здесь живет народ бедный: служащие Царскосельской железной дороги, обслуга близлежащих Обуховской больницы и Технологического института, извозчики, половые. И всякие мазурики тут же рядом обитают, куда без них? Похоже, владелец двухэтажного дома как раз один из них, и промышляет он воровством в церквях. Этим летом обнес храм в Булатово. Обвесы и оклады Змеевский забрал у него сразу и переплавил в изделия. А вот куда сбыть иконы, ни он, ни «мазурик» не знали. И первая же продажа вышла им боком. И сегодня вечером, дай бог, оба окажутся в сыскном.

Дверь в доме снова открылась, из нее вышел господин в енотовой шубе и быстро зашагал в сторону Малого Царскосельского проспекта. Почему не к Загородному? Эх, похоже, напрасно Новоселов своего возницу обнадежил. Хорошо,

что номер его запомнил. Завтра же отыщет и рассчитается.

Сергей сделал глоток из фляжки и припустился в погоню. Дойдя до перекрестка, енотовая шуба свернула направо. Сергей прибавил ходу, однако, выскочив на Малый Царскосельский, преследуемого не увидел, хотя проспект был прекрасно освещен светом газовых фонарей. Куда же делся господин в шубе? Дверь одного из домов была приоткрыта. Неужели в нее зашел? Новоселов осторожно приблизился к дому и заглянул в открытую дверь. Входить или нет? Вопрос решили за него, с силой втолкнув Сергея вовнутрь.

Яблочков преотлично провел два часа в отдельном номере трактира на 4-й Рождественской — половой к закуске и выпивке сразу предложил девицу, столь юную и страстную, что Арсений Иванович едва не опоздал на рандеву к ювелиру.

Выскочив из саней, Яблочков огляделся по сторонам, но ни Новоселова, ни подчасков, которых тот должен был привезти из Рождественской части, не обнаружил. Заметив, что из дома ювелира за ним наблюдают, Яблочков разыскивать их не стал. С ним ведь любимый «ремингтон»! Вряд ли Змеевский станет сопротивляться, когда его увидит. Арсений Иванович позвонил в колокольчик,

дверь ему открыла все та же кухарка и провела на второй этаж.

— Увы, Иван Кузьмич, увы! Оказывается, мой охотник уже убыл на охоту. — Змеевский пытался улыбнуться, но не смог. Лицо его было бледным, а руки тряслись. — Вернется через пару недель. Я дам вам знать по этому адресу, — пообещал Геркулан Сигизмундович, указав на визитку. — Хорошего вам Рождества! Не смею задерживать.

— Вам плохо?

— Мне? — задумался Змеевский. — Да, плохо. Внезапная простуда. Прошу извинить, Марфушка вас проводит.

Когда кухарка закрыла дверь, Яблочков оглядел Староневский еще раз. Не подаст ли Новоселов ему знак из укрытия? Нет. Похоже, здесь нет ни его, ни городовых. Что, интересно, приключилось с Сергеем? Арсений Иванович сел в ожидавшие его сани.

— Куда? — спросил возница.

Арсений Иванович прикинул — Крутилин вернется из театра не скоро. А докладывать ему нечего: ювелир, видимо, его раскусил, а Новоселов куда-то запропастился. Да и после всего выпитого Яблочкову очень хотелось в постель.

— На Гороховую, угол с Малой Морской.

Пьеса была старинной, причем из московской жизни, а Первопрестольную Крутилин никогда не жаловал. Актеры изъяснялись стихами, что только усиливало фальшь их игры. Однако Ангелина и остальные зрители смотрели с придыханием, часто смеялись и после каждой сцены устраивали овации. Особенно Монахову — лысоватому, постарше Крутилина кривоногому чудаку, который почему-то вообразил, что способен увлечь юную девушку. А та, вполне резонно, предпочла ему молодого. Разозлившись из-за нее на весь честной народ, Монахов наговорил всем гадостей и уехал, откуда приехал — вот и весь незамысловатый сюжет. Иван Дмитриевич то и дело щипал себя за руку, чтобы не задремать.

Яблочков его не обманул — на бенефис явилось все начальство. Ждали и венценосную чету, но вместо нее перед первым актом в ложу, соседнюю с царской, вошла невысокая худенькая женщина в бархатном синем платье, из которого выпирал округлившийся животик. Долгорукую сопровождал мужчина лет тридцати, сильно похожий на нее, видимо, брат. Все лорнеты и бинокли тут же обернулись в их сторону.

— Принесла ее нелегкая, — вырвалось у Крутилина.

— Не волнуйтесь, надворный советник, — успокоил его сосед, гофмейстер двора граф Стенбок. — Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Ее величество сегодня харкали кровью, поэтому в театр не приедут.

— А император?

— Его Величество проявил свойственную ему рассудительность и счел абсолютно неуместными любые для себя развлечения в данной ситуации.

В антрактах Иван Дмитриевич пытался придумать предлог, чтобы увести Ангелину из театра. Но та не поддавалась:

— Мы так редко выезжаем. Бываем лишь у Тарусовых и Прыжовых. А мне здесь так хорошо…

Вернулись уже за полночь. Скинув шубу, Крутилин стремглав побежал наверх, в сыскное. Но там никого не оказалось. Что, черт побери, случилось? Где Яблочков? Даже если задержание Змеевского сорвалось, почему не приехал доложить?

На утреннее совещание ни Яблочков, ни Новоселов не явились. Крутилин пришел в бешенство, наорал без всякой причины на тех, кто пришел.

Прием посетителей тоже начался необычно — первым в кабинет начальника сыскной зашел

состоящий сверх штата в Третьем отделении Его Императорского Величества канцелярии титулярный советник фон Дунтен.

— Что случилось, Ромуальд Исидорович? — встревоженно спросил его Крутилин.

— Ничего особенного, — ответил фон Дунтен, пожимая руку. — Просто я не любитель ведомственной переписки — пока мы напишем, а вы пока ответите, дело будет загублено. Народная же мудрость велит: «куй железо, пока горячо».

— Что за железо?

— Вчера очередного революционера задержали.

— Поздравляю.

— Утверждает, что является вашим осведом[45].

— Как звать?

— Михаил Завьялов.

— Знаю такого.

— И как сие прикажете понимать? Неужели, Иван Дмитриевич, вы уже всех своих жуликов переловили и решили помочь нам? Что ж, раз так, хотелось бы ознакомиться с его dossier[46].

Последнее слово Крутилин слышал впервые,

---

[45] Примечания: 45
Осведомитель.

[46] Примечания: 46
Досье (*фр.*).

однако сумел догадаться, что оно значит:

— Какое там досье… Завьялов сильно преувеличил. Просто помог нам разок в прошлом году…

— Помог в чем?

— Квартирного воришку поймать.

— А вот Завьялов утверждает, что революционера…

— Мне без революционеров забот хватает. Дело слушалось в апреле в Окружном суде. Преступника, его фамилия Каретный, приговорили за кражу к шести годам каторжных работ. Если любопытно, запросите дело в архиве.

— Уже ознакомился. Очень странное дело. Студент-путеец ни с того, ни с сего отправился грабить квартиру[47]…

— Среди воришек не только студенты, иногда и профессора попадаются.

— Если Завьялов не освед, могу я отправить его в Сибирь?

— Хоть на Камчатку.

Фон Дунтен встал.

— Тогда не смею мешать. С Рождеством вас, Иван Дмитриевич.

— И вас, Ромуальд Исидорович.

---

[47] Примечания: 47

Подробнее — роман Валерия Введенского «Напиши себе некролог».

Титулярный советник пошел было к двери, но потом, хлопнув себя по лбу, вернулся:

— Да, едва не забыл, хотел предупредить. Там, — Фон Дунтен указал рукой на приемную, — сидит аферист-извозчик, Третьему отделению хорошо знакомый.

— И в чем заключается его аферизм?

— Утверждает, что якобы возил нашего чиновника, а тот, чтоб не платить, сбежал проходными дворами. Однако его домыслы подтверждения не нашли.

— Понял вас. Спасибо за предупреждение.

Яблочков и Ангелина столкнулись у парадного подъезда на Большой Морской:

— Как прошел бенефис? — спросил Арсений Иванович.

— Великолепно.

— Шефу понравилось?

— Не особо. Предположу, что из-за дела, которое вам поручил. Очень переживал. А вернувшись домой, взбесился, что не явились с докладом…

— Так докладывать было нечего.

— Предупреждаю, вас ожидает взбучка.

— Давно к ним привык. Хорошего дня.

Яблочков вошел в подъезд, а Ангелина направилась в сторону Исаакиевской площади. Агенты

сыскной, зачем-то выстроившиеся на Большой Морской, ее сердечно поприветствовали. На углу Гороховой Ангелина увидела сани, а в них вчерашнюю беременную, появление которой в театре вызвало всеобщий ажиотаж. По дороге домой Ангелина пыталась выяснить у Крутилина, кто такая, но Иван Дмитриевич отмахнулся:

— Понятия не имею. Видел впервые.

Соврал, конечно, Геля слышала, как он выругался, когда та женщина вошла в ложу. Кто она такая?

С Невского на Большую Морскую свернули военные всадники. Завидев их, агенты сыскной и дворник Ферапонт, чистивший мостовую, словно по команде сдернули с себя шапки. Ангелина поняла, что приближается император. На подъезде к Гороховой кавалькада внезапно сбавила ход. Ангелина увидела, что император смотрит на беременную в санях и улыбается. Геля перевела взгляд — женщина улыбалась ему в ответ. Странное свидание длилось секунд десять, не больше. Император, кивнув на прощание беременной, пришпорил коня и ускакал. А кучер саней, в которых та сидела, без приказаний от нее махнул вожжами и покатил к Невскому. Агенты надели шапки и разошлись, дворник Ферапонт начал

снова долбить ломом лед.

— Кто она, знаешь? — спросила его Ангелина, указав на отъехавшие сани.

— Катя, Катя, Катерина, нарисована картина. Катю барин рисовал, сорок раз поцеловал, — с гаденькой улыбочкой пропел ей Ферапонт.

— И что сие означает?

— Катька то Долгорукая, полюбовница царя. Брюхо от него нагуляла. Говорят, — Ферапонт склонился к уху Ангелины, — царь хочет прежнюю царицу выгнать вместе с детьми. И царицей сделать Катю, а цесаревичем их будущего сына. Только тсс… Тайна!

— Ваше благородие…

— Высокоблагородие! — сквозь зубы поправил извозчика-аферист Крутилин.

— Прикажите ему рассчитаться.

— Кому и за что?

— Чиновнику вашему. Нанял вчера, прикатили мы с ним на Подольскую, велел на Загородном обождать, мол, обратно поедем. И сгинул.

Иван Дмитриевич выложил на стол четыре по числу чиновников фотопортрета:

— Кто из них не рассчитался? Ткни пальцем, тотчас его приглашу.

Извозчик долго разглядывал карточки.

— Нету его.

— Тогда вон отсюда. А то в камеру посажу.

— Так ведь божился, удостоверение показывал…

Крутилин выскочил из-за стола, схватил извозчика за шкирку и выволок в приемную. Хотел надзирателям с рук на руки сдать, чтобы в камере проучили, но, увидев входящего Яблочкова, выпустил добычу из рук, напрочь про нее забыв:

— Ты где шляешься? Живо в кабинет.

Извозчик счел за лучшее незаметно покинуть сыскное.

Яблочков, кратко доложив о постигшем фиаско, стоял, потупив глазки, ожидая, когда же иссякнет поток ругательств в его адрес.

— А дружок твой где? Где Новоселов? — вспомнил про агента Крутилин.

— А что? На совещании его не было? — забеспокоился Яблочков.

— Представь себе, нет. Я решил, что со вчерашнего вечера вместе водку жрете.

— Нет, я как уехал в первый раз от ювелира, больше его не видал. Хотя приказал явиться с подчасками…

— В Рождественскую часть заезжал? Спрашивал про Новоселова?

— Нет.

— Почему?

— Ну… Решил, что раз Змеевский к моему возвращению оказался в лавке, а Сергей еще не вернулся, то ювелир дом не покидал. Кого-то другого к «охотнику» отправил. И Новоселов топает за ним.

— За кем?

— Понятия не имею. Мало ли кто в гостях у ювелира мог оказаться? Праздник ведь.

— Спасибо, что напомнил. Ты мне так его испортил… В общем, как только Новоселов явится, сразу ко мне.

Но Новоселов так и не пришел. Вместо него в пятом часу пополудни в сыскное явился городовой Заводов из третьего участка Нарвской части:

— Товарища вашего из сугроба откопали, — заявил он Яблочкову.

— Какого товарища? — похолодело все внутри у чиновника.

— Как звать, не помню. На облаву с ним вместе ходили, потому и опознал.

— Что значит опознал? Он мертв?

— Мертвей не бывает.

Арсений Иванович и Иван Дмитриевич уселись в санях вместе.

— Куда? — спросил их Демьян Корытов.

— Туда, где Таракановка в Фонтанку впадает, — мрачно ответил Яблочков и еще раз спросил начальство: — Неужто Новоселов?

— Больше некому. Все остальные агенты приходили утром на совещание, — буркнул Крутилин.

Всю дорогу корил себя за то, что дал втравить Новоселова в это дело. А ведь у Сергея трехмесячный ребенок. Кто теперь будет его содержать?

— Серега! Не может быть! Серега! — заорал Демьян Корытов и бросился к трупу. — Серега, миленький. Иван Дмитриевич, как же это?

— Оттащи его, без него тошно, — велел начальник сыскной Яблочкову и повернулся к околоточному третьего участка Нарвской части. — Кто нашел тело?

— Они-с, — показал он на двух крестьян, стоявших у дровней.

Крутилин подошел к ним.

— Мы с кумом ледоколы. Подрядчик велел седня тутава рубить, — крестьянин показал рукавицей на Фонтанку. — Приехали, а на наше место с набережной снегу навалили по самую парапету. Пришлось нам сугробище разгребать. В нем мужичка и нашли. Кто-то его заместо снегу башкой вниз сбросил. Царствие небесное!

И оба ледокола дружно перекрестились.

Для сохранения продуктов в подвалах и во дворах устраивали ле́дники, которые зимой забивали льдом. Его добывали на Неве и Фонтанке «ледоколы», отхожие крестьяне, которые, закончив осенние полевые работы, приезжали на заработки в Петербург. С утра до ночи они ломами и пилами вырубали прямоугольные глыбы, называвшиеся «кабанами», которые потом развозили по домам. Ежегодно столица потребляла полмиллиона таких «кабанов».

— Куда труп везти прикажете? В нашу часть али к вам? — спросил у Крутилина околоточный.

— К нам. Доктор тело осмотрел?

— Еще нет. С час назад за ним послал. А он, сволочь, не торопится.

Доктор Нарвской части Агарышев приехал минут через пять. На немой укор околоточного, мол, не лето на дворе, ответил философски:

— Пользовал пациента. Живым моя помощь нужней, чем покойникам. Ну, и что тут у нас? — Агарышев ногой откинул рогожу. — Переверните-ка на спину.

Городовые исполнили его приказание. Доктор, наклонившись, запустил пальцы в густую шевелюру Новоселова.

— Глядите, какая гематома, Иван Дмитриевич. Причем прижизненная. Сперва оглушили кастетом или кистенем, а потом уже в сугроб скинули. Наверно, рассчитывали, что тело до весны не найдут.

Крутилин спросил у Яблочкова:

— Новоселов револьвер с собой прихватил?

— Да. Видел, как клал его в карман шинели.

— Обыщи-ка карманы.

Яблочков присел. Проверил сперва шинель, потом перешел к брюкам:

— А тело-то теплое.

— Не может быть. Вам показалось, — возразил Агарышев.

Арсений Иванович дотронулся до руки покойного и через секунду радостно закричал:

— Пульс, пульс!

Крутилин повернулся к околоточному:

— Вы что? Сердцебиение не проверили?

Тот помотал головой, указав на ледоколов:

— Сказали-с, что мертв.

— Быстро в госпиталь! Что встали как вкопанные? — прикрикнул на городовых Крутилин.

Военный госпиталь находился сразу за Таракановкой, буквально в ста саженях.

— Штатского туда не возьмут. Давайте в Калин-

кинскую больницу, — предложил доктор. — Она тоже рядом. Где транспорт?

— Еще не прибыл, — промямлил околоточный.

— Сажайте в мои сани, — предложил Корытов.

— Нет, нет! Удар по голове был слишком серьезным, усаживать потерпевшего никак нельзя, — возразил доктор.

Крутилин крикнул ледоколам:

— Эй на дровнях, подъезжай!

Те попятились:

— Мы и так полдня потеряли. Нам рубить надобно.

Иван Дмитриевич вытащил из кармана револьвер и, выстрелив в воздух, пригрозил:

— Пристрелю обоих.

— Случай, конечно, уникальный, — заявил, осмотрев Новоселова, доктор медицины действительный статский советник Эрнест Вильгельмович Бредие. — Пациента от замерзания спас удар по голове. С потерей сознания несчастный потерял и страх. Ведь именно страх приводит людей к смерти от мороза. Да, да, не удивляйтесь! Вспомните лучше самоедов, которые спят в снегу. Просто потому, что привыкли и не боятся. А мы, изнеженные теплом, испытываем перед морозом ужас и по сей причине замерзаем.

— Сознание когда к нему вернется? — уточнил Крутилин.

— Боюсь, никогда. Удар был слишком сильным. Гематома у пациента не только снаружи, но и внутри черепа. По моему опыту, подобные больные превращаются в идиотов, неспособных даже кушать самостоятельно. Они не соображают, ходят под себя, неспособны говорить.

— Лучше бы Серега замерз, — вырвалось у Яблочкова.

В большой просторной палате на двадцать коек, кроме него и Крутилина, медицинскому светиле внимали городовые и околоточный третьего участка Нарвской части, доктор Агарышев, Демьян Корытов и ледоколы.

— Согласен! С точки зрения его родных, конечно, лучше бы пациент умер сразу, — поддержал Арсения Ивановича доктор. — Но для науки данный случай даст огромный толчок в постижении наших возможностей. Искренне благодарю, Иван Дмитриевич, что привезли пациента именно ко мне. В следующем номере «Вестника хирургии» обязательно поделюсь с коллегами гипотезой о влиянии сознания на замерзание.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросил у доктора Корытов. — У Сереги жена и маленькая

дочь.

— Только молиться. Господь милостив и одно чудо сегодня явил. Почему бы ему не повторить? — пожал плечами Бредие.

— Я останусь тут на ночь, — решил Яблочков.

— Веришь в чудеса? — криво усмехнулся Крутилин.

— Особенно на Рождество. Вдруг очнется? Серега явно вычислил «охотника»…

— Ты прав. Надо выставить охрану. И на тот случай, если Новоселов очнется. И на тот, если «охотник», узнав, что Сергей жив, явится сюда, чтобы добить. Но на тебя, Арсений, у меня другие планы. Околоточный!

— Слушаю, ваше высокоблагородие.

— Оставь-ка тут пару человек. Как доеду до сыскного, отправлю сюда своих людей их сменить.

— Слушаюсь.

— В сыскное? — спросил Демьян, когда Крутилин и Яблочков снова уселись в его сани.

— Меня в сыскное, а Арсения Ивановича отвезешь на Николаевский вокзал, — велел Иван Дмитриевич.

— Куда я отправляюсь? — уточнил Яблочков.

— В Булатово. Придется нам зайти с другого

бока. Попробуем прижать ювелира. А для этого нужен человек, способный опознать икону.

На следующее утро первым посетителем у Крутилина оказался известный часовщик Шнипер, державший лавку у Казанского собора.

— Эммануил Платонович, какими судьбами? — приветствовал его Иван Дмитриевич. — Надеюсь, у вас все в порядке?

— У меня-то да. Но я слышал про Новоселова. Говорят, он выслеживал опасную шайку?

Крутилин вздохнул. Неприятная новость каким-то образом просочилась в газеты, и теперь случившееся обсуждал весь город.

— Увы. Но вы ведь не ради любопытства пожаловали?

— Конечно, нет. А про Новоселова вспомнил, потому что именно он сообщил про кражу самоедом часов с голой нимфой.

— И?

— Вчера ко мне в лавку зашла чертова дюжина самоедов. Самый дикий из них на вид держал в руках те самые часы. Другой служил толмачом. По словам «Дикого», часы ему подарили с год назад…

— Ах вот оно как… Схватить и убежать у них называется «подарили».

— Дикари, что с них взять? По словам толмача, часы сперва исправно ходили, но затем перестали. «Дикий» попросил их починить.

— И?

— Я сразу вспомнил Новоселова, как предупреждал меня о часах с нимфой… А что говорят доктора?

Крутилин, понимая, что Шнипер не отстанет, пока что-нибудь не вытянет, сообщил:

— Говорят, что уникальный случай. Именно потеря сознания спасла Сергея от замерзания. Читайте «Вестник хирургии», там будет подробная статья. А где часы?

— Конечно, у меня, — улыбнулся Шнипер. — Я обещал самоедам починить их сегодня к полудню.

Крутилин дернул за сонетку:

— Назарьев.

Ангелина запомнила время встреч Долгорукой и императора — пятнадцать минут одиннадцатого — и потому сегодня вышла заранее, ровно в десять. Медленно пошла по Большой Морской. Княгини еще не было. На перекрестке Ангелина развернулась и направилась обратно к Кирпичному. На втором кругу фаворитка подъехала. Глянув на часы, Ангелина поспешила к ней. Речь

была подготовлена и отрепетирована заранее:

— Я столь же несчастна, как и вы. Мой возлюбленный не может соединиться со мной в законном браке, потому что при разводе взял на себя «темную сторону»[48]. Я прошу, умоляю нам помочь. Государь отменил крепостное право, значит, может отменить и закрепощение браком. Каждый должен иметь право на счастье. Я заклинаю вас помочь.

Княгиня Долгорукая смотрела на нее по-детски испуганно, словно опасаясь, что Ангелина выхватит из муфты револьвер и ее застрелит.

— Вы кто? — выдавила она из себя.

— Ангелина Лагункина. Сожительница начальника сыскной полиции Крутилина.

— Крутилина? Так я его знаю. В прошлом году у брата украли часы. Отцовские. Завещал брату на память. Крутилин их нашел.

— Так вы поможете?

— Саша… Император злится, когда я за кого-то прошу. Говорит, что я глупая и наивная, что меня используют. Но вы же не просите денег и концессий. Просто хотите счастья. Я попробую. Не обещаю. Простите… Саша!

---

[48] Примечания: 48
Признался в прелюбодеянии.

И Ангелина вновь стала свидетельницей точно такой же сцены, что и вчера. А возвращаясь домой, сильно корила себя за бестактность. Ведь она-то гораздо счастливей княгини — проживает с любимым под одной крышей. А бедняжка Катя Долгорукая вынуждена довольствоваться минутным взглядом.

Козьма и Демьян Корытовы, каждый на своих санях, подъехали к дому Блюмера, что на углу Большой Мещанской и Вознесенского. Демьян, спрыгнув с облучка, подвел свою лошадку к брату:

— Придержи-ка…

— Ты для этого меня сюда позвал? Мог бы к фонарю привязать.

— А ежели украдут? Кто таперича искать будет? Серега-то, считай, на том свете.

— Днем лошадок не воруют, — возразил брату Козьма. — А коли бы я на бирже остался, рупь заработал, а то и два…

— Моя кобыла дороже стоит.

— Ты там не задерживайся. А то знаю, как ты до чужих баб охоч…

— Теперича не до баб, — буркнул Демьян и направился к проходному двору. Пройдя сквозь него, он свернул влево, вошел на черную лестни-

цу и, поднявшись на четвертый, последний этаж, постучался в дверь.

— Здорово, Демьян, — открыла ему курносая кухарка. — К Сереге? Неужто не слышал? Ни жив ни мертв…

— Без тебя знаю, — чмокнул кухарку в щеку Корытов. — Евдокию в больницу везу.

— Лучше бы меня отвез. В трактир на Острова.

— В другой раз, Лизонька, в другой раз.

Демьян постучался в дверь комнаты, которую Новоселовы снимали от жильцов.

— Войдите, — сказала Евдокия.

Корытов, сняв шапку, вошел.

— Спасибо, что приехал, Демьян. Не знаю, как бы добралась в больницу без тебя, — вымученно улыбнулась ему Евдокия. Всего за сутки постарела на сотню лет. — Дашу ведь одну не оставишь. А Сережу надобно накормить. Я и супчик приготовила, и кашку, и жар-кое…

— Зря старалась. Серега только пьет. С ложки, маленькими глотками.

— Знаю. Все знаю. Но без еды он помрет. Надо как-то впихнуть…

В дверь постучали.

— Открыто, — крикнула Евдокия.

Дверь отворилась, и на пороге возник молодой

человек, с виду фабричный. Оглядев пьяными глазами комнату, спросил:

— А где Серега?

— В больничке, — ответила ему Евдокия.

— И чем заболел?

— Убить его пытались. Между жизнью и смертью теперь, — у Евдокии навернулись слезы на глаза.

— Господи… — перекрестился фабричный.

— Кем ему будешь? — спросил у него Демьян.

— Никем. Серега от тюрьмы меня спас. Я по пьяни часы с загулявшего купца стащил и в ломбард сдал. А Серега меня по квитанции вычислил. Но, поняв, что нашалил я из-за пьяной своей башки, пожалел. Дозволил часы выкупить и вернуть владельцу. Другой бы…

Фабричный заплакал:

— Я Сереге пивка принес, думал похмелить после праздника… В какой он больничке?

— В Калинкинской, — ответила Евдокия.

— Обязательно к нему заскочу.

— Не стоит. Вне сознания Серега. Не говорит, не ест. Только водичку с ложечки пьет.

— А пиво? Пиво тоже можно с ложечки. Вот возьмите, он пиво страсть как любит, — фабричный достал из холщовой сумки бутылку,

запечатанную сургучом. — Скажите, что от Васьки. Английский портер, его любимый.

Евдокия сунула бутылку в корзину с едой.

— С Рождеством! — сказал фабричный и удалился восвояси.

— Ну что, поехали? — спросил Демьян у Евдокии.

— Поехали, — ответила она и, взяв на руки Дашу, открыла дверь. Демьян, подхватив собранную Новоселовой корзину, вышел вслед за ней.

Если бы не маковка церквушки, торчавшая посреди снежного океана, Яблочков и не догадался бы, что уже прибыл. Оставалось лишь спуститься на санях с небольшого холма, что отделял село Булатово от скованной льдами речушки Мсты. Оставив взятого на станции возницу дожидаться у входа в церковь, он вошел внутрь. В храме было сильно натоплено. Услышав шаги, из царских врат вышел пожилой священник.

— Откуда прибыл, сын мой? — спросил он.

— Из Петербурга. Сыскная полиция.

— Что? Нашлась, родимая? Знал, что вот-вот найдется. Не могла не найтись. Сколько раз уже пропадала и каждый раз являлась вновь. Зря ученые мужи сомневаются, что писана Рублевым. Я в его авторстве уверен. Хоть и считается, что

не бывал великий иконописец в наших землях, только вот творение его выбрало для проживания наш храм. И чудес тут сотворило немало. Который уже век люди идут и идут, и каждый молится у нее и просит. Кто ребеночка, кто урожая хорошего, кто от болезней избавить. И всем икона помогает. Потому и привесов на ней столько, что ликов не видать. Как кражи по окрестным селам начались…

— Какие кражи?

— С прошлого года стали лихие люди в церкви забираться по ночам. Иконы не трогали. Только оклады сдирали. Ну и привесы забирали.

Яблочков усмехнулся: «охотнику» иконы были не нужны. Оклады и привесы он сдавал ювелиру Змеевскому — тот металлы переплавлял, а камушки из колечек и перстней вставлял в новые украшения. Как же хорошо задумано!

— А в моем храме, кроме рублевского «Рождества», и другие чудотворные иконы имелись, — продолжал рассказывать священник.

— Богоматерь «Знамение», «Битва Новгородцев с суздальцами», «Обрезание Господне» и целитель Пантелеймон, — перечислил Арсений Иванович.

— Их тоже нашли?

Яблочков помотал головой:

— Пока нет.

— Господь милостив. И они вернутся. Ну так вот. Чтобы обезопасить храм от похитителей, я, помолившись у рождественской иконы, испросил у нее разрешение продать в Новгороде один из привесов — массивный золотой перстень — и нанял на вырученные деньги сторожа. Вечером я запирал его внутри храма. Увы, не знал, что сторож тайком от меня проносил каждый день бутылку самогона. Из-за пьянства он и не смог оказать должного сопротивления, когда воры забрались. Успел лишь свистнуть. Но свист этот грабителей напугал. Оглушив сторожа ударом по голове, они не рискнули задерживаться в храме, чтобы содрать по своему обыкновению ризы. Просто схватили иконы и убежали.

— А сторож?

— Сторож выжил. Но грабителей он не видал. Даже не смог ответить мне, сколько их было. Я сам выяснил.

— Каким образом?

— Разбойники прискакали на лошадях и привязали их к ограде. А лошадь, где стоит, там дела свои и делает. Двое их было, двое! Что ж, доставайте икону, надо повесить ее на место.

— Икона в Петербурге. Вам придется поехать со мной, отец…

— …Вениамин. А вас как звать-величать?

— Арсением.

Новоселов был в палате самым безнадежным больным.

— Меня лучше покорми, — сказал Евдокии его сосед. — А то я шибко голодный. Твоего-то корми не корми, все одно помрет. Тока лишний раз обделается.

Палата дружно захохотала. Дежурившие агенты сыскной — Матузов и Голомысов — веселье поддержали. Евдокия от обиды вжала голову в плечи:

— Рано вы моего Сережку хороните. Вот увидите, выживет всем назло.

Она достала из корзины бутылку пива.

— Демьян, откупорь, пожалуйста, — попросила она Корытова.

— Повезло идиоту, — громко пробурчал сосед Новоселова. — Пивом будут поить…

— Каким еще пивом? — раздался голос Бредие, который зашел с обходом. — Кто позволил?

— Я думала, можно, — призналась Евдокия.

— Что ты, милая! Алкоголь — яд. Вот если в твоего ребенка влить рюмку водки, он сразу помрет,

не так ли? А твой муж теперь столь же беспомощный ребенок…

Демьян, успевший откупорить бутылку, стоял в полном недоумении: что же теперь ему с ней делать?

— Доктор, а мне пиво можно? — спросил все тот же сосед.

— После прободения желудка? Конечно, нет.

— А мне? А мне? — раздались возгласы больных.

— Никому нельзя. Только абсолютно здоровым, — и Бредие указал на агентов сыскной, сидевших на табуретках около кровати Новоселова.

— Давай сюда, Демьян, — протянул руку Голомысов.

— Прыткий ты какой, — ответил ему Корытов. — Я тоже здоров как бык. Значит, мне тоже пиво можно. Страсть как его люблю.

— Оставь, — попросили хором Голомысов с Матузовым.

— Не боись, разделим на троих.

И Демьян, залихватски подняв бутылку, сделал глоток, тут же его выплюнул и рухнул на пол.

Следом за ледоколами в столицу приезжали самоеды. Малорослые, коренастые, черноволосые, с выдающимися скулами, плоскими носами и уз-

кими, вкось прорезанными глазами, они до самой Масленицы развлекали публику катанием на оленьих упряжках по островам и льду Невы. Жилье самоеды не снимали — спали на улице в любой мороз. И даже водку, любимейшее их лакомство, употребляли в виде ледяных кусочков, которые рассасывали во рту.

В начале первого к лавке Шнипера подкатили самоеды на шести упряжках. Тут-то их и задержали агенты сыскной во главе с чиновником для поручения титулярным советником Назарьевым. Через полчаса самоеды были доставлены на Большую Морскую, куда вскоре приехал и сам пострадавший — статский советник Миллер.

— Боже мой, боже мой, — вскричал он, увидев самоедов и часы с нимфой, — вы его нашли. Какое счастье.

И Миллер бросился на шею одного из дикарей. Тот, видимо, тоже узнав статского советника, принялся что-то лопотать ему на родном языке. Один из самоедов принялся переводить:

— Первую Луну тик-тик карошо, вторую — тоже карошо. А третью Луну не карошо, нет тик-тик. Ня Нуму молиться — нет тик-тик. Ня тадебциям молиться — нет тик-тик. Ня Самдабава делать — нет тик-тик.

— Вы понимаете, что он говорит? — спросил у Миллера Крутилин.

— Конечно, понимаю. Первые три месяца часы ходили исправно, а потом сломались. И тогда самоед…

— Его зовут Ня? — высказал предположение Крутилин.

— Нет, ня по-ихнему человек. Тогда самоед стал молиться: сперва Богу Нуму, потом различным духам, а затем принес в жертву оленя. Но часы так и не пошли. Пришлось ему везти их обратно.

— Надеть на него ручные кандалы, — распорядился Крутилин.

Миллер закричал:

— Нет! За что?

— Как за что? Он ваши часы украл.

Миллер замялся:

— Дело в том, надворный советник, что… что он их не крал.

— Что?

— Мы с ним обменялись на этот дивный нож, — статский советник достал из кармана перочинный нож с рукояткой из рога оленя.

Самоед, увидев свой ножик, что-то радостно замычал.

— Но, видимо, я еще плохо знаю их язык, — при-

знался Миллер, — и не смог ему объяснить, что хочу его зарисовать. И пока искал карандаши, он ушел.

— Тогда зачем заявили, что часы украдены? — Крутилин был возмущен до крайности. И если бы не высокий чин Миллера, с удовольствием бы на него наорал.

— Как зачем? Разве стали бы вы искать моего самоеда? А он редкостный экземпляр. Из очень воинственного племени карачаев, которые живут грабежом и поэтому катать публику на оленях в Петербург не ездят. А этот вот приехал. Я просто обязан был его зарисовать для нашей коллекции. Ну не снаряжать же экспедицию с этой целью.

— Вы обманули начальника сыскной полиции, господин статский советник.

— Исключительно ради науки. Вы даже не представляете, какой вклад в нее внесли.

— Может, мне профессором стать? Только и делаю, что развиваю науку, — в сердцах сказал Крутилин и крикнул на самоедов: — А ну пошли вон!

— Иван Дмитриевич! Иван Дмитриевич! — в сыскное вбежал агент Матузов. — Новоселова отравить пытались.

— Я сделал анализ, — сообщил Крутилину Бредие. — Цианистый калий. Прекраснейший яд. Действует быстро. Не причиняет мучений. Я давно уже предлагаю использовать его для безнадежных больных. Однако моя гуманная идея упирается в косность начальства. Мол, доктора не вправе вершить судьбы больных. На все-де воля Божья. Но Бог, заразив их раком, уже распорядился. А я слышать не могу, как больные кричат, мучаясь от боли. Гран цианида избавил бы их от мучений. Очень легкая и быстрая смерть.

— Почему тогда Демьян Корытов остался жив?

— Он вовремя почувствовал горечь. И успел выплюнуть пиво, — объяснил живучесть Демьяна доктор.

— Пиво кто покупал? И где?

— Не знаем, — вступила в разговор Евдокия. — Васька его принес.

— Что за Васька? — спросил Крутилин.

— Приятель Сергея. Муж его от тюрьмы спас.

— Фамилия, адрес?

— Не знаю.

— Выглядит как?

— Шатен, бороду бреет…

— Рост, цвет глаз?

— Да не запомнила я. Не до того было, — утерла

глаза, уже опухшие от слез, Евдокия.

— Я его на всю жизнь запомнил, — сказал лежавший на койке Демьян. — Выйду отсюда, весь город переверну, но найду. Обещаю!

Яблочков и отец Вениамин удобно устроились в семейном купе курьерского поезда.

— Чувствую, что вопросом мучаетесь. Только задать не решаетесь, — сказал священник.

— Ваша правда, — подтвердил Арсений Иванович. — А вопрос мой таков: зачем прихожане дарят Богу драгоценности? Это же бессмысленно. Именно Бог создал все и вся, в том числе и драгоценности. Если они ему вдруг понадобятся, он создаст их сколько захочет.

— Вопросы ваши, Арсений Иванович, являются следствием вашего чересчур критического ума. Впрочем, при вашей профессии иного ума быть у вас и не может. Вы должны, даже обязаны задаваться вопросами. А вот верующий человек — не должен. Он или верит, или нет. Потому что на многие его вопросы ответов попросту нет. Вернее, ответ на все один — Бог и все сущее есть непостижимая тайна. Вот едем мы по чугунке. А ведь раньше-то ее не было. Резонно спросить, а почему? А не надо спрашивать. Потому что ответ очень прост. Господу нашему виднее, когда

ее было создать. Может, не готовы мы к ней были. Как дитя трехлетнее не готово азбуку постичь. А время придет, оно и грамоту освоит, и арифметику в придачу. Так и с чугункой. Доросли мы теперь до нее, потому и едем. А насчет обвесов — выскажу предположение. С их помощью Господь помогает нам содержать храмы. Ведь когда обвесов становится слишком много, мы их снимаем, часть отправляем на изготовление окладов, другую на ремонт храма. Позвольте расскажу, откуда пошла сия традиция.

— Валяйте. Делать-то все равно нечего, — улыбнулся Яблочков.

— В седьмом веке в Дамаске при дворе местного халифа служил некий Мансур. Потом он обратился в христианство, приняв имя Иоанн. Иоанн Дамасский. Наверняка про него слыхали. Когда в Византии начались гонения на иконы, Иоанн выступил категорически против иконоборчества, чем прогневал византийского императора. Тот написал халифу письмо, в котором оклеветал Дамасского, мол, якобы тот предлагал ему помощь в завоевании Сирии. Халиф разгневался и повелел отрубить Иоанну кисть правой руки. После отсечения Дамасский забрал свою кисть и, приложив ее на прежнее место, долго молился перед

иконой Божьей Матери. А наутро обнаружил, что кисть приросла. В благодарность за исцеление Иоанн приделал к иконе изготовленную для него из серебра десницу в знак того, что она теперь принадлежит Богородице. С тех пор православные, попросившие о чем-то Господа, благодарят его за помощь драгоценными украшениями.

— Отец Вениамин, а вы знаете, что если мусульманин перейдет в христианство, ему не руку, а сразу голову отрубают?

С вокзала Яблочков со священником заскочили в сыскное и вместе с Крутилиным отправились к Прасковье Матвеевне.

— Отец Вениамин, — представил тот бывшей супруге гостя. — Прибыл из Новгородской губернии, чтобы взглянуть на подаренную тебе икону. Есть подозрение, что ее украли из церкви, где он служит.

— Ты что, Иван, задумал? Прежнюю жизнь мне искорежил, теперь новую хочешь сломать? Модеста пытаешься оклеветать? Думаешь, не догадываюсь, что распутная Гелька тебе уже поперек горла? Что, вернуться желаешь? Так знай: видеть тебя не могу… А ну, пшел вон отсюда. И ты, красавчик, за ним, — дернула священника за рясу Прасковья Матвеевна. — Думаешь, про

ваш сыскной гардероб не осведомлена? Кем хошь можете одеться, хоть Государем.

— Священник настоящий, — мрачно объяснил Крутилин.

Из столовой вышел Модест Митрич:

— Прасковьюшка, дорогая, Иван Дмитриевич прав. Икона краденая.

— Что? — сжала кулачки Прасковья Матвеевна. — Так ты вор?

— Нет, я ее купил…

— Ты же сказал, семейная…

— Исключительно, чтобы произвести на тебя благоприятное впечатление.

— Тебе это удалось.

Крутилин кашлянул:

— Мы можем пройти к иконе?

Отец Вениамин узнал ее с порога.

— Она, матушка. Она, родимая. Без риз еще краше стала, — он благоговейно взял икону и поцеловал. — Нашлась моя красавица.

— Модест Митрич, — повернулся к Верейкину Крутилин и, указав на Арсения Ивановича, его представил: — Мой чиновник для поручений Яблочков. Запишет ваши показания.

— Пишите: нашел икону на улице, — заявил Верейкин.

— На какой еще улице? — схватил купца за грудки Иван Дмитриевич. — А ну-ка выйдем на пару слов.

— Не дам я показаний на Змеевского, — огорошил в коридоре Крутилина Верейкин.

— Почему это?

— Приходил он сюда вчера. Сказал, что если официально на него укажу, его «охотник» убьет и Прасковью, и Никитушку.

— Я выставлю охрану.

— Даже государя, несмотря на его охрану, сколько уже раз пытались убить. Только чудо его спасает. Пока. Спасет ли чудо Прасковью с Никитушкой?

— Модест Митрич, будьте мужчиной.

— Нет, не могу рисковать дорогими людьми. Простите.

Не будь Модест женихом Прасковьи, Крутилин скрутил бы его в бараний рог и не мытьем, так катаньем заставил бы подписать протокол. Ведь без него делу ход не дашь. Змеевский лишь посмеется над сыщиками. А обыск устраивать у ювелира бесполезно — иконы находятся у «охотника», драгоценные металлы окладов и риз давно переплавлены.

Ладно, черт с этим слюнтяем. Демьян Корытов,

невзирая на сильную после отравления слабость, внятно и подробно описал отравителя Ваську. Похоже, он и есть искомый «охотник». Сегодня все агенты с самого утра засели по трактирам, чайным, полпивным[49] и портерным в поисках Васьки. Авось, кому-нибудь из них повезет.

— Вы на вокзал? — спросил Крутилин у отца Вениамина, когда они вышли на Кирочную.

— Нет. В подворье Валаамского монастыря. Икона Рождественская велела мне не спешить. Потому что в ближайшие дни остальные лики сыщутся.

Отличился недавно принятый на службу из полицейского резерва надзиратель Шереметьев, которого из-за громкой фамилии величали в сыскном Князем. Он самолично задержал в трактире на Большой Московской пресловутого Ваську и доставил его в отделение. Преступник, как говорится, лыка не вязал, поэтому допрос отложили на утро. А вот обыск (у собутыльников мазурика Князь выяснил, где тот обитает) провели в тот же вечер.

Васька снимал угол на третьем этаже доходного дома в Кузнечном переулке. Его соседями по ком-

---

[49] Примечания: 49

Питейное заведение, в котором подавалось полпиво — малоалкогольный напиток на основе пива.

нате были такие же забулдыги, как и он, по этой причине никого из них допросить не удалось. Зато под Васькиной периной сыщики нашли икону «Знамение» и аптекарский пузырек, на этикетке которого лиловыми чернилами были выведены три латинские буквы KCN[50].

С самого утра Ваську, сменяя друг друга, допрашивали Крутилин и Назарьев. Однако задержанный твердил одно и то же:

— Иконы не крал, Змеевского не знаю, яд не подкидывал.

— Так откуда он в пиве взялся?

— Про то нам неведомо.

На третьем круге Назарьев не выдержал. Сбив Ваську со стула ударом в челюсть, хорошенько намял ему ногами бока. Пришел в кабинет начальника довольный:

— Подписал протокол. Можно ехать к Змеевскому.

— Бил? — уточнил Иван Дмитриевич.

— Самую малость.

— Потому и подписал. Да вот беда, Васька-то наш невиновен.

— Как так?

---

[50] Примечания: 50
Обозначение цианистого калия.

— Расскажи ему, Арсений.

Яблочков, развалясь на стуле, дымил «гавану». Назарьев его сильно недолюбливал: во-первых — конкурент, во-вторых, больно уж Крутилин к нему благоволит.

— Я съездил сегодня к владельцу фортепьянной фабрики, на которой трудится Васька, — сообщил Арсений Иванович. — Так вот, оба дня, четвертое и пятое июня сего года, он трудился там с восьми утра до восьми вечера. И ограбить в ночь с четвертого на пятое церковь в Булатово никак не мог. Не мог он оказаться в Новгородской губернии и в те ночи, когда грабили другие церкви. Узнав от отца Вениамина об этих кражах, я заехал перед обратным поездом к исправнику в Боровичи, ознакомился с делами и выписал даты.

Назарьев скомкал протокол опроса Васьки.

— Э нет. Дай-ка сюда, — велел ему Крути-лин.

— Зачем?

— Хочу навестить Змеевского, попытаюсь дать ему шанс на чистосердечное признание. Ведь за незаконную скупку золота срок ему светит небольшой. Вдруг сдаст «охотника»?

— «Охотников». Их двое, — напомнил ему Яблочков.

Змеевский принял Крутилина в лавке, хотя для

остальных посетителей она по-прежнему была закрыта:

— Начальник сыскной! Такая честь для меня, — напустил подобострастие ювелир. — Ожерелье желаете? Или колечко?

— Вот показания Василия Пурыгина, — Крутилин вытащил из кармана листок, — который утверждает, что продал вам украденные им ризы и привесы.

— Как, как вы сказали? Пурыгин? — делано переспросил Геркулан Сигизмундович.

— Пурыгин, Пурыгин, — подтвердил Крутилин.

— Не знаком с таким. Может, лучше, осмотрите витрины, Иван Дмитриевич? Готов сделать хорошую скидку. Скажем, сто, а то и двести процентов. Побалуйте свою Ангелину. Такая она красавица. Сие ожерелье ей точно подойдет, — Змеевский открыл одну из витрин ключом.

— Нет, спасибо.

— Но почему? Я слышал, вы разумный человек и умеете договариваться.

— Но не со святотатцами и убийцами полицейских.

— Новоселов не в штате. И пока жив. А если вдруг помрет, его семья не будет нуждаться, обе-

щаю. Давайте поладим, Иван Дмитриевич.

— Поладим, если назовете имена «охотников»…

— Вы же вчера его задержали. И даже улики при обыске нашли.

Откуда он знает? Неужели у Змеевского в сыскном освед?

— За дурака меня держите? — усмехнулся Крутилин.

Геркулан Сигизмундович погрозил ему пальцем:

— Это вы меня считаете дурачком. Ряженого ко мне подсылали. Неужели думали, не раскушу? Нет, Иван Дмитриевич, я человек умный. И потому «охотников» моих вы не сыщите. И меня с поличным не поймаете. Хотите, вступайте к нам в долю. Не хотите, скатертью дорога.

Крутилин схватил ювелира пальцами за кадык:

— Ты угрожал моему сыну. Думаешь, спущу?

— У меня в кармане револьвер. И мой палец сжимает курок, — сдавленным голосом сообщил Крутилину Змеевский. — Или отпускаете, или стреляю.

Крутилин выпустил наглеца, развернулся и вышел из лавки.

Вечером он заехал на подворье Валаамского монастыря.

— Жду вас с самого утра, — вместо приветствия сообщил ему отец Вениамин. — «Рожественская икона» еще вчера вечером сообщила, что «Знамение» нашли.

— Я думал, шутите, сказав, что икона с вами разговаривает, — признался Иван Дмитриевич, вынимая из мешка икону.

— А она не разговаривает. Мы с ней, словно прожившие долгую жизнь супруги, понимаем друг друга без слов. Я ведь в Булатово уже сорок третий год служу, — отец Вениамин поцеловал «Знамение». — Вот ты ко мне и вернулась.

— «Знамение» тоже с вами общается?

— Гораздо реже, чем «Рождество». А теперь, извините, мне пора на вечернюю службу. Встретимся уже после Нового года, дорогой Иван Дмитриевич. В уходящем году остальные украденные иконы вы не найдете.

И, благословив на прощание, священник ушел.

На Новый год Крутилин пригласил к себе чиновников сыскной. Самый пожилой из них — Василий Петров — явился с супругой, так что и Ангелине было с кем поболтать за праздничным столом. Основным на нем блюдом был

традиционный для Васильева вечера[51] молочный поросенок. Сперва пили шампанское, потом водку. После полуночи мужчины устроили маскарад — бегали наверх, в сыскной гардероб и спускались каждый раз в новом обличии. Особенно хорош был Яблочков, он даже голос умел менять.

Разошлись под утро. Проснулись Крутилин с Ангелиной в пять пополудни.

— Ой! Надо срочно собираться.

— Куда? — спросил, зевая, Иван Дмитриевич.

— Ты опять забыл? Сегодня прощальное представление госпожи Лавровской.

— Снова «Горе от ума» придется смотреть? — ужаснулся Иван Дмитриевич.

— Это у тебя горе от ума. Госпожа Лавровская — певица!

— Так мы в кафе-шантан идем? — обрадовался Крутилин.

— Нет! В театр. На сей раз в Мариинский.

Когда Иван Дмитриевич с Ангелиной вылезли из саней, начальника сыскной окликнули:

— Ваше высокоблагородие!

Крутилин обернулся и увидел извозчика-афе-

---

[51] Примечания: 51

По народной традиции так назывался вечер 31 декабря.

риста, только что высадившего своих клиентов. Не будь с ним Ангелины, послал бы его куда подальше. Но при даме пришлось ответить вежливо:

— Чего тебе?

— Нашел я вашего чиновника. В больничке он, без памяти лежит. Оказывается, в ту ночь, когда его возил, ему по башке чем-то вдарили… Спасибо, грамотные люди подсказали, где его искать. Они в газете прочли…

— Постой, постой. Так это ты Новоселова на Святки возил? Куда?

— Сперва извольте рассчитаться. Два с вас рубля.

Крутилин торопливо отсчитал мелочь.

— Посадил его на Староневском, высадил на Подольской. За господином в енотовой шубе чиновник ваш следил.

Иван Дмитриевич тут же вспомнил лавку Змеевского и вешалку, на которой висела подобная шуба.

— Господин тот в двухэтажный дом зашел. А мы мимо него до перекрестка Подольской с Малым Царскосельским проехали. Там ваш чиновник вылез и велел ждать его на Загородном.

— Дом указать сможешь?

Извозчик кивнул.

— Поехали…

— Никуда вы не поехали! — возмутилась Ангелина. — Дом не человек, за ночь не сбежит. Дай извозчику еще рубль, он тебя завтра с самого утра будет на Большой Морской караулить.

— Геля, ты не понимаешь, там опасные преступники.

— Как раз все отлично понимаю. И вот что скажу — в одиночку ты на них не пойдешь.

— У меня револьвер.

— У Новоселова тоже был револьвер… Помог он ему? Нет, Иван! Возьмешь завтра людей, окружишь дом и спокойно всех задержишь.

— Здесь в двух шагах Казанская часть, — не сдавался Крутилин, хотя умом понимал — Ангелина права. На улице хоть глаз выколи, если преступники скроются в темноте, он себе этого не простит.

— А что я скажу Тарусовым и Прыжовым?

— Они тоже придут в театр?

— Весь Петербург придет. Такое событие! Великая Лавровская покидает сцену. Сегодня последний шанс ее услышать. Поэтому мы с Тарусовыми и Прыжовыми абонировали ложу в бельэтаже.

Но Крутилину было не до Лавровской. Мыслями он был на Подольской.

— Гляди-ка, Нюша, будущие конкуренты, — толкнул супругу доктор Прыжов.

Крутилин обернулся вслед за ней и увидел братьев Корытовых, которые вместе с женами и детьми пришли послушать оперную диву.

— Откуда их знаешь? — спросил у Прыжова Иван Дмитриевич.

— Так до Пасхи служили у нас…

В наследство от первого мужа Анне Прыжовой остался извозочный промысел. Новый муж помогал ей вести дела[52].

— А потом у Корытовых умер отец, и они наследство получили. Купили собственных лошадок. Теперь сами на себя трудятся и, по слухам, думают расширяться.

— Откуда они родом? — спросил Крутилин.

— Из-под Боровичей, — сообщила Нюша Прыжова.

Тут-то все в голове у Крутилина и связалось. Последним штрихом оказалась нитка розового жемчуга, украшавшая шею жены Козьмы Корытова.

---

[52] Примечания: 52

Подробнее — романы Валерия Введенского «Убийца из прошлого» и «Напиши себе некролог».

— Мама, мама, — дернул за рукав княгиню Тарусову младший сын Володя. — Гляди, Никитка.

Когда Иван Дмитриевич жил с Прасковьей Матвеевной, мальчики часто играли. Но за прошедший год ни разу не виделись.

— И вправду, Никитушка, — удивилась княгиня Тарусова. — Иван Дмитриевич, неужели ваша бывшая оперу полюбила?

Крутилин был вынужден оторвать взгляд от Корытовых и перевести его на Прасковью Матвеевну, которая гордо вышагивала по фойе под ручку с Модестом Митричем. Рядом с ними обреченно семенил ножками Никитушка. Увидев отца, вприпрыжку бросился к нему:

— Папенька, папенька!

— А можно мы с Никитой в фойе поиграем, — спросил Володя у матери.

— Нет, уже пора места занимать, — отказала сыну Александра Ильинична.

— Но я же сказал, что оперу терпеть не могу.

— Мы не играть сюда пришли. А слушать госпожу Лавровскую.

— А если я не буду слушать, неужели она не станет петь?

Обнявшись с отцом, Никита подбежал к закадычному другу:

— Давай, когда в зале погаснет свет, попросимся в туалет, — предложил ему шепотом Володя. — И в зал не вернемся.

— Давай.

Заметив Ангелину, Прасковья Матвеевна застыла на месте. Впилась в ненавистную разлучницу злыми глазами и словно дырку в ней сверлила. Однако Ивану Дмитриевичу было не до взаимоотношений его дам.

— Я отлучусь на пару минут, — сказал он Ангелине и друзьям.

Его гнал сыщицкий азарт. Вычисленных преступников следовало задержать немедленно. В одиночку, конечно, не управиться. Но в двух кварталах отсюда Казанская часть. На извозчике — а их у Мариинки пруд пруди — он доберется туда через пару минут. Иван Дмитриевич даже одеваться не стал. Хоть на улице и холод, авось не замерзнет.

— Куда это Крутилин поскакал? — спросил у брата Демьян.

— Может, на горшок приспичило? — хохотнул Козьма.

— Ты видел, как он на нас пялился? Неспроста, ой, неспроста.

— Пусть пялится…

— А баба твоя как назло розовый жемчуг надела.

— И что?

— А то, что я за Крутилиным спущусь. Тревожно мне.

Модест Митрич чувствовал себя не в своей тарелке: Прасковья Матвеевна замерла и уставилась на Ангелину, а друзья Крутилина бесцеремонно разглядывали его самого. Он отвел от них глаза, увидел Корытовых и невольно улыбнулся. Когда-то и он был такой же нелакированной деревенщиной, впервые попавшей в театр. Все ему тогда было в диковинку. А соседство с важными господами — чиновниками с орденами на шее, разодетыми, словно попугаи, гвардейскими офицерами, дамами в соболях и бриллиантах — пугало и опьяняло одновременно. Прошли годы, он давно обвыкся и в театре чувствовал себя как рыба в воде. А сегодня ради Прасковьи даже на ложу раскошелился. Пусть сбоку, пусть в третьем ярусе. Когда-нибудь и эти люди — двое мужчин с женами и шестеро их детишек — станут в Мариинке такими же завсегдатаями, как и он.

Раздался первый звонок.

— Что встал, как столб соляной? Пошли в твою ложу, раз приперлись, — велела ему Прасковья

Матвеевна.

К удивлению Модеста Митрича, приглянувшаяся ему крестьянская семья на четвертый ярус подниматься не стала, а вместе с ними свернула на третий и зашла в ложу, соседнюю с той, что он снял.

Демьян из окон театра увидел, как Крутилин садится в сани. Дав ему отъехать, попытался выйти из театра, но его остановил городовой:

— Нельзя. Начальник сыскной приказал никого не выпускать до его приезда.

— Я сам из сыскной, — Демьян вытащил удостоверение, которое забрал у Новоселова. — Не знаешь, куда шеф направился?

— В нашу часть. В театре преступники, которые вашего товарища убить пытались. Так что, друг, раз ты здесь, помогай. Мне одному не справиться, ежели бандиты решат сбежать.

— Я сейчас, через пару минут вернусь. Только жену предупрежу…

Как только в зале погас свет, Володя стал проситься в уборную.

— Хорошо, иди, но учти — останешься без ужина, — сказала ему мать.

— Почему?

— Думаешь, ты самый хитрый? Думаешь, я та-

кой, как ты, не была? Слушай лучше пение.

Лавровская и впрямь пела замечательно. Только Володе было не до нее. Он пытался решить сложнейший вопрос, что лучше: обмануть приятеля или остаться без ужина. Поесть он любил, потому в итоге выбрал первый вариант.

Демьян вошел в ложу, сел рядом с братом.

— Пора тикать. Крутилин нас открыл.

— Быть того не может.

— У нас несколько минут. Скоро подъедут городовые из Казанской части. Пойдем.

— А жены, дети?

— Не боись. С нашими деньгами еще лучше заведем.

— Я Нинку люблю…

— Хорошо, выпишем тебе Нинку, когда личины переменим. Пошли.

— Папенька, папенька, — Никитушка решил апеллировать к Модесту Митричу, потому что отказов от него еще не получал. А ежели его папенькой обозвать, он вообще таял. — Хочу пи-пи.

Верейкин сразу поднялся.

— Куда? — спросила спросонья Прасковья Матвеевна.

Контральто Лавровской упорно загоняло ее в сон.

— Мальчик хочет в отхожее.

Они столкнулись в кругообразном коридоре.

— Гляди-ка, сынок Крутилина, — показал пальцем на Никитушку Козьма. — Помнишь, на шею ему бросился?

— Берем мальца с собой, — с ходу решил Демьян. — Если Крутилин уже прибыл, без его сынка не прорвемся.

Модест Митрич попытался оказать сопротивление, но получив от Козьмы удар в живот, согнулся и упал.

Когда Корытовы свернули на лестницу, Верейкин с большим трудом поднялся. Держась за стенку, дошел до ложи, которую абонировали Корытовы. Остановившись, пару раз глубоко вздохнул, чтобы прийти в себя, потом открыл дверь. Возле входа копошились две самые младшие их дочки, с виду по пять или шесть лет. Видимо, контральто Лавровской их тоже не заинтересовало, и матери разрешили им тихонько поиграть. Схватив девочек под мышки, Верейкин выскочил из ложи.

Спустившись вниз, у дверей из театра Корытовы увидели Крутилина с городовыми, которых отрядил пристав 1-го участка Казанской части. Заметив преступников, полицейские вытащили

револьверы и направили на них. В ответ Козьма Корытов продемонстрировал свое, вернее, украденное у Новоселова, оружие.

— Башку ему прострелю, — пообещал он, наводя ствол на Никитушку.

Преступники спустились вниз.

— Иван Дмитриевич, дозвольте-ка пройти, — улыбнулся Крутилину Демьян.

Начальник сыскной от ужаса зажмурил глаза. Эх, права была Геля. Утро вечера мудреней. Не надо было впопыхах пытаться задержать грабителей. Ничего в них святого. Ребенка готовы убить. Его ребенка.

— Папенька, папенька, — крик Никитушки вернул Крутилина к действительности.

— Отпусти сына, — прохрипел он.

— Отпустим, но потом! Сейчас мы выйдем и уедем. А преследовать нас ты не станешь. И тогда сына твоего оставим на одной из почтовых станций. Попросим, чтоб тебе оттуда телеграфировали, — диктовал свои условия Демьян.

— Опустить оружие, — скомандовал городовым Крутилин.

И тут откуда-то сверху раздался крик Верейкина — он поднял за косы дочек Корытовых и опустил их в проем лестницы:

— Отпустите Никиту, или скину их вниз.

Козьма отвел револьвер от Никиты, чтобы нацелиться на Верейкина. Этой секунды Крутилину хватило, чтобы сразить его наповал.

Демьяна доставили в Казанскую часть. Иван Дмитриевич приехал следом. Его трясло, и вовсе не от холода. Душа в пятки ушла, когда увидел наведенный на Никитушку револьвер. Пристав 1-го участка предложил водки, Крутилин с благодарностью кивнул. После третьей рюмки дрожь прошла, лицо порозовело:

— Пойдемте-ка допрашивать вместе, — предложил он приставу. — В одиночку боюсь. Могу сорваться.

— Понимаю, Иван Дмитриевич. Не дай бог никому оказаться на вашем месте.

Учуяв от полицейских пары алкоголя, Демьян попросил налить и ему:

— Брата потерял. Помянуть надо. Всю жизнь вместе провели. Его Бог силушкой наделил, а меня умом. Вот и дополняли друг друга.

Пристав вопросительно посмотрел на начальника сыскной. Крутилин кивнул — пусть выпьет, ежели просит.

После выпитого стакана Демьян стал рассказывать:

— Землю помещик выделил общине самую никудышную. Наша семья прокормиться с надела не могла. Потому мы с братом и уехали в Питер. Много занятий перепробовали: и на фабрике спину гнули, и в строительной артели, и на Калашниковой бирже крючниками. Потом нанялись извозчиками. Тоже не сахар, большая часть заработанного уходила хозяину кобылы и ей на прокорм. Еле-еле сводили концы с концами. Однажды у Николаевского вокзала ко мне подошел знакомый лихач с предложением:

— Не хочешь за меня в участке отсидеть? Подрался я пару дней назад, помощник пристава составил протокол. Сегодня повестка пришла к мировому судье. Недельку-другую точно присудят. Это ж сколько денег я не заработаю! Давай-ка я за тебя буду хозяину выручку отдавать, а тебе по пять рублей за каждый день отсидки заплачу. Тебе и делать ничего не надо, только именем моим у судьи назваться.

Предложение было щедрым, конечно, я согласился. И мировой судья за пять минут приговорил меня к двухнедельной отсидке. Получив на руки решение, я отправился в Съезжий дом. Там в камере обнаружил земляка, Лешку Кадина. Мы с ним сразу сдружились. Он рассказал, что

промышляет воровством в банях. Похищенную одежду старьевщикам сдает, деньги само собой присваивает, а вот драгоценности продает знакомому ювелиру.

— На рыжевье[53] нашего брата и ловят, — объяснил он. — Перемыть[54] его сложно, барыги берут задешево, а ежели сам сдашь в ломбард — точно схлопнут. Фраера[55] и сами по ломбардам рыщут, и зухеры[56] в них часто наведываются. Потому я с ювелиром знакомство и свел. Сдаю ему ценности, золото он переплавляет, а камушки в другие изделия вставляет. И ему хорошо, и мне.

Этот разговор и натолкнул меня на мысль. Ведь почти в каждой церкви имеются иконы с обвесами. А охраны, особенно в селах, в храмах нет. Грех, конечно, церкви грабить. И грех большой. Но ежели не грешить, решил я, всю жизнь придется с хлеба на воду перебиваться. Козьма меня

---

[53] Примечания: 53
Ювелирные изделия.

[54] Примечания: 54
Продать частному лицу.

[55] Примечания: 55
Потерпевшие.

[56] Примечания: 56
Сыщики.

поддержал. Первую церковь мы после Пасхи обнесли.

— Где? — уточнил Крутилин.

— Неподалеку от Питера, станция Любань. По чугунке туда приехали, пошатались до темноты, в полночь забрались в храм, в четыре утра сели на обратный поезд. Прямо с вокзала пошел я к Змеевскому. Сказал, что от Лешки и такую же надобность имею. Он кивнул. Я развернул узелок с добычей. Геркулан аж присвистнул:

— Я-то думал, как у Лешки, парочка колец. А здесь добыча так добыча.

Назвал мне цену. Я для солидности поторговался. В общем, купили мы с братом за вырученные деньги по хорошей лошадке, к коляскам стали присматриваться, а тут вдруг известие из дома, батя помирает. Купили вместо колясок телегу, запрягли кобылок и покатили. Успели в живых отца застать. Потом похороны. Мамка стала уговаривать в деревню вернуться. Но мы с Кузьмой, конечно, отказались. Предложили ей к нам переехать, мамка согласилась. Но поставила условие — после сороковин. Одну ее в деревне оставить не решились. А чтобы время зря не терять, решили покамест по тамошним церквам пошерстить. В четырех прошло как по маслу, а в Булатово

сторож внутри оказался. Свистеть начал. Козьма огрел его кастетом. Всегда его с собой носил — клиент ведь разный садится…

— Тикать надо, — сказал я брату.

— Зачем? Сторож очнется не скоро.

— А вдруг свист кто-то слышал?

В общем, не стали мы в Булатово иконы потрошить. Просто выломали их из иконостаса и с собой забрали. Вернулись в Питер, сдали добычу Змеевскому. И коляски купили, и сани, и два дома на Семенцах рядом друг с дружкой с единым двором — у меня фасад на Подольской, у Козьмы — на Серпуховской. Коров завели, кур, коз, поросят. Все как у людей. Но мы-то с Козьмой о собственном промысле мечтали. Чтоб не самим на кого-то горбатиться, а наоборот. А деньги-то закончились. И добыть их было никак — Геркулан заявил, что нужен ему перерыв, де, надо уже украденное переплавить, изделия изготовить и распродать.

— Тогда, — сказал я ему, — продай иконы.

Знал, что цены они немереной. Эх, надо было их разрубить и в печке сжечь.

Вечером после Рождества приехал к нам Геркулан Сигизмундович. Мол, еще одного покупателя нашел. И тот готов забрать сразу все доски.

Я, прежде чем в подпол лезть, выглянул в окно. И увидел Новоселова. А что ему в праздничный день в Семенцах делать? Наверняка кого-то выслеживает. Не нас ли? Решили проверить. Велел Геркулану из дома моего выйти, и, сделав по улицам круг, зайти к Козьме. Стали наблюдать, и худшие опасения подтвердились — Серега потопал за ювелиром. Козьма тут же бросился вслед за ними. И буквально втолкнул Новоселова к себе в дом. Серега, увидев нас с ювелиром, тут же достал револьвер, взвел курок. Хорошо, что у Козьмы кастет. Огрел он им Новоселова со всей силы.

Геркулан описал нам «покупателя». Я узнал Яблочкова. К Змеевскому тот пришел с рекомендательным письмом от купца Верейкина, которому ювелир продал первую икону. Козьма предложил Верейкина убить, чтобы показания он на Геркулана не дал. Но Змеевский заявил, что душа у купца хлипкая и что он без труда его запугает. На том и порешили. Мы с Козьмой запрягли сани — я отвез домой Геркулана, а брат избавился от Новоселова. Добивать его не стали, все-таки приятель. Решили, что сам замерзнет…

— Расскажи про пиво, — велел Крутилин.

— Когда Серегу нашли живым, мы с Козьмой

испугались, что в сознание придет. У знакомого аптекаря я купил сильный яд — наврал ему, что осы в сарае завелись. Хотел воду отравить, которой Евдокия будет Серегу поить, но на мою удачу явился фабричный с пивом. Мы с Евдокией вслед за ним из дома вышли, и я велел Козьме, который ожидал нас, ехать за фабричным и выяснить, где тот обитает. В больнице, когда я откупоривал пиво, бросил в бутылку яд. Но тут вошел доктор и поить им Серегу запретил. Голомысов с Матузовым протянули руки за бутылкой. Зла им я не желал. Поэтому сделал вид, что хлебнул и упал. А Козьма тем временем забрался к фабричному в дом, подкинул остатки яда и одну из икон.

Крутилин пришел домой во втором часу ночи. Ангелина еще не ложилась, ждала. Котолизатор тоже не спал. Сразу деловито прыгнул к Ивану Дмитриевичу на руки и потребовал ласки.

— А мы с Прасковьею сдружились, — сообщила Ангелина.

— Не может быть.

— Когда Корытова увезли, с Верейкиным случился сердечный приступ. Пришлось мне самой Никитушку к Прасковье в ложу отводить.

— А разве представление не прервали?

— Нет. Музыка играла так громко, что выстрел

в зале никто не услышал. А к антракту труп уже увезли. Я все рассказала Прасковье: и про Верейкина, и про тебя. Она обняла меня и пригласила в гости.

— А Никитушка?

— Его позвали к себе на ночь Тарусовы. Он так обрадовался, что сразу забыл страшного дядьку и его револьвер.

После совещания с агентами Крутилин отправился на подворье Валаамского монастыря.

— Теперь можно домой ехать, — сказал отец Вениамин, принимая иконы. — Хотя нет. Чуть не забыл. «Рождественская» велела в больницу заехать. Хочет лично поблагодарить вашего агента.

— А к жизни она его вернуть не хочет? — спросил Иван Дмитриевич.

— Про то доподлинно не знаю. Но все может быть…

— Благодаря энергическим действиям начальника сыскной полиции вчера в Мариинском театре был задержан крестьянин Демьян Корытов, совершивший кражу пяти икон в церкви Рождества, что в селе Булатово Новгородской губернии. Его сообщник оказал сопротивление и был Крутилиным застрелен, — докладывал

императору обер-полицмейстер. — Ходатайствую перед вашим величеством о награждении Ивана Дмитриевича орденом…

— Да не нужен ему твой орден, — махнул рукой Александр Второй.

— А что ему нужно, ваше величество? — уточнил удивленный Треплов.

— Повторно вступить в брак.

— Но это невозможно.

— Для императора нет ничего невозможного, — повторил самодержец вчерашние слова Кати Долгорукой. — Передай Крутилину, что дозволяю.

Через неделю после посещения больницы отцом Вениамином Новоселов пришел в себя. А на масличной неделе вернулся в сыскное. После Пасхи один из надзирателей перевелся приставом в Псковскую губернию и Новоселова приняли в штат на его место.

После оглушительного успеха в Новый год госпожа Лавровская объявила, что в текущем сезоне даст дополнительно двадцать прощальных выступлений.

Об издании

Разработка серии *Андрея Саукова*
Иллюстрация на обложке *Филиппа Барбышева*
ISBN 978-5-04-106418-1
© Свечин Н., 2020
© Добров А., 2020
© Введенский В., 2020
© Погонин И., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020
Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.
Литературно-художественное издание
Убийственное Рождество

Детективные истории под елкой
Ответственный редактор *Т. Тимакова*
Младший редактор *Е. Шукшина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *М. Караматозян*
Корректоры *И. Гончарова, В. Соловьева*

